

Федеральное агентство научных организаций
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Э.Н. Попова

**СОЮЗЫ И СОЮЗНЫЕ СРЕДСТВА
В КОМИ ЯЗЫКЕ**

Ответственный редактор
доктор филологических наук Е.А. Цыпанов

Сыктывкар 2015

УДК 811.511.132'367.634
ББК 81.2 Ком-2
П58 Попова

Попова Э.Н.

СОЮЗЫ И СОЮЗНЫЕ СРЕДСТВА В КОМИ ЯЗЫКЕ. Сыктывкар, 2015. 112 с. (Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН).

ISBN 978-5-906394-23-1

В работе дифференцируются наиболее важные этапы в развитии союзов в коми языке; выявлены пути и способы их образования, происхождение, значение, структура, анализируется грамматическая семантика, выявляются функциональные особенности. Определены взаимоотношения союзов с другими частями речи, роль влияния контактирующего русского языка на развитие и пополнение корпуса союзных средств в коми языке. Выявлено общее специфическое в функционировании союзов в коми языке и севернорусских говорах. Освещены вопросы о некоторых типах показателей связи в коми языке, функционально сближающихся с союзами; разграничения союзов от несоюзов, союзных соединений от составных союзов.

Монография адресована научным работникам, преподавателям коми языка, аспирантам, магистрантам и студентам. Представляет интерес для специалистов в области финно-угорской филологии.

УДК 811.511.132'367.634
ББК 81.2 Ком-2

Рецензент

доктор филологических наук, профессор В.М. Лудыкова

ISBN 978-5-906394-23-1

© Попова Э.Н., 2015
© Институт языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО РАН, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Актуальность темы монографии продиктована малоизученностью союзов и союзных средств в коми языке, отсутствием обобщающих теоретических работ об этой служебной части речи. Вопросы, касающиеся союзов, разрабатывались, главным образом, в разделах нормативных грамматик (Бубрих 1949: 190–193; СКЯ I: 270–276; ÖKK: 487–502) и в рамках исследования сложных предложений (СКЯ II: 186–245), также нашли отражение в монографическом исследовании сложноподчинённых предложений коми языка с точки зрения истории в кандидатской диссертации Н.Д. Мановой (1976), и в нескольких статьях (Манова 1975, 1978, 1987, 1990; Попова 2002; Редеи 2005).

Объектом исследования автора в течение продолжительного времени являлись союзы в коми языке. Настоящая работа представляет собой обобщение результатов научных разработок в области исследования истории развития союза как части речи в коми языке от древнепермского периода и до настоящего времени; происхождения, структуры, семантики союзов, их функциональных особенностей; формирования и пополнения фонда союзных средств.

Основной этап исследований был осуществлён в рамках коллективных тем НИР отдела языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН: “Коми слово: грамматика и функциональная семантика” (2002–2007), “Динамика структуры пермских языков” (2008–2010), “Пути развития пермских языков: история и современность” (2011–2013).

Работа написана на основе фактического материала, собранного преимущественно из текстов коми художественной литературы начиная со второй половины XX в. (примеры из художественной литературы в некоторых случаях подверглись сокращению), из произведений устного народного творчества, диалектных источников, памятников древнепермской письменности; привлекается материал из нормативных словарей коми языка. Используется также материал из работ других исследователей коми и финно-угорских языков.

В исследовании мы пользовались работами известных русских и финно-угорских лингвистов, занимавшихся проблемами союзов и союзных средств: В.В. Виноградова, А.М. Пешковского, А.Б. Шапира, Р.Д. Кузнецовой, А.Ф. Прияткиной, Е.Т. Черкасовой, В.З. Санникова; Р. Карелсона, К.Е. Майтинской, К. Редеи и др.

ВВЕДЕНИЕ

---

1. История изучения союзов в коми и других финно-угорских языках

В самостоятельную часть речи союз был выделен в античной грамматике. У Аристотеля союзы составляли часть синкретического класса связок (*syndesmoi*), куда входили собственно союзы и предлоги. В отдельный класс союзы были выделены Дионисием Фракийским (2–1 вв. до н.э.). В средневековых грамматиках союзы включались в категорию “частиц речи” (*particulae orationis*). В языкознании XX в. союз вместе с модальными словами часто относят к синтаксическим служебным словам (в противоположность морфологическим – предлогам и артиклям) (ЛЭС: 485).

Основной проблемой при разработке вопроса о союзах в русистике была: оставить союзы в морфологии или рассматривать за пределами морфологии? С именами выдающихся русских лингвистов А.М. Пешковского, И.И. Мещанинова, В.В. Виноградова связана традиция не включать союзы в морфологию. Союзы вначале обозначали термином “частица”. Давая определение русским союзам, В.В. Виноградов писал: “Союзы – это частицы речи, которые обозначают логико-грамматические отношения и связи не только между однородными словами и словосочетаниями в составе синтагмы или предложения, но и между группами слов, между синтагмами, предложениями, фразами в структуре сложных синтаксических единств” (Виноградов 1972: 552).

С определением статуса русских союзов И.И. Мещанинов отмечает, что “вызванные к жизни синтаксисом и сохраняя лишь синтаксическое значение, союзы не имеют достаточных данных для своего выделения в особую часть речи. Они остаются служебными частицами с отмеченным выше специальным синтаксическим заданием” (Мещанинов 1978: 384).

Большой вклад в разработку проблемы о союзах в русском языке внёс В.В. Виноградов, который подчёркивал, что как и предлоги, союзы выражают разнообразие синтаксические отношения. Будучи неизменяемыми словами, союзы не имеют специальных морфологических показателей для выражения синтаксических отношений и не используются в морфологии. При этом в отличие от предлогов, согласно В.В. Виноградову, союзы “непосредственно не влияют на форму отдельных слов” и, “в сущности, за пределами морфологии” (Виноградов 1972: 553). Тем не менее, следуя традиции, он

оставил союзы в морфологии. Для этого имеются определённые основания. Дело в том, что союзы не изолированы от остальных разрядов слов. Они формируются на базе различных частей речи (местоимений, наречий, частиц и др.). Как отмечает В.В. Виноградов, “большая часть производных союзов еще не достигла той степени абстрактного значения, которая резко отделяла бы их от системы знаменательных частей речи. Генетическая связь многих из этих союзов с именами существительными < > с местоименными словами и особенно с наречиями < > непосредственно очевидна” (Виноградов 1972: 565). А значит, представляют собой известную часть в лексическом составе языка, выполняющих определённую функцию в предложении. Следовательно, союз связан с другими частями речи прежде всего синтаксически.

Исследование финно-угорских языков началось с первых грамматик, вышедших в XIX в. В грамматиках Ф.И. Видеманна марийского (1847), эрзя-мордовского (1865), удмуртского (1875), коми-зырянского (1884) языков союзы рассматривались в разделе “Частицы”, куда вошли наречия, послелоги, союзы, междометия. В грамматике эрзя-мордовского языка иногда включались местоименные формы. Специальных разработок, посвящённых союзам как части речи, по финно-угорским языкам мало. Среди них можно отметить диссертационную работу Р. Карелсона “Союзы в прибалтийско-финских языках” (1959). Вопросы, касающиеся союзов, нашли отражение, главным образом, в разделах нормативных грамматик; чаще всего они рассматриваются в рамках исследования сложных предложений в соответствующих разделах фундаментальных грамматик финно-угорских языков, а также в специальных работах: по мордовскому языку (Бузаков 1973), удмуртскому (Калашникова 1974); коми (Манова 1976), венгерскому (Simonyi 1881–1883) и др.

В “Грамматике финского языка” Л. Хакулинен союзы относит к вспомогательным словам (*partikkelit*), **составляющим часть речи, которая за исключением междометий, в целом образовалась позднее других частей речи.** Автор отмечает, что “пожалуй, самым интересным является то, что союзы имеют относительно позднее происхождение” (Хакулинен 1953: 69). По утверждению Л. Хакулинен, в финском языке нет ни одного союза, который восходил бы к финно-угорскому языку-основе, а к финскому языку-основе, по его предположению, восходят только три союза: *ku(i)n* ‘когда, чем, нежели’, *etta* ‘что’, *jos* ‘если’. Эти три союза, считает Л. Хакулинен, являются по происхождению явно выраженными наречиями. Автор приходит к выводу: “Вообще в финском языке любой союз, если он не заимствован из других языков, происходит из прежнего наречия” (1953: 69–71).

Союзам посвящена диссертационная работа Р. Карелсона “Союзы в прибалтийско-финских языках” (Карелсон 1959), в которой автор рассматривает важные с точки зрения общего языкознания проблемы, связанные с общетеоретическими положениями о союзах, а именно: сущность союза, его

происхождение, отношение и связь с другими частями речи, классификация союзов т.д. Р. Карелсон в своей диссертации придерживается наиболее целесообразной, т.е. традиционной синтаксической классификации (деление на сочинительные и подчинительные союзы), причём из ряда подчинительных опускает лишь вопросительные союзы, т.к. “слова, которые обычно включают в эту подгруппу, вообще нельзя считать союзами” (Карелсон 1959: 8). Такой же точки зрения придерживается и финский лингвист А. Пенттиля. В работе Р. Карелсон союзы в прибалтийско-финских языках рассматривает также по структурным особенностям, разбивая на следующие группы: простые, сложные, составные союзы, групповые союзы, повторяющиеся союзы, коррелятивные союзы (Там же: 8).

В работе по тихвинскому говору карельского языка В.Д. Рягоев союзы классифицирует по значениям и функциям. Среди сочинительных союзов выделяет группу с пояснительным значением; среди подчинительных – союзы вопросительные. Также “для связи единиц в подчинительных синтаксических конструкциях” выделяет союзные (или относительные) слова местоименного происхождения. Функцию союзных слов, отмечает В.Д. Рягоев, могут выполнять: а) прилагательные *kumman* ‘который’, б) наречие *mista* (*mista*) ‘где’ (Рягоев 1977: 168–172).

В “Грамматике вепского языка” (1981) трактовка союзов мало отличается от грамматик других финно-угорских языков, вышедших в 50–60-е гг. XX столетия. В ней союзы выделяются по морфологическому строению (непроизводные, производные) и по функциям (значениям) (ГВЯ: 295–296).

В “Грамматике венгерского языка” в разделе “Союзы” К.Е. Майтинская отмечает, что категория союза объединяет служебные слова, связывающие предложения или члены предложения. Автор определяет важную особенность, присущую союзам: по своему происхождению союзы связаны со многими частями речи – одни с застывшими формами местоимений, другие могут состоять из соединения двух союзов, третьи связаны с глаголами через причастия и деепричастия, некоторые нередко образованы из сложения нескольких слов; даже целые предложения могут превращаться в союзы. Исследователь союзы классифицирует по структуре – на простые и сложные; по синтаксическим особенностям – сочинительные и подчинительные. Автор считает: “Значения как сочинительных, так и подчинительных союзов, удобнее всего рассматривать в связи со значениями связанных между собой предложений или частей предложений, поэтому о них будет сказано в разделе, посвященном синтаксису” (Майтинская 1955: 298). Здесь же она отмечает, что в венгерских грамматиках союзные слова не выделяются в особую группу союзов (Там же: 298).

В работе “Основы финно-угорского языкознания” (1976) в разделе “Пермские языки” союзам отведено незначительное место. Дан краткий об-

зор. Авторы ограничились перечислением основных разрядов сочинительных и подчинительных союзов. Если в грамматиках по пермским языкам (СКЯ 1955; КПЯ 1962; ГСУЯ 1962) подчинительные союзы разбиты на семь семантических групп, то в “Основах ...” выделено пять групп: не представлены сравнительные союзы; причинные и целевые союзы рассматриваются в одной семантической группе – причинно-целевой. Также отмечено, что состав удмуртских союзов в основном исходит от исконных слов, часть заимствована из татарского языка, что преобладающая часть употребительных союзов в коми языках является заимствованиями из русского языка. Обращается внимание на наличие группы союзов в пермских языках, представляющей собой кальки соответствующих по значению русских союзов, однако ни один такой союз не называется (ОФУЯ 1976: 200–202).

Самые первые сведения о союзах коми языка можно найти уже в первой печатной грамматике коми-зырянского языка “Зырянская грамматика, изданная от главного управления училищ”, написанной Ф. Козловым и опубликованной А.Ф. Флеровым (Фроловым), вышедшей в Санкт-Петербурге в 1813 г. VII глава в грамматике посвящена союзам, где дается определение: “Союз есть часть речи, связывающая или разделяющая между собою слова или предложения”. Автор первой грамматики не только перечисляет союзы, среди которых обнаруживаются собственно зырянские и заимствованные союзы, но и подразделяет их на семантические группы: 1. Соединительные (*и* ‘и’; *жӧ* ‘же’; *сидзжӧ* ‘также’). 2. Разделительные (*или* ‘или’; *о* ‘но’; *либӧ* ‘либо’). 3. Условные (*ежели* ‘ежели’; *кодыр* ‘когда’). 4. Противительные (*а* ‘а’; *но* ‘но’; *однако* ‘однако’; *кӧтя* ‘хотя’). 5. Винсловные (*муй* ‘что’; *метко* и *муй* ‘чтобы’). 6. Заключительные (*исичь* ‘и так’; *сытондась* ‘посему’) (Флеров 1813: 37–38).

В “Грамматике зырянского языка” П.И. Савваитов (1850) даёт следующее определение союзам: “Союз есть частица речи, показывающая взаимное отношение и связь мыслей и слов”. Автор отмечает, что зырянский язык небогат союзами, но этот недостаток восполняют частицы, заимствованные из русского языка. Далее приводит собственно зырянские союзы: *мыӓ* (Удор. *муӓ*) что, *вескӧ* бы, *мед* (Удор. *меткӧ*) чтобы, *мед вескӧ* чтобы, для того чтобы, *кодыр*, *кор* если, когда. Сюда же относит и неотделяемую придаточную частицу *-кӧ* если, иногда, по мнению автора, “соответствующую русской, также неотделяемой, частице *-то*”. Приводит также заимствованные из русского союзы: *а* ‘а’, *вӧд* ‘ибо, потому что’, *да* ‘да, и’, *жӧ* ‘же’, *и* ‘и’, *и – и* ‘и - и’, ‘как - так’, *или*, *либӧ* ‘или, либо’, *кӧтӓ*, *кӧтӓя* ‘хоть, хотя’, *либӧ – либӧ* ‘или - или’, ‘либо - либо’, *нежели*, *нежӧ* ‘нежели’, *ни – ни* ‘ни - ни’, *но* ‘но’, *однакӧ* ‘однако’ (Савваитов 1850: 80–81).

Г.С. Лыткиным была составлена первая нормативная грамматика на коми языке – “Грамматика зырянского языка”, вошедшая в книгу “Зырян-

ский край при епископах пермских и зырянский язык”, изданная в 1889 г. в Санкт-Петербурге (переиздана в 1996 г.). Грамматика посвящена вопросам морфологии коми языка, в которой автор выделяет семь частей речи: имя, местоимение, глагол, послеположение, наречие, союз и междометие. “Существительное”, “прилагательное”, “числительное” составляют часть речи “имя”. Частицы рассматриваются вместе с наречиями.

Г.С. Лыткин приводит только собственно зырянские союзы: *мыј* (Вот. *ма*) ‘что’, *мед мет-кӧ* ‘чтобы’, *нӧ* (Вот. *но*) ‘же’, *сес’с’я*, *сес’и* ‘и’, *кӧ* (Вот. *ке*) ‘если’, *ес’кӧ* ‘еслибы’, *мед ес’кӧ* ‘для того чтобы’, *тај* Славянск. *бо*; *мыј-тај*, *сы понда мыј* ‘ибо, потому что’, *кор, кодыр* = *код* + *дыр* ‘когда, в какое время’ (1889: 41). Как видим, в приведенном ряду нет ни одного заимствованного союза. О заимствованных союзах исследователь пишет: в зырянских переводах “я безусловно исключил русские союзы, которые чужды зырянскому языку и которых нет в зырянских переводах св. Стефана. – Русские и другие иноземные слова, особенно же русские союзы попали в зырянский язык, благодаря Зырянам-семинаристам, т.е. единственным образованным Зырянам прошлого и настоящего столетий” (Там же: VI).

В работе П. Михайлова замечено, что “зырянский язык скуден союзами ... зыряне большей частью ... употребляют союзы русские” (Михайлов 1873: 83).

В 1949 г. появилась первая научная грамматика коми языка – “Грамматика литературного коми языка” Д.В. Бубриха, в которой грамматический строй коми языка впервые получил системное освещение, и которая до сих пор не утратила своей актуальности и научной ценности. В грамматике выделен раздел служебных слов, куда вошли “Послелог”, “Союзы”, “Частицы”. Важным моментом в рассмотрении вопроса о союзах является то, что автор сосредоточивает внимание на особенностях функционирования некоторых сочинительных союзов: “< > коми язык допускает трактовку сочинительных союзов как сопровождающих то слово, после которого они стоят. < > В этой обстановке большую роль получает перестановка. При перестановке может возникать изменение значения сочинительного союза: он может приобретать значение союза подчинительного” (Бубрих 1949 : 190–191). Но, как отмечает автор, не все сочинительные союзы причастны к описанным явлениям. Примером такого грамматического явления может послужить союз *да*. Союзы *но*, *жӧ* трактуются так же, как в русском языке (Там же: 191–192).

В грамматике “Современный коми язык” (1955) определение союза получило не совсем точную трактовку. Освещение вопроса о союзах мало отличается от грамматик других финно-угорских языков, вышедших в 50–60-е гг. XX в. В ней союзы классифицируются по морфологическому составу, функциям и значениям. Выделяются союзные слова (СКЯ 1955: 270–276).

Наиболее подробное описание союзы получили в последней грамматике “Ӧня коми кыв. Морфология” (Современный коми язык. Морфология)

(2000), где глава о союзах по сравнению с предыдущими работами существенно дополнена и расширена. Затрагиваются вопросы происхождения союзов, даётся их классификация по структуре, функциям и значениям, более развёрнуто дана семантика союзов. Среди сочинительных союзов впервые выделены сопоставительные (градационные) и присоединительные союзы. Подчинительные союзы делятся на семантические и синтаксические (или функциональные). Рассматривается также вопрос о местоположении союзов в предложении (ОКК 2000: 487–502).

Вопросам коми союзов посвящена статья К. Редеи “Сочинительные и подчинительные союзы коми языка”, в которой автор затрагивает вопросы происхождения и структуры союзов. К. Редеи союзы делит на: 1) союзы древнезырянского языка; 2) союзы современного коми языка. По его мнению, сочинительные союзы коми языка в большинстве случаев русского происхождения, а из подчинительных союзов лишь немногие имеют русское происхождение, в большинстве случаев они возводятся к местоимениям, наречиям местоименного происхождения, частицам (Редеи 2005: 228–234).

Союзы как служебные части речи выделены во всех монографиях по коми-зырянским диалектам. Союзы в диалектах в основном те же, что и в литературном коми языке; они классифицируются по синтаксическим особенностям – на сочинительные и подчинительные. Отмечается, что большинство союзов заимствовано из русского языка. В верхневычегодском, присыктывкарском, печорском, вымском диалектах выделяется союзная частица *-a* ‘а; ведь’; в верхневычегодском диалекте также союзные частицы: *da* ‘да’, *и (й, ий)* ‘и’, *кэ* ‘видимо’, *коть* ‘хоть’ и отсутствующие в некоторых говорах составные союзы *сы вёсна мый, сы понда мый* ‘потому что’. Много союзов представлено несколькими вариативными и структурными формами, много специфических союзов. Имеются общепермские слова (ВВД: 124–126; ПСД: 187–188; ВСД: 150–151; ИД: 112–113; ПД: 47–48; НВД: 52; ССД: 60; ЛЛД: 110–113; УД: 99–102; ВД: 163–165).

В монографии В.И. Лыткина “Коми-язьвинский диалект” союзам отведено незначительное место. Автор объясняет это тем, что в коми-язьвинском диалекте многие частицы выполняют функцию союзов, в некоторых случаях трудно разграничить функцию союза от функции частицы, “поэтому мы специально не останавливаемся на рассмотрении союзов, которыми коми-язьвинский диалект не особенно богат. Скажем лишь, что в этом диалекте употребляется целый ряд русских союзов в том же самом значении” (Лыткин 1961: 82).

Вопросы, касающиеся союзов, нашли отражение в кандидатской диссертации Н.Д. Мановой “Сложноподчинённые предложения в коми языке в историческом освещении (основные типы)” (1976), в которой при решении вопроса о происхождении сложноподчинённых предложений исследователь

опирается, прежде всего, на историю средств связи, а именно, союзов. Устанавливается также этимология союзов, приводится семантическая характеристика предложений с данным союзом или союзным словом, выявляется структурная характеристика предложений с тем или иным союзным средством. Кроме этого, ею опубликовано несколько научных статей, в которых также рассматривается история образования некоторых подчинительных союзов (Манова 1975, 1976, 1978, 1987, 1990).

Подводя итог по истории исследования союзов в финно-угорских языках, можно сказать, что союзы и союзные средства рассматриваются главным образом в качестве раздела или темы в нормативных и описательных грамматиках и работах по синтаксису. Монографических и диссертационных исследований немного.

Особое внимание уделено классификации союзов по функциям и значениям, структурным особенностям, происхождению.

На проблему изучения союзов в российских финно-угорских языках, как отдельного разряда служебных слов, сильное влияние оказала русская грамматическая традиция, что отразилось в грамматиках, появившихся в 50–60-е гг. XX столетия (СКЯ 1955; СМЯМ 1961; ГСУЯ 1962; ГМЯ 1962; КПЯ 1962 и др.).

Большой вклад в освещение вопросов по союзам внесла работа К.Е. Майтинской “Служебные слова в финно-угорских языках” (1982), в которой рассматриваются три категории служебных слов: предлоги / послелого, союзы и частицы. На основе сопоставления материалов финно-угорских языков сделаны теоретические выводы, выявлены определенные закономерности функционирования служебных слов, описаны связи служебных частей речи со знаменательными словами, определены особенности служебных слов. Союзам в работе посвящена отдельная глава. Автор обращает внимание на определение союза, приемлемое для большинства языков, которое нуждается в ряде уточнений: “Союзами обычно называются служебные слова, выражающие связь между словами, словосочетаниями или предложениями” (СКЯ I: 270; КПЯ: 309; Керт 1971: 219). Ссылаясь на Е.Т. Черкасову, К.Е. Майтинская вносит уточнения в определение союза: “Союзы, как и предлоги и послелого (релятивные слова), выражают отношение. Но в отличие от релятивных слов, которые служат формальным средством соединения имен (местоимений) с другими словами в словосочетании или предложении, союзы соединяют не слова, а синтаксические единицы – члены предложения или части сложного предложения” (Майтинская 1982: 78). В описательных грамматиках союзы обычно классифицируются по семантике (функциям). Для данного труда проводить такую классификацию автор считает нецелесообразной, “поскольку даже союзы неродственных языков по семантике (функциям) мало отличаются”; целесообразной же считает классификацию

союзов по их расположению в предложении: “классификация союзов по их расположению представляет известный интерес, поскольку связана с вопросом развития сложных предложений или сочетаний однородных членов предложения” (Там же: 79–81). Союзы рассматриваются также по происхождению, по структурным особенностям. Выявлены пути обособления союзов от слов-источников, дается относительная хронология формирования категории союзов в финно-угорских языках (Там же: 78–115).

2. Проблемы изучения союзов

Проблема показателей связи в современной отечественной лингвистике является весьма актуальной. Объяснением тому может быть усиление роста сложных конструкций в строе предложений и их сочетаниях, что ведет к увеличению корпуса связующих средств.

Для финно-угорских языков, как и для других европейских языков, основным типом показателей связи являются служебные слова и различные образования из нескольких слов (лексические или аналитические показатели связи).

Все лексические (аналитические) средства связи, служащие для соединения синтаксических единиц – членов предложения, частей сложного предложения, отдельных предложений в сложном синтаксическом целом – и выражающие синтаксические отношения между ними, принято делить на союзы и союзные слова (РГ 1980 I: 713). **Союз и союзные слова в совокупности образуют союзные синтаксические средства связи.**

Союз – это средство связи между однородными членами, между предикативными частями сложного предложения, между отдельными предложениями в тексте; характеристика определенного содержательного отношения. “Оформляя синтаксическую связь, союз в то же время выполняет квалифицирующую функцию: он обозначает – с разной степенью конкретизации – отношения между соединяемыми предложениями или их членами” (РГ 1980 I: 713). В определениях понятия “союз” последних десятилетий указывается, что это служебные слова, которые выражают синтаксические отношения между членами предложения, частями сложного предложения, отдельными предложениями в тексте (Шанский, Тихонов 1981: 248; ОКК: 487; СРЯ 2006 II: 457). Типичными признаками союза, как служебной части речи, являются: 1) строго определенная синтаксическая роль – связующая функция -, которая является для союзов основной (за исключением субстантивации союзов: **и, а, но** – *тайё сочинительной кывйтöдьяс* ‘и, а, но – это сочинительные союзы’); 2) выражение грамматических отношений между соединяемыми ими синтаксическими единицами; 3) автономность в составе предложения:

его контакт с синтаксической конструкцией не закреплен никакими формальными показателями. Эта автономность составляет характерную особенность грамматического поведения союза, отличающую его от союзного слова, которое совмещает две функции: знаменательную и служебную; от предлогов и послелогов, служебная функция которых осуществляется во взаимодействии с падежным формантом.

При исследовании союза внимание прежде всего уделяется общепризнанным союзам, среди которых есть союзы исконного происхождения и заимствованные, представляющие собой как минимум одно служебное слово, часто несколько слов, контактных или дистантных. “Меньше” одного служебного слова союз быть не может.

Союзы в коми языке представляют собой относительно замкнутую систему с небольшим количеством языковых единиц и, в свою очередь, функционально делятся на сочинительные и подчинительные (некоторые исследователи определяют общую функцию союзов как участие в выражении сочинительных или подчинительных отношений (Гвоздев 1961, ч. 1: 420; Милославский 1981: 357; 359). Сочинительные союзы делятся на семантические группы; классификация подчинительных союзов тоже имеет семантическую основу. Роль союзных слов выполняют местоимения и местоименные наречия. Такое разделение имеет место в академических грамматиках.

Как показывают исследования, не все союзные средства можно оценивать под таким углом зрения, поэтому многие показатели связи остаются в стороне. Есть немало переходных слов и выражений, совмещающих значения союзов со значениями других грамматических категорий. В русском языкознании В.В. Виноградов назвал их “гибридными” (Виноградов 1972: 554). В кругу союзов развиваются новые комплексы, сочетания, которые нельзя подвести ни к сочинительным, ни к подчинительным, ни к союзным словам и которые требуют осмысления и особого именованя.

В истории развития сложного предложения отмечается активный процесс использования в союзной функции знаменательных слов, чаще местоимений и местоименных наречий, частиц определенной семантики, сочетаний слов, приобретающих устойчивый характер. Все это ведет к увеличению корпуса союзных средств.

Изучение сложного предложения, усилившееся со второй половины XX в., а также исследование средств выражения синтаксических связей в разных типах сложных предложений выдвинуло новые вопросы.

Многие из производных союзов выступают в роли других частей речи. Актуальной задачей синтаксиса сложного предложения остается выявление взаимодействия союзов и частиц, определение роли отдельных их типов в актуальном членении предложения.

Многие союзы осложнены модальными значениями. Модальные значения и оттенки союзов коми языка совершенно не изучены. Между тем этот вопрос, как отмечал В.В. Виноградов, “крайне важен для выяснения природы тех грамматических отношений, которые устанавливаются союзами между синтаксическими единицами, между предложениями” (Виноградов 1972: 566).

При изучении составных союзов наиболее сложным является установление границ между уже сформировавшимися в языке союзными единицами с устоявшимися значениями, функциями и относительно устойчивыми сочетаниями, выступающими в союзной функции.

С формированием и развитием союзных средств возникают трудности, с которыми сталкиваются лингвисты при попытке определить границы корпуса союзных средств в современном языке. Для того, чтобы различать союзы и их аналоги, нужны чёткие определения понятий.

В “Русской грамматике” (1980) дан список союзных и местоименных скреп современного русского языка, куда вошли книжные и разговорные скрепы*. Для именования разного рода связующих средств здесь используются выражения: союз, аналог союза, союзный аналог, союзное соединение, союзное сцепление, союзное сочетание, “но связанные с ними понятия не разграничены, чётко не определены, перед нами не термины, а пока ещё “терминоиды” (Черемисина, Колосова 1987: 124).

В коми языке наряду с признанными союзами и союзными словами выявляются такие единицы союзного характера, вопрос об употреблении которых в связочной функции до сих пор не затронут в коми лингвистике, и оценка которых как показателей связи заслуживает теоретического обоснования. Необходимы специальные исследования в этом направлении. Поэтому в данной работе вопрос об основных типах специфических и не признанных пока союзных средствах в коми языке поставлен. Главное внимание уделено описанию выделенных типов, делаются лишь некоторые выводы предварительного и общего характера.

В целом вопросы определения союзных средств еще недостаточно разработаны даже в теоретической лингвистике. Вопрос об их границах до сих пор остается дискуссионным и не имеет однозначного решения в общелингвистическом плане.

---

* В русском языкознании применяется термин “скрепа”, который определяется следующим образом: скрепа – это союзное связующее средство.

1.1. Памятники древнекоми письменности XIV–XVII вв. – важнейший этап в появлении и развитии союзов в коми языке

Образование союзов тесно связано со структурой предложения: с развитием и осложнением конструкций простого и сложного предложений. В письменной речи вполне обычными становятся сложносочинённые и сложноподчинённые предложения. Для бесписьменного разговорно-бытового языка сложные предложения нехарактерны. Они имеются, но их мало. Ему свойственны простые, часто даже нераспространённые предложения, а из сложных – бессоюзные.

Для прауральского/прафинно-угорского языка-основы уже характерны типы сочинительных и подчинительных предложений. В первоначальном примитивном сложном предложении не было никаких средств связывания следующих друг за другом простых предложений: предложения отделялись друг от друга интонацией, ударением и паузой. Бессоюзное соположение сложносочинённых и сложноподчинённых предложений присутствует и в современном коми языке, однако частотность употребления таких конструкций не такая высокая, как союзных сложных.

В коми языке подчинительная связь между предложениями выражалась причастными и деепричастными оборотами. Об этом в свое время писал Г.С. Лыткин: “ < > в народных произведениях Зырян существуют особые обороты, особый строй речи, при котором нет надобности в союзах” (1889: VI). Под особыми оборотами автор, конечно же, имел в виду причастные и деепричастные обороты. Такие конструкции в удмуртском языке, под влиянием чувашского и татарского языков, до сих пор являются продуктивными, и в коми языке причастные и деепричастные обороты употребляются часто.

Появление и развитие союзов в коми языке связано с созданием памятников древнекоми* письменности во второй половине XIV в., в текстах которых встречаются бессоюзные и союзные сложные предложения. В союзных сложных предложениях использовались союзы, заимствованные из церковнославянского языка и исконные.

---

* В научной литературе используются также термины “древнепермский” и “древнезырянский”: “древнепермский язык”, “древнепермская письменность”, “древнезырянский язык”.

Создание памятников древнекоми письменности во второй половине XIV в. связано с миссионерской деятельностью священника Стефана Пермского. Им и его преемниками было организовано церковное богослужение и обучение священников на коми языке, сделаны переводы на коми язык основных церковных книг. Обнаружено всего 6 видов памятников на древнекоми языке: несколько списков древнепермской азбуки, приписка Кылдашева на книге Номоканон, надпись на иконе Троицы, надпись на иконе “Сошествие святого духа”, приписка от руки на книге Григория Синаита, подпись епископа Филофея Пермского. Эти памятники содержат 236 слов связного текста. Кроме того, сохранились памятники, написанные на древнекоми языке русскими буквами, содержащие около 600 слов связного текста и представляющие собой заупокойную обедню. Все сохранившиеся древнезырянские языковые памятники представлены в монографии В.И. Лыткина “Древнепермский язык” (Лыткин 1952: 9–19; 32–33; 38–39; 41–43; 44; 65–68), в которой на основе текстов ученый составил древнепермскую грамматику и указатель слов; снабдил тексты комментариями, которые значительно облегчили их чтение и перевод.

В текстах встречаются и бессоюзные, и союзные сложные предложения. В союзных предложениях используются сочинительные и подчинительные союзы. Из сочинительных союзов встречаются: а) заимствованные из церковнославянского языка: *a* ‘а’, *и* ‘и’, *но* ‘но’; б) исконные: *сэс* ‘и, и потом’, *чӧчкӧ* ‘но’.

Из заимствованных союз *и* является самым частым в древнекоми языке: он встречается уже в памятниках письменности на древнекоми языке XIV–XVI вв. пять раз, в памятниках письменности, написанных на древнекоми языке русскими буквами – 24 раза (Лыткин 1952: 39; 65–69). Союзы *a* и *но* встречаются по одному разу в памятниках, написанных на древнекоми языке русскими буквами (ЛЕ 72; 116) (Там же: 66, 67).

Исконный союз *сэс*, подобно союзу *и*, встречается уже в ранних памятниках XIV–XVI вв., напр.: *сэс’ тырисныс быдӧн вэжа полтӧсӧн, сэс’ пондисныс вӧйпныс мӧд кылӧасӧн...* ‘исполнишася вси духа свята, и начаша глаголати иными языки...’ (Сош. 8) (Там же: 43). По употреблению он равнозначен союзу *и*.

Союз *чӧчкӧ* можно обнаружить в памятниках письменности, написанных на древнекоми языке русскими буквами. В лепехинско-евгеньевских текстах он встречается три раза (ЛЕ 49, 79, 190) (Там же: 66, 69).

В сложноподчиненных предложениях в связочной функции выступают союзы и союзные слова: *вэвэс* ‘ц.-сл. яко (что, так как)’; *вэвэс’кыд* ‘ц.-сл. яко, рус. как’; *кӧ* ‘если’; *код* ‘кто, который’; *кудз, кудзи, кудзы, кудзик* ‘как, каким образом’; *кудзкӧ* ‘когда’; *кучӧмкӧ* ‘как, ц.-сл. яко’; *кытӧн* ‘где’. Примеры: *вэвэс’ ог корсьы ас гажӧс* (ЛЕ 78) (Там же: 67) ‘яко не ищу воли моя’,

вэвэс'кыд быдёнлөн канёс бос'тыгён (ЛЕ 93) (Там же: 67) 'яко да царя поднимем', *кытён лоиныс пукыгён* 'идеже бяху сидяще' (Сош. 4) (Там же: 42-43), *мэд воас гажыд, кучёмкё вэлтыдалан инын* (ЛЕ 182) (Там же: 69) 'да приди воля твоя, яко на небеси'.

В своём исследовании "Влияние церковнославянского языка на семантику и синтаксис древнезырянского" К.Редеев отмечает, что "в древнезырянском языке под влиянием старославянского развилось выражение связи между частями сложного предложения союзным способом. Ярким подтверждением этому является тот факт, что несколько сочинительных союзов были заимствованы из старославянского в древнезырянский. Кроме того, создатели древнезырянского литературного языка конструировали по славянскому образцу союзы на основе внутренних языковых средств" (Редеев 1996: 40).

Говоря о времени появления союзов в коми языке, исследователи-финно-угроведы приходят к следующим выводам. К.Е. Майтинская, занимаясь проблемами служебных слов в финно-угорских языках, при решении вопроса об относительной хронологии формирования категории союза в финно-угорских языках приходит к выводу, что "из коми и удмуртских союзов к прапермскому периоду можно отнести только коми *кё*, удм. *ке* 'если' < > поскольку союзные слова типа коми *кыдз*, удм. *кызы* 'как' являются прежде всего местоименными наречиями, а заимствованные союзы типа коми *коть*, удм. *коть* 'хотя'; коми *либё*, удм. *либо* 'либо' и т.д.", как полагает исследователь, "заимствованы скорее всего параллельно коми и удмуртским языками". Далее К.Е. Майтинская делает следующее заключение: "Формирование категории союза в прапермский период только началось" (Майтинская 1982: 113–114).

По мнению К. Редеева, "ни один из союзов не возводится к периоду языка-основы. < > Они, как правило, восходят к древнезырянскому периоду. < > Некоторые местоименные союзы могут быть отнесены к прапермскому периоду, но это недоказуемо. < > Фонетические и морфологические изменения, происходившие в период самостоятельной жизни отдельных языков, означают серьёзное (неустранимое?) препятствие в реконструкции уральских / финно-угорских союзов. < > Что касается подчинительных союзов языка коми, с большей вероятностью можно установить только то, что с начала самостоятельной жизни коми языка (IX–X вв. н.э.) они уже определено имелись" (2005: 228; 230; 233–234).

Категория союза в коми языке, как и в большинстве финно-угорских языков, является продуктом позднего образования. Как следует из работы К.Е. Майтинской, "полноценная категория союзов существовала в прибалтийско-финском, марийском и венгерском языках-основах, поскольку в каждом из них употреблялось несколько "настоящих" (обособленных от слов-источников) союзов" (Майтинская 1982: 115).

В языках с более древними письменными традициями, а также письменность которых развилась относительно равномерно, средства связи между предложениями-компонентами формировались постепенно: слова собственного языка в современные союзы преобразовались медленно. По этой причине нет заимствованных союзов в венгерском языке, и только один выявляется в финском - ja (Майтинская 1982: 102).

Категория союза в коми языке получила развитие за счет: 1) внутренних ресурсов, путем перехода других частей речи в союзы: чаще – местоимений, местоименных наречий, частиц; 2) заимствования из русского языка; 3) калькирования русских конструкций. Продуктивными путями развития категории союза в коми языке являются заимствование и калькирование русских конструкций, поскольку русский язык характеризуется развитым синтаксическим строем предложений. Р. Карелсон отмечает, что “заимствование союзов в финно-угорских языках – явление сравнительно позднее, причем оно относится в основном к периоду формирования литературных языков. Это касается, прежде всего обско-угорских, пермских и волжских языков, но некоторые союзы перешли в те или иные языки, несомненно, раньше этого времени” (Карелсон 1959: 25).

По времени проникновения самыми ранними в коми языке являются те союзы, которые относятся к древнезырянским заимствованиям. Остальные союзы возникли позже.

1.2. Классификация союзов

1.2.1. Классификация союзов по синтаксическому принципу

Исходным положением для нас является то, что любой союз – это с л о в о и как таковое “представляет собой внутреннее конструктивное единство лексических и грамматических значений” (Виноградов 1947: 15). Г р а м м а т и ч е с к и м з н а ч е н и е м союзов является их категориальное значение – значение указания на связь между синтаксическими единицами, а л е к с и ч е с к и м – указание на характер смысловых отношений между ними. Минимальный контекст, в котором реализуются значения союзов, – предложение (простое или сложное).

Союзы можно группировать на основе различных принципов, но наиболее известной является классификация по синтаксическим свойствам. Начиная с XIX в., в зависимости от характера связи, оформляемой союзом, стали выделять *сочинительные* и *подчинительные* союзы. Такая классификация в современном языкознании считается общепринятой.

1.2.2. Классификация союзов по структурным особенностям

Союзы можно группировать на основе их структурных особенностей.

Р. Карелсон в кандидатской диссертации “Союзы в прибалтийско-финских языках” на основании структурного своеобразия союзы делит на: простые, сложные, составные, групповые союзы, повторяющиеся союзы, коррелятивные союзы (Карелсон 1959: 8).

К.Е. Майтинская отмечает, что по своим структурным особенностям союзы могут классифицироваться по двум параметрам: 1) по кратности и расчлененности / нерасчлененности употребления; 2) по составу. По первому типу классификации исследователь союзы разделяет на: а) однократно употребляющиеся; б) повторяющиеся; в) коррелятивные и сопоставительно-расчлененные, ограничиваясь лишь несколькими замечаниями, поскольку “по данным разрядам союзы финно-угорских языков мало отличаются от союзов наиболее известных индоевропейских языков (в том числе и русского)” (Майтинская 1982: 105).

По составу союзы в коми языке делятся на простые и составные (ÖKK: 489).

Простыми будут союзы, состоящие из одной корневой морфемы (заимствованные не включаем): *да* ‘когда; потому что, так как’, *кõ* ‘если, коли *уст.*’, *мед* ‘чтобы, чтоб’, *мый* ‘что’; диал. (уд.) *си, сы* ‘если, коли’, (иж.) *ди* ‘и, да и’.

Как отмечает К.Е. Майтинская, кроме корневых элементов большинство союзов финно-угорских языков содержит еще суффиксальные элементы (Майтинская 1982: 106). Простыми также будут союзы, содержащие, помимо корневой морфемы, суффиксальные элементы. Среди суффиксов нет формантов, характерных для образования союзов. Среди суффиксальных элементов, выделяющихся в составе союзов, видное место занимают падежные форманты, которые уже содержались в словах, на основе которых формировались союзы. Таковыми, к примеру, в коми языке будут: *кытчõдз* ‘пока’, сформировавшийся на основе вопросительного местоимения *кы-* (КЭСК: 115), содержащего суффикс предельного падежа (терминатива) *-õдз*; *мыйõн* ‘как только, лишь только’, *мыйла* ‘потому что, оттого что’, сформировавшиеся на основе вопросительного местоимения *мый* ‘что’, содержащих суффикс инструментала *-õн* (*мыйõн*) и суффикс достигательного падежа (конзекутива (или каузатива) *-ла* (*мыйла*)).

В финно-угорском языкознании не определены четкие критерии разграничения сложных слов и словосочетаний. Составные (неоднословные) союзы по своему строению представляют нецельнооформленные соединения двух или более элементов, каждый из которых одновременно существует в языке и как отдельное слово.

В состав большинства сложных (или составных) союзов в коми языке входят компоненты местоименного происхождения. Союз *сийõн мый* ‘потому что, так как’ состоит только из местоимений: *сийõн* ‘потому’ + *мый* ‘что’.

В состав союзов наряду с компонентами местоименного происхождения могут входить слова разного происхождения – имена, наречия, частицы: *кодыр* ‘когда’, сложное слово, первая часть которого представляет собой во-

просительное слово *ку*, вторая существительное *дыр* ‘время’ (КЭСК: 127); *кыдз сӧмын* ‘как только’, *мыйӧн сӧмын* ‘как только’.

К.Е. Майтинская в прибалтийско-финских языках выделяет особую подгруппу союзов, сформировавшуюся путем сочетания слова местоименного или другого происхождения с формой отрицательного глагола. В пермских языках исследователь выделяет два союза: удм. *medam*, коми *medim/medum* ‘чтобы не’, образованных по такой же модели (*med* ‘чтобы’ + 1-е лицо отрицательного глагола) (1982: 109).

Сложные (составные) союзы могут состоять из трех компонентов, из которых один или два произошли от местоимения, напр.: *сы вӧсна мый, сы понда мый* ‘потому что’ (*сы/си* ‘тот’, *мый* ‘что’ + послелого *вӧсна* ‘из-за; по’, *понда* ‘из-за; ввиду’).

Выявляются и такие сложные (составные) союзы, которые образовались путем сочетания исконного компонента и компонента, заимствованного из русского. При таком способе образования сложных или составных союзов “обычно объединяются элементы, которые в соответствующих языках выступают также в качестве союзов или компонентов сложных составных союзов” (Майтинская 1982: 109). В союзах *быттьӧкӧ* ‘будто, как будто; точно; словно; как’, *ыштӧкӧ* ‘будто, как будто; словно’, первая часть является русским заимствованием с фонетической адаптацией (*быттьӧ* = русскому *будто*, *ыштӧ* = русскому *что*), вторая – *кӧ* – исконно коми служебным словом; *кыдз быттьӧ* ‘как будто’ – к. *кыдз* ‘как’ + рус. *быттьӧ* (будто, как будто) и др.

1.3. Союзы древнезырянского языка

К. Редеи, рассматривая сочинительные и подчинительные союзы коми языка, в хронологическом плане подразделяет их на: 1) союзы древнезырянского языка; 2) союзы современного коми языка.

Сочинительными союзами древнезырянского языка автор называет: а) заимствованные из церковнославянского языка: *a* ‘а, но’; *i* ‘и’; *no* ‘но, зато’; б) внутреннего происхождения (по терминологии К. Редеи): *ses* ‘и, и потом’, *ӕӕ-ке* ‘но, а’, который считает словом-неологизмом древнего языка коми: *ӕӕ* ‘вместе’, *ке* ‘когда’.

Как отмечает К. Редеи, все подчинительные союзы древнезырянского языка исконные: *ке* ‘если’; *kïten* ‘где’; *veveš* ‘потому что, поскольку, так как, как’; *veveškïd* ‘так как’; *kõd* ‘кто, который’; *kuž*, *kuži*, *kužï*, *kužik* ‘как, каким образом’; *kuž-ке* ‘когда’; *kučem-ке* ‘как, каким образом’; *med* ‘что’ (союз цели). *Veveš*, *kuž-ке*, *kučem-ке* исследователь определяет как слова-неологизмы древнезырянского языка, *veveškïd* – как неологизм старого коми языка (Редеи 2005: 228–234).

Что касается союзов *вэвэс'*, *вэвэс'кыд*, вызывает сомнение, что они являются собственно коми союзами. По предположению В.И. Лыткина, слово *вэвэс'* в древнепермском языке могло представлять удвоенное местоимение *вэс'* 'все, весь': *вэвэс'* < *вэс'-вэс'* (для достоверности факта исследователь сравнивает с русскими союзными словами "*все-таки*", "*все же*") и употреблялось в значении русских союзных слов "что", "потому что", "так как" (славянское "яко") (1952: 70–71; 124).

О русском происхождении древнезырянских союзов *вэвэс'* и *вэвэс'кыд* дает основание говорить еще один факт: *вэс'* в виде специфических местоименных форм функционирует в современных коми-зырянских диалектах (лл., вс., скр., нв., вым., уд.): *вэс'*, *вэс'өн*, *вэс'ыс* 'все, всё' (Сажина 2004: 20), которое, скорее, является заимствованным из русского обобщительно-определятельным местоимением. Нам кажется, что на формирование древнезырянских союзов *вэвэс'* и *вэвэс'кыд* повлияло русское местоимение *вес'*. Остальные подчинительные союзы исконного происхождения, в формировании которых заслуга вопросительно-относительных местоимений (*код*, *кӧ*, *кучӧм*) и местоименных наречий (*кудз*, *кудзи*, *кудзик*, *кудзы*, *кудзкӧ*, *кытӧн*).

Древнезырянские союзы *čęč-ke*, *veveš*, *veveškıd*, не выдержав конкуренции с новыми образованиями, выходят из употребления и в современном коми языке не употребляются. Союз *čęč-ke* с противительным значением уступает место исконно русскому союзу *но*, который принимает активную функциональную позицию в заимствующем языке; союзы *veveš* и *veveškıd* – союзам причинного значения: *сы вӧсна мый*, *сы понда мый*, *сӱӧн мый* 'потому что; ввиду того что'.

Глава 2

СОЧИНИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ

Сочинительные союзы служат для связи (соединения) однородных членов предложения, предикативных частей сложносочиненного предложения и самостоятельных предложений в тексте.

Сочинительные и подчинительные союзы отличаются не только по типу выражаемых ими синтаксических отношений, но и по степени семантической слитности с теми синтаксическими единицами, взаимоотношения которых выражают, а также по своему месту в предложении. Сочинительные союзы занимают обычно интерпозицию – позицию между соединяемыми единицами, – не входя ни в одну из них (исключение составляют повторяющиеся союзы типа *и ... и, ли ...ли, то ... то* и др.). А.М. Пешковский отмечал, что сочинительные союзы “не только физически, но и по значению стоят между соединяемыми величинами, не сливаясь нимало ни с одной из них” (1956: 464).

2.1. Значение и семантическая классификация сочинительных союзов

В зависимости от значения и грамматических особенностей союзов в том или ином языке сочинительные и подчинительные союзы могут, в свою очередь, подразделяться на семантические подгруппы. Классификаций русских сочинительных союзов много, но есть общепринятое трехчастное деление сочинительных союзов на *соединительные, противительные и раздельные*. Кроме трех названных семантических классов часто выделяют и другие, к примеру, классы сопоставительных (или градационных), присоединительных, союзов следствия и пояснительные союзы (Карелсон 1959: 7; Керт 1971: 219–220; Шанский, Тихонов 1981: 251), “однако выделение этих классов базируется уже на других основаниях, не на тех, которые положены в основу “трехчастного” разделения сочинительных союзов” (Санников 2008: 178).

В.З. Санников рассматривает в качестве основного, классифицирующего семантического признака сочинительных союзов отношение к реальной действительности, т.е. *реальность / возможность / нереально*

с т ь компонентов. По этому признаку, по мнению исследователя, русские сочинительные союзы могут быть разделены на три класса: соединительные, разделительные, заместительные (Санников 2008: 349). Что касается данной семантической классификации, исследователь отмечает еще одно важное обстоятельство: “Деление русских сочинительных союзов на соединительные, разделительные и заместительные хорошо согласуется с их синтаксическими свойствами и прагматикой” (Санников 2008: 178–182).

Большинство сочинительных союзов в коми языке заимствовано из русского языка или представляет кальку с русского. В в последней научной грамматике коми языка сочинительные союзы разделены на следующие семантические группы:

- а) соединительные: *и* ‘и’, *и ... и* ‘и ... и’, *да* ‘и’, *ни* ‘ни’, *ни ... ни* ‘ни ... ни’;
- б) противительные: *а* ‘а’, *но* ‘но’, *да* ‘в значении но’, *зато* ‘зато’, *жэ* ‘же’;
- в) разделительные: *али* ‘или’, *либѳ* ‘либо’, *либѳ ... либѳ* ‘либо ... либо’, *ли* ‘или’, *ли ... ли* ‘или ... или’, *не то ... не то* ‘не то ... не то’, *нисѳ* ‘не то ... не то, то ли ... то ли’, *то ... то* ‘то ... то’, *то ли ... то ли* ‘то ли ... то ли’;
- г) сопоставительные (градационные): *кѳть – но* ‘хотя и – но’, *кѳть и – но* ‘хотя и – но’, *кѳть – а* ‘хотя - а’, *кѳть – да* ‘хотя – да (но)’, *дарѳм – а* ‘хотя и – а; несмотря на то, что – а; даром что – а’, *кыдзи – сідзи* ‘как – так’, *не сідз – кыдз* ‘не так – как’, *не (эз) сѳмын – но и* ‘не только – но и’, *не сы мында – мыйта* ‘не столько – сколько’;
- д) присоединительные: *а сідзжѳ* ‘а также’, *да и* ‘да и; и’, *дай* ‘да и; и’, *а то и* ‘а то и’, *да и то* ‘да и то’ (ÖКК: 491–497).

В синтаксическом аспекте русские сочинительные союзы исследуются давно. Имеется множество работ по частным вопросам, содержащих ценные наблюдения и богатый фактический материал. Однако, что касается проблемы изучения значения сочинительных союзов, господствующей является точка зрения о многозначности сочинительных союзов. Зачастую имеющиеся толкования сочинительных союзов – это, в сущности, толкование предложений с сочинительными союзами. По справедливому замечанию А.М. Пешковского, “в значение союза просто сваливается все, что можно извлечь из вещественного содержания соединяемых им предложений” (Пешковский 1959: 142).

В отечественной лингвистике широко распространено представление об отсутствии у сочинительных союзов (и других служебных слов) лексического значения или “элементарности” этого значения. Некоторые исследователи сомневаются в справедливости такого положения (Вежбицкая 1983: 236–237).

Актуальной задачей отечественной лингвистики на современном этапе является разработка теоретических и практических вопросов в области семантики. Значительные достижения семантической науки последних десятилетий обусловили необходимость переосмысления языковых фактов и поиски иных путей интерпретации значения слова.

Анализ сочинительных союзов убеждает в том, что даже так называемые “основные” сочинительные союзы – *и*, *да*, *а*, *но* имеют значение и нуждаются в толковании. Так, В.З. Санников в работе “Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве” дает детальное, основанное на широком применении лингвистического эксперимента, описание значения большого числа русских сочинительных союзов (2008: 185–335).

Лингвистический эксперимент, “громадную роль которого настойчиво подчеркивали в 20-х гг. прошлого столетия А.М. Пешковский и особенно Л.В. Щерба”, хотя, по замечанию В.З. Санникова, “возможности этого метода до сих пор используются недостаточно” (Санников 2008: 32,33), является основным из способов, обеспечивающим большую точность описания значения языковых единиц и позволяющим “очистить” значения слова (в данном случае сочинительного союза) от семантических компонентов, принадлежащих другим словам.

При лингвистическом эксперименте “мы ... должны оперировать тщательно подобранными примерами, по возможности, исключаяющими воздействие добавочных факторов, и экспериментировать с этими примерами (например, заменять слово его синонимом, изменять тип речевого акта, расширять фразу за счет диагностирующего контекста и т.п.” (Санников 2008: 33). При таком подходе многие сочинительные союзы, признаваемые многозначными, оказываются однозначными.

В ходе исследований был накоплен соответствующий материал и сделаны наблюдения, касающиеся значения и функционирования сочинительных союзов в коми языке. В данной главе проводится более полная инвентаризация сочинительных союзов в коми языке, выявляются их происхождение и значение, с точки зрения синтаксической типологии анализируется грамматическая семантика, выявляются функциональные особенности.

2.1.1. Соединительные союзы

Соединительные союзы указывают на то, что оба описываемых события имеют место.

И ‘и; а; но’.

По происхождению союз *и* является заимствованным из русского языка и относится к раннему пласту русских заимствований, он встречается уже в памятниках древнепермской письменности XIV в.

Словари и грамматики русского языка фиксируют многозначность союза *и*. Наибольшее количество значений приведено в “Большом академическом словаре русского языка”. Кроме отношения “чистой конъюнкции”, куда могут быть включены отношения, называемые в словаре “объединительным”, “перечислительным”, “присоединительным” и “отношением однородности”, БАСРЯ выделяет следующие значения союза *и*: “одновременности”,

“последовательности”, “причинно- следственное”, “условно-следственное”, “сопоставительно-противительное”, “отождествительное”, “обобщительное”, “результативное”, “усилительное”, “выделительное”, “уступительное” (БАСРЯ 2007, т. 7: 9–11).

А.М. Пешковский считал, что было бы ошибкой видеть в союзе *и* выражителя распространительных, причинно-следственных, условно-следственных, противительных и т.п. отношений; это значило бы, что “в значение союза просто сваливается все, что можно извлечь из вещественного содержания соединяемых им предложений” (Пешковский 1959: 142).

Для современного коми языка характерно широкое употребление синтаксических конструкций с союзом *и*, в которых между соединяемыми величинами выражаются различные смысловые отношения. Однако в выражении всех этих отношений заслуга не союза *и*, а других средств: интонации, порядка следования компонентов и их морфологических характеристик. Там, где дополнительные компоненты не имеют места, союз *и* обозначает “чистую конъюнкцию”, не осложненную добавочными элементами смысла. В таких случаях компоненты равноценны, и поэтому никакие другие сочинительные союзы невозможны. В предложениях: *Гӧгрӧс чужӧма, ёсиник ныра Лёня тушанас и арлыднас медся ичӧт, сійӧ сӧмын на помаліс коймӧд класс* (Коданев 1979: 114) ‘Круглолицый, немного остроносый, Леня ростом и по возрасту младше всех, он только еще закончил третий класс’, *А мупытшиса озырлунъясьыс! Тані эм из шом и нефть, кӧрт и свинец, зарни и эзысь* (Пыстин 1987: 182) ‘А полезных ископаемых! Здесь есть каменный уголь и нефть, железо и свинец, золото и серебро’, *Аддзис, локталӧны гортаныс рабочӧйяс да служащӧйяс, томъяс и пӧрысьяс, мужичӧйяс и нывбабаяс* (Попов 1986: 52) ‘Видит, идут домой рабочие и служащие, молодые и пожилые, мужчины и женщины’ союз *и* соединяет однородные члены, компоненты которых равноценны, и между которыми другие сочинительные союзы недопустимы. На первый взгляд покажется, что союз *и* здесь можно заменить союзом *да*. Однако такое мнение ошибочно, поскольку союз *да* по значению существенно отличается от союза *и* (см. ниже).

Фактический материал коми языка убеждает в том, что союз *и* в конструкциях между соединяемыми им компонентами кроме своего основного соединительного значения может выражать соединительно-отождествительные, временные, причинно-следственные, условно-следственные, сопоставительно-противительные, присоединительные значения. Но все эти значения раскрываются в контексте.

Соединительно-отождествительные отношения наблюдаются в сложносочинённых предложениях между предикативными частями. При таких отношениях между действиями и признаками лиц и предметов, о которых говорится в составляющих частях, устанавливается тождество или сходство.

При установлении тождества сказуемое первого компонента повторяется во втором компоненте или вообще опускается. Примеры: *Кывзысьяслы до-лыдджык, да и, кажитчö, машина көлесаяс öдйöджык тюрöны, озджык зöркйöдлы, и кадыс котöрөн муно* (Игнатов 1988: 259) ‘Слушающим веселее, да и, кажется, колеса машин быстрее катятся, не так встряхивает, и время бежит’; ... *лöзьюгыдөн мунасны да пемыдөн локтасны; ачыс [Ардальон] лым сюръя кодь, и понйыс голякылö йизьём гөннас* (Юшков 1981: 346) ‘... на рассвете уходят и затемно приходят; сам [Ардальон] как (досл. снежный столб), и собака позвякивает обледеневшей шерстью’; *Ме пукалі лöня, и вöрын шы ни төв, а мышкын, кылö, кодкö шарöдчö* (Раевский 1988: 139) ‘Я сидел тихо, и в лесу тишина, а за спиной, слышу, кто-то шуршит’.

Временные отношения выражаются между однородными членами и предикативными частями в сложносочинённых предложениях и выступают как отношения одновременности или последовательности действий, явлений, состояний, событий, фактов. В одних случаях действия, явления, состояния, события, факты, о которых говорится в составляющих частях конструкции, совпадают во времени, в других – следуют друг за другом. Значение одновременности может передаваться: 1) формами глагола одного и того же времени в составляющих частях, напр.: *Öтчид сы дорті [пелысь пу дорті] мунигөн ме друг шемöсми: видзöда и ог эскы аслам синьяслы* (Раевский 1988: 134) ‘Однажды, проходя мимо нее [рябины], я вдруг удивился: смотрю и не верю своим глазам’; – *Ачыд төдан. Ме тай жаритчи и пöжаси-а. – Калиса выльысь копытчис град весьтö* (Безносиков 1973: 17) ‘– Сам знаешь. Я ведь жарила и пекла. – Калиса снова нагнулась над грядкой.’; 2) разновыраженными сказуемыми: в одном компоненте – глагольным, в другом – именным, напр.: *Луныс лои шонид, и зев ёна дöсадитчисны номьяс* (Игнатов 1988: 10) ‘День был теплый, и очень сильно досаждали комары’; ... *а аслас [Викенльöн] веськалöма нин унмыс, юрыс сöдз и быдлаті шойччöма* (Торопов 1995: 6) ‘... а сам [Викентий] выспался, голова свежая и полностью отдохнувший’.

В выражении отношения временной последовательности действий, явлений, событий, состояний, фактов играет важную роль порядок размещения составляющих компонентов сочинительной конструкции, который непосредственно отражает естественную последовательность действий, явлений, событий, состояний, фактов в реальной действительности. Примеры: *Видзöдлі понöльяс сайö и чуйми: невиджыд пу дорын зымвидзö ыджыд, мича гöрд гоб, а сы гöгөр чеччалö ур* (Раевский 1988: 140) ‘Посмотрел за молодые елки и удивился: возле небольшого дерева стоит большой, красивый подосиновик, а вокруг него прыгает белка’; *Друг ылькнитис төвру, и тыыс серöссис* (Там же: 87) ‘Вдруг подул легкий ветерок, и озеро стало рябить’.

Значения одновременности и последовательности подчёркиваются введе-

нием в последующий компонент сочинительной конструкции специальных слов и сочетаний с временным значением – обстоятельства времени. Таковыми являются наречия *бөр* ‘снова, вновь, опять’, *вөлись (вөлисти)* ‘только; потом’, *өттишөти* ‘одновременно; вместе’, *пыр жө* ‘сейчас же, сразу же, тотчас же’, *сэсся* ‘затем, потом’ и т.д., напр.: *Удө-удө копыртчыла пожөмлы, и сьөлөм вылын пыр жө лоө кытыд* (Коданев 1979: 91) ‘Низко-низко поклонюсь сосне, и на сердце сразу же становится радостно’.

Временные отношения в сочинительных конструкциях с союзом *и* нередко осложняются *причинно-следственными отношениями*, появление которых объясняется тем, что совершившееся действие, явление или состоявшееся какое-либо событие является причиной возникновения другого. Важным синтаксическим средством выражения причинно-следственных отношений является порядок расположения частей сочинительной конструкции: составляющая с причинным значением находится в препозиции, со следственным – в постпозиции. Это объясняется логической последовательностью высказывания: вначале проявляется причина, из которой вытекает следствие. Примеры: *Ыбъяс вылын лымйыс инёпкысис-вөйис, и абу нин төлын кодь син ёран югыд* (Раевский 1988: 41) ‘Снег на возвышенностях осел, стал рыхлым, и не такой уже ослепительно яркий, как зимой’; *Куим лун сийö [Ракин] эз вөв гортас, и сьөлөмыс майишасьыштіскодь* (Напалков 1988: 99) ‘Три дня его [Ракина] не было дома, и на сердце было немного тревожно’.

В сочинительных конструкциях с союзом *и* отношение причины и следствия между составляющими компонентами особенно отчётливо выражается в том случае, когда соединительный союз *и* сопровождается местоимениями *та вöсна* ‘поэтому’, *сы вöсна* ‘потому’, *сийөн* ‘потому’ и др., напр.: *Барановалөн со и вом дорьясыс нин удитöмабсь лөзöдышты кöдзыдысла, и бурети та вöсна синьясыс букышöсь* (Безносикова 1985: 48) ‘У Барановой вот уже и губы успели немного посинеть от холода, и именно поэтому глаза хмурые’; *Мусюр мылькдорса бурөвөйын вöлі аслас аппаратура комплект, да тайö бурөвөйсьыс аскöдныс нуны нинөм эз ков, и сийөн нин вöлі кокныд-джык* (Игнатов 1988: 211) ‘На буровой возле возвышенности был свой комплект аппаратуры, и с этой буровой брать с собой ничего не нужно было, и поэтому уже было легче’.

Временные отношения в сочинительных конструкциях с союзом *и* могут осложняться также *условно-следственными отношениями*, которые наблюдаются только между предикативными частями в сложносочинённых предложениях, между однородными членами – нет. Первая часть таких конструкций выражает условие, при наличии которого происходит или возможно то, о чём говорится в другой части. Грамматическим средством выражения условно-следственных отношений, как и причинно-следственных, является порядок расположения составляющих компонентов сочинительной

конструкции. Компонент, содержащий условие, всегда находится впереди того компонента, который выражает следствие.

Условно-следственное значение ярче проявляется в таких сочинительных конструкциях, в которых сказуемое в обусловливающей части выражено глаголом в форме повелительного наклонения, а во второй части – со следственным значением – глаголом в форме изъявительного наклонения будущего времени, напр.: *Ов йёзлы бур вылө, и найö некор оз вунöдны тэнö* (Плесовский 1983: 118) ‘Живи для блага людей, и они никогда тебя не забудут’; *Дядь меным гижö: петкөдлы асьтö бур боксянь медся кыв кутана уджын, и армия бöрын ме пыр жö босьта тэнö ас дорö* (Тимин 1990: 49) ‘Дядя мне пишет: покажи себя с хорошей стороны на самой ответственной работе, и после армии я сразу же возьму тебя к себе’.

Союз *и* кроме своего основного соединительного значения может выступать в функциях союзов *а, но* и выражать *сопоставительно-противительные отношения*, которые находят своё отражение в структуре сложносочинённого предложения между его предикативными частями, где говорится о предметах или действиях, сопоставляемых или противопоставляемых друг другу в каком-либо отношении.

При сопоставительных отношениях функция союза *и* близка к функции сопоставительного союза *а*. В данном случае в выявлении сопоставительных отношений между составляющими частями важную роль играет контекст. Сопоставительная связь осуществляется через сказуемые. Сопоставление может вестись в одном временном плане и в разных временных планах: – *Ныр вылад сутикысьтöдз тильсян, и тэнсьыд жö ставё дарём босьтöны* (Торопов 1989 : 12) ‘– До изнеможения трудисься, и (а) у тебя же и все даром забирают’; *Уджалим төвбьд, и ставыс петі асланым нянь вылө да вöвлы зөр вылө* (Пыстин 1987: 19) ‘Работали всю зиму, и (а) всего получилось самим на хлеб и лошади на овес’.

При противительных отношениях функция союза *и* близка к функции противительного союза *но*. Противительные отношения в сочинительных конструкциях с союзом *и* создаются на основе реального содержания составляющих частей. Эти отношения ярче выражаются в тех случаях, когда одна из предикативных частей является отрицательной, напр.: *Валялön руд синьяс вельтын кутисны бергавны пемыдгёрд кытшьяс, а вомыс калькмунис. Көсий шыасьны, и оз вермы* (Безносиков 1994: 25) ‘Перед серыми глазами Валентины стали мелькать темно-красные круги, а рот приоткрылся. Хочет подать голос, и (но) не может’.

Наиболее отчётливо противительные отношения выражаются в таких сочинительных конструкциях, в которых сказуемое первой части выражено глаголом со значением желания, намерения, а во второй части указывается на невыполнение или невозможность выполнения по какой-то причине это-

го желая, намерения, напр.: *Паськӱддӱс позялӱм бордьясӱ [энь сюзь] да кӱйылыс нин лӱбзыны, и кылыс болскӱм* (Юшков 1981: 8) ‘Раскинула было онемевшие крылья [сова] и хотела было уже улететь, и (но) послышалось шлепанье по воде’.

Союз *и*, соединяя две противопоставляемые друг другу части, может употребляться в сочетании с частицей *век жӱ* ‘всё же’, которая даёт добавочное значение – уступительное, напр.: *Уна фашистскӱй танк лои жуӱдӱдӱма, и век жӱ ми этиа вермим мунны водзӱ* (Осипов 1979: 7) ‘Много фашистских танков удалось уничтожить, и (но) все же нам мало удалось продвинуться вперед’.

Союз *и* в современном коми языке может выступать в *присоединительном* значении (СКЯ II: 199; Попова 1999: 152). Присоединительные отношения находят своё отражение в структуре простого предложения, сложносочинённого предложения между его предикативными частями и сложного синтаксического целого между составляющими его отдельными предложениями. Конструкции с присоединительными отношениями представляют собой синтаксическое построение, состоящее из двух частей, одна из которых включает основную мысль высказывания, а вторая всегда имеет добавочный характер по отношению к семантике основной части высказывания. Основным синтаксическим средством выражения присоединительных отношений является порядок расположения составляющих частей: в любом случае добавочной части характерна постпозиция по отношению к основной части высказывания. Сообщения, присоединяемые союзом *и*, не только дополняют, уточняют мысль основного высказывания, но и осложняют выделительно-усилительным значением.

С помощью союза *и* могут подключаться: а) однородные члены с оттенком добавочности, напр.: *Старик полӱс воитыны пӱсӱ – велӱдчас да вермас энвотчыны кӱр видзӱмысь, сӱдзкӱ, и пӱрысь батысь* (Рочев 1980: 15) ‘Старик боялся потерять сына – выучится и может отказаться от оленеводства, значит, и от старого отца’; б) слово или словосочетание, вынесенное за пределы основного высказывания, которое может характеризовать главный или второстепенный член, дать что-то новое: “*Коралӱны ӱд менӱ пӱрысь-нэмӱ. ... Ставнытӱ пӱ верда и уда, ог ӱбидит. Овмӱдча али ог?.. Висьталӱй, бобӱяс, и регыдджык. Тӱян мам*” (Безносиков 1973: 102) “‘Замуж ведь меня под старости лет зовут. ... Всех, мол, буду кормить и поить, не обижу. Выходить или нет?.. Скажите, милые, и скорее. Ваша мама’”, – *Эк тэ, ещӱ вӱралысьӱн кӱсьян лоны. Йӱбра татӱ гӱнитӱма, и дзик на неважӱн* (Коданев 1979: 13) ‘– Эх ты, еще охотником хочешь быть. Лось здесь пробежал, и совсем еще недавно’; в) предложения, которые по своему содержанию являются дополнительным сообщением, пояснением или замечанием к предыдущему предложению, напр.: *Питирим ӱна томдӱжык Степан Федорович серти, комын сайӱ сылы, и мыгӱрнас тӱдчымӱн ичӱтдӱжык* (Торопов

1976: 8) ‘Питирим намного моложе Степана Федоровича, за тридцать ему, и заметно меньшего телосложения’.

Часто союз *и* с присоединительным значением сопровождается синтаксически специализированными словами. В основном это вводные компоненты (*торйөн нин* ‘в особенности’, *зэв нин* ‘в особенности’), некоторые частицы, чаще усилительно-выделительного и присоединительного значения (*весиг* ‘даже’, *ещё* ‘ещё’, *нõшта* ‘ещё’, *тиõти* ‘тоже’), вносящие смысловые оттенки добавления, выделения, напр.: *Весиг быдмõгъяс сертиыс позьõ торйõдны: конгломерат вылас нити кындзи пõшти нинõм оз и быдмы, а “депрессия-сас”, воргаясас, быттьõ посьыдик долинаысын – и кустъяс, и турун, и весиг дзоридъяс* (Игнагов 1988: 39) ‘Даже по растениям можно определить: на конгломерате кроме мха почти ничего не растет, а в “депрессиях”, в желобах, как будто в маленьких долинах – и кусты, и трава, и даже цветы’.

Союз *и* может употребляться в “начинательной” функции, как бы присоединяя предложение к предшествующему контексту: *Кум кукань петõмаõсь йõр сайõ, мунõмаõсь кыр йылõ. И õти на пиысь усõма кыр горулõ* (Изьюров 1984: 138) ‘Три теленка вышли за загон, пошли к обрывистому берегу. И один из них упал под обрыв’; *Трактор кодъыс жõ ён да уджач пыр вõвлі [Степан]. И киподтүя* (Куратова 1989: 142) ‘Сильным и работающим, как трактор, всегда был [Степан]. И мастеровой’. Лексема *и* в построениях такой организации выполняет начинательно-присоединительную функцию, связанную с организацией текста. Такое построение текста характерно для русских письменных памятников. Как известно, древнерусский текст организовывался по принципу “цепочного нанизывания”. “Средством соединения предикативных единиц в линейном ряду были союзы *и*, *а*, *да*, поэтому текст разворачивается по характерному для устной спонтанной речи принципу присоединительности” (Тихомирова 1987: 94).

Союз *и* также может занимать позицию после присоединяемой части, напр.: *Олõ ныв ордас, а пыр сакõ сйõс, челядъõ видõ и* (Попов 1986: 39) ‘Живет у дочери, а постоянно бранит ее, и детей ругает’; *Морõсõс быттьõ изьялсны, горшйõй гõрддзасис и* (Безносиков 1985: 153) ‘На грудь мою будто положили камни, и в горле застрял комок’, *Судзсянаджыка олысьяслысь нянь и скõт мырддõбны, му и видз. Керкаясõ и...* (Торопов 1989 : 12) ‘У более зажиточного населения хлеб и скотину отнимают, землю и луга. И дома...’; *А õтнас-õ сйõ [Ирина тьõтка] быдтис нель челядъсõ? Эз õмõй сылы, дõвалы, отсавны? Колхоз и. Государство и* (Попов 1986: 52) ‘А одна ли она [тётка Ирина] вырастила четверых детей? Разве ей, вдове, не помогли? И колхоз. И государство’.

И ... и ‘и ... и’.

Повторяющийся союз *и ... и* в русистике обычно рассматривают как вариант союза *и*. В конструкциях с *и ... и* между соединяемыми им компо-

нентами видят выразителя соединительно-перечислительных отношений. В “Русской грамматике” (1980) *и...и* выделен как особый сочинительный союз (т. II: 618), однако по значению этот союз признается синонимичным союзу *и*, как отмечает В.З. Санников “с чем трудно согласиться”. По мнению исследователя, в смысл союза *и ... и* входит компонент “больше нормы”, который “особенно отчетливо выступает при указании на количество” (Санников 2008: 297–298).

Рассмотрение фактического материала убеждает в том, что в конструкциях с союзом *и ... и* в коми языке также обнаруживается значение “больше нормы”, напр.: *Сійӧ вотӧма и ӧмидз, и сэтӧр, и чӧд* ‘Он (а) собрал(а) и малину, и смородину, и чернику’ (= ‘Он(а) собрал(а) много’). В подобных конструкциях, по справедливому замечанию В.З. Санникова, “союз *и ... и* допускает постановку во фразе слов, указывающих на большое количество” (Санников 2008: 298). Ср.: *Сійӧ вотӧма уна: и ӧмидз, и сэтӧр, и чӧд* ‘Он (а) собрал(а) много: и малину, и смородину, и чернику’; но он не может сочетаться со словами, указывающими на малое количество, напр.: *неуна* ‘немного, немножко’, *этиа* ‘мало’, *сӧмын* ‘только, всего лишь’ и т.п.

Во многих случаях употребления союза *и ... и* исследователь видит смысл ‘много’, однако предпочитает толковать этот союз не через компонент ‘много’, а через компонент ‘больше нормы’ по следующим причинам: 1) компонент ‘много’ (ссылаясь на Ю.Д. Апресян) сам определяется через понятие нормы: *много* = ‘больше нормы’; 2) имеются случаи, когда союз *и ...и* допускает толкование ‘больше нормы’, но не может быть истолкован через компонент ‘много’, - в частности, при указании на два предмета (Санников 2008: 299).

В.З. Санников указывает также на интересные и, на его взгляд, не отмеченные исследователями, употребления союза *и ... и*, когда “этот союз сближается по значению с разделительными союзами”, что обнаруживается в конструкциях, где описываются узуальные ситуации (Санников 2008: 300). *Водз асывнас сиктын и петук горӧдлас, и мӧс бакӧстлас, и пон увтышитас* ‘Рано утром в селе и (то) петух крикнет, и (то) корова замычит, и (то) собака залает’. В данном случае союз *и ... и*, скорее, является разделительным, близким по значению союзу *то ... то*.

В русском языке союз *и ... и* ставится перед каждым соединяемым компонентом, в коми языке может употребляться как перед каждым соединяемым компонентом, так и после. При таком употреблении союза *и ... и* также обнаруживается значение “больше нормы”, и союз *и ... и* также может допускать постановку во фразе слов, указывающих на большое количество. Примеры: *Бур кӧзьеваыс и, винаторйыс и, мича Ӧдюкыс и – ставыс чужетисны сы пытикын овны радейтӧм* (Юхнин 1983: 25) ‘И хорошие хозяева, и вино, и красивая Одюк – все пробудило в нем любовь к жизни’; – ... *А ме ӧмой абу*

кӧзяин? Керка и, мӧс и, кань и... (Льпуров 1988: 61) ‘... А я разве не хозяйин? И дом, и корова, и кошка...’; *Долыд вывсьыс Наталь самӧвар чуйдис пуктыны, а сэсся мыйсӧ на эз ваяв пызан вылас: чери латкатӧ и, сола тшактӧ и, пувтӧ и* (Юшков 1988: 159) ‘От радости Наталь решила поставить самовар, а затем чего только не принесла на стол: и плошку с рыбой, и соленые грибы, и бруснику’.

Да ‘и; да; но’.

В словарях и грамматиках коми языка *да* указывается как союз сочинительной и подчинительной связи, функция которого, по мнению Д.В. Бубриха, зависит от его местоположения в предложении (Бубрих 1949: 191). Однако сочинительное и подчинительное значения восходят к разным источникам.

Сочинительная функция союза *да* восходит к “готовому” русскому союзу *да* (Майтинская 1982: 90). Самые ранние упоминания слова *да* как сочинительного союза зафиксированы в текстах И.И. Лепёхина начала XVIII в. (Лыткин 1952: 157). В сочинительном значении союз *да*, как заимствованный из русского языка, приводится также в грамматике П. Савваитова (Савваитов 1850: 80), в словаре Й. Калимы (Kalima 1910: 63).

Союз *да* используется преимущественно в художественной литературе и разговорной речи, фольклоре. В стилистическом отношении является нейтральным. Чаще бывает одиночным (в сочинительных конструкциях соединяет не более двух однородных компонентов), но может и повторяться. Повторно может употребляться в разговорной речи и фольклоре, в письменной речи редко. Однако, в отличие от союза *и*, не употребляется перед первым соединяемым компонентом. По своей функции близок к союзу *и*, но отличается от него тем, что придает связи между соединяемыми компонентами оттенок присоединения. Поэтому для союза *да* характерно соединительно-присоединительное значение.

Существующее мнение о синонимичности соединительных союзов *да* и *и*, скорее, ошибочно. В ряде случаев замена союза *и* на союз *да* невозможна. Ср.:

(1) а. *Найӧ мӧдисны чукӧртчыны, и ми мӧдӧм чукӧртчыны* ‘Они начали собираться, и мы начали собираться’.

б. *Найӧ мӧдисны чукӧртчыны, да ми мӧдӧм чукӧртчыны* ‘Они начали собираться, да мы начали собираться’.

В данном высказывании союз *да* не может заменить союз *и*, поскольку союз *да* по значению существенно отличается от союза *и*, чем и объясняется недопустимость использования союза *да* в приведенном примере.

Союз *да* ‘и’ употребляется для соединения двух понятий, выражаемых однородными членами: *Став туша кузяыс сялькнитӧс шоныд да небыд гы* (Попов 1986: 9) ‘По всему телу плеснула теплая и мягкая волна’; *Дыр да*

гораа йѳз кекеначалисны (Там же: 10) ‘Долго и громко люди аплодировали’; *Сьѳлѳмыс любѳысла да мудзѳмысла тѳралис* (Там же: 10) ‘Сердце от радости и усталости дрожало’; *Вьль волю паньыда лунѳ волисны пединститутѳ да техникумъясѳ* (Напалков 1988: 52) ‘В день перед новым годом ходили в пединститут и техникумы’; 2) двух синтаксически равнозначных предложений: *Сѳмын ме ѳтнамѳн коля пукавны, да лѳнь войыс тѳѳтѳи кывзѳ на тѳлысьвьывса ворсысьѳс* (Игнатов 1988: 29) ‘Только я один остаюсь сидеть, и тихая ночь тоже слушает еще играющего на луне’.

В смысл союза *да*, подобно союзу *и ... и*, при указании на количество, входит компонент “норма”. Для сравнения рассмотрим конструкции с союзами *и, и ... и, да*.

(1) *Бать вотѳма ельдѳг и ягсер* ‘Отец собрал грузди и волнушки’.

(2) *Бать вотѳма и ельдѳг, и ягсер* ‘Отец собрал и грузди, и волнушки’.

(3) *Бать вотѳма ельдѳг да ягсер* ‘Отец собрал грузди да волнушки’.

В первом предложении с союзом *и* нет количественной оценки. Во втором – союз *и ... и* вносит, как уже отмечалось выше, значение “много”; в третьем – союз *да* вносит, напротив, значение “мало”. Отсюда напрашивается вывод: союзы *и ... и* и *да* предстают как союзы-антонимы.

Нужно отметить, что союз *да* сочетается с наречиями, указывающими на малое количество (*ѳтѳша* ‘мало’, *сѳмын* ‘только’ и др.).

Однако союз *да* не всегда указывает на малое количество. Подобно союзу *и*, союз *да* способен выражать, употребляясь между составляющими компонентами в сочинительных конструкциях различные смысловые отношения, в выражении которых заслуга других средств.

Временные отношения, выступающие как отношения одновременности или последовательности действий, явлений, признаков и состояний предметов.

Значение *о д н о в р е м е н н о с т и* может передаваться: 1) формами глаголов одного и того же времени в составляющих частях, напр.: *Ме кывзѳ сѳйѳс да шензи: мыйтѳм выныс пуѳ Леонтий Петровичын* (Шахов 1988: 200) ‘Я слушал его и удивлялся: сколько энергии кипит в Леонтие Петровиче’; *Лиѳѳ пукъяс орчѳн, сетас карандаш да корѳ мыйкѳ рисуйтны* (Попов 1986: 33) ‘Или сядет рядом, даст карандаш и просит что-нибудь нарисовать’.

Если в русском языке союз *да* не может использоваться в случае следственной зависимости и временной последовательности, то в коми языке может.

Значение *в р е м е н н о й п о с л е д о в а т е л ь н о с т и* может передаваться порядком размещения составляющих компонентов сочинительной конструкции, который непосредственно отражает естественную последовательность действий, явлений, событий, состояний, фактов в реальной действительности. Примеры: *Ми Юлякѳд сувтѳм лыжи вылѳ да мѳѳѳдчим важ мельница дорѳ* (Раевский 1988: 25) ‘Мы с Юлей встали на лыжи и отправились к старой мельнице’; *Зѳрыс найѳс [уртѳшакъясѳѳ] мыськѳма да*

вöччöмáйсь быттö прáздник кeжлö (Там же: 124) ‘Дождь их [сыроежки] вымыл, и они нарядились как на праздник’; *Рам морт вылын серавны оз ков: рам мортсö ва мысыкас, нянь вердас, да сйö морт лö* (посл.) ‘Нельзя смеяться над смиренным человеком: смиренного вода вымоет, хлеб выкормит, и станет настоящим человеком’.

Часто союз *да*, выражая значение одновременности или временной последовательности, может сопровождаться введением в последующий компонент сочинительной конструкции специальных слов или сочетаний с временным значением: *öттиöтти* ‘одновременно’, *бöр* ‘обратно, снова, опять’, *вöлись (вöлисти)* ‘только, потом только’, *пыр жö* ‘сразу же’, *сэсья* ‘потом’ и т.д. Примеры: *Ирина тетя завидьöтмырысь нимкодясис моньыслöн ортсыса мичлуннас да öттиöтти тöждысис ...* (Попов 1986: 34) ‘Тетя Ирина с завистью восхищалась внешней красотой невестки и одновременно заботилась ...’; *Пукальшитис [рака] недыр да бöр лэбис* (Раевский 1988: 18) ‘Посидела [ворона] недолго и обратно улетела’; *Дыр курччöмысь Öксенлöн дубалис сойыс да вöлись воис ас садяс* (Безносиков 1973: 29) ‘От продолжительного укуса у Оксена онемела рука, и потом только пришел в себя’.

Временные отношения в сочинительных конструкциях также могут осложняться *причинно-следственными* и *условно-следственными отношениями*.

Важным синтаксическим средством выражения *причинно-следственных отношений*, как и с союзом *и*, является порядок расположения частей сочинительной конструкции: составляющая часть с причинным значением находится в препозиции, со следственным – в постпозиции, что объясняется логической последовательностью высказывания – в начале проявляется причина, из которой вытекает следствие. Примеры: *... кутиöмкö висьöм пö көвъясис, да ки и кок пö турдö, бöр пö лö гортö, паччöрö, косны* (Юшков 1981: 229) ‘... какая-то болезнь, мол, привязалась, и руки и ноги, мол, коченеют, обратно, мол, придется домой, на печку, вернуться’; *Кöть бöрья суткинас и көдзöдöдис да бурöвöй вышка йылын шутьялис скöр вой тöв, бурöвöйын вöли шоньд, да Зюзев пукалис регистратор дорын пöрччысьöмön, пинжак кeжсьыс* (Игнатов 1988: 210) ‘Хотя и в последние сутки похолодало и на вышке буровой свистел злой северный ветер, на буровой было тепло, и Зюзев сидел возле регистратора раздевшись, в одном пиджаке’. Отношение причины и следствия между частями сочинительной конструкции особенно отчетливо выражается в том случае, когда союз *да* сопровождается местоименными словами *та вöсна* ‘поэтому’, *сы вöсна* ‘потому’, *сйöн* ‘потому’ и др., напр.: *Бишловзис [Ирина]: тöв йылын öнi оз овлы да сйöн татшöм чужöмöй* (Попов 1986: 51) ‘Вдохнула [Ирина]: на ветру теперь не бываю, и потому лицо такое’.

Условно-следственные отношения союз *да* выражает между предикативными частями в сложносочиненных предложениях, между однородными

членами – нет. Грамматическим средством выражения условно-следственных отношений, как и причинно-следственных, является порядок расположения частей сочинительной конструкции: компонент, содержащий условие, всегда находится впереди того компонента, который содержит следствие.

В сочинительных конструкциях союз *да* может выражать *сопоставительно-противительные отношения*, которые находят свое отражение в структуре сложносочиненного предложения между его предикативными частями, где говорится о предметах или действиях, сопоставляемых или противопоставляемых друг другу в каком-либо отношении.

При *сопоставительных* отношениях функция союза *да* близка к функции сопоставительного союза *а*. Сопоставительная связь осуществляется через сказуемые. Сопоставление может вестись в одном временном плане и в разных временных планах: *Нимыс мича, да сямыс мисьтӧм* (посл.) ‘Имя красивое, а нрав плохой’, *Тьпу! Кузь юрсыыд, да вежӧрыд этиша* (Напалков 1996 : 12) ‘Тьфу! Волосы у тебя длинные, а ума мало’.

При *противительных* отношениях функция союза *да* близка к функции союза *но*. Эти отношения ярче выражаются в сочинительных конструкциях: 1) когда одна из предикативных частей является отрицательной, напр.: *Видзӧда: ӧтишаны руч кӧйялӧ, кыйӧдчӧ. Лыйны кӧтъ эськӧ, да буретши ружьей эз вӧв сьӧрысь* (Раевский 1988: 72) ‘Смотрю: в одном месте лиса оглядывается, подстерегает. Застрелить бы хоть, но как раз ружья не было с собой’; *Дерт, эськӧ татшӧм здужад пӧ пӧсь йӧв сорӧн ош госысь бурьис нинӧм абу, да кысь сийӧс босьтан* (Торопов 1988 : 40) ‘Конечно, в такие минуты бы, мол, нет ничего лучше медвежьего жира с теплым молоком, но где его возьмешь’; 2) в которых сказуемое первой части выражено глаголом со значением желания, намерения, а во второй части указывается на невыполнение или невозможность выполнения этого желания, намерения по какой-то причине напр.: *Кӧсийм эськӧ качайтчыштны, да гӧзсӧ лӧччӧдӧмадсь комсомолецьяс сьӧрсыс, медым сийӧс эз орлӧдлыны* (Льноров 1988: 51) ‘Хотели бы покаяться, но веревку комсомольцы взяли с собой, чтобы ее не оборвали’.

Союз *да* выражает противопоставление с уступительным оттенком в сочетании с частицей *век жӧ* ‘все же’ между однородными сказуемыми: *А сэки буретши мыччысис шондӧ. Буракӧ, чайшис-косявлӧс кымӧръяссӧ да век жӧ мыччысис, но радлыны сы вылӧ, вӧлӧмкӧ, нинӧмла* (Раевский 1988: 17) ‘А тогда как раз вышло солнце. Кажется, разорвало облака и все же вышло, но радоваться ему, оказывается, было нечему’.

Союз *да* в коми языке может выступать в реализации *присоединительных* отношений (СКЯ II: 199; Попова 1999: 152). С помощью соза *да* могут: подключаться однородные члены с оттенком добавочности; присоединяться слово или словосочетание, вынесенное за пределы основного высказывания, которое может характеризовать главный или второстепенный член, сооб-

щить что-то новое: *А Епим локтис война мөд вонас, ранитчөма, да век нин мужик* (Куратова 1989: 8) ‘А Епим вернулся на второй год войны, раненый, да все же мужик’.

При помощи союза *да* присоединяются предикативные части в сложносочиненных предложениях, выражающие добавочное сообщение, оценку или замечание по поводу высказанного в первом предложении (СКЯ II: 199), напр.: – *Тэтөг на аддза! – И эскис [Анна], мый аддзас, да воясыд тай кольоны* (Куратова 1989: 79) ‘– Без тебя еще найду! – И надеялась [Анна], что найдет, да годы-то вот уходят’.

При реализации присоединительных отношений союз *да*, подобно союзу *и*, может сопровождаться синтаксически специализированными словами, вносящими смысловые оттенки добавления, выделения: *весиг* ‘даже’, *ещө* ‘еще’, *нөшта* ‘еще’, *зэв нин* ‘особенно’, *торйөн нин* ‘особенно’, напр.: – *Төдан, Васьө, өни ме, пöрьсыладор, да ещө нин ыли йöз муад олігөн, частö думайтла аслам пöльяс йылысь* (Торопов 1998: 31) ‘– Знаешь, Вась, теперь я, к старости, да особенно живя вдали на чужбине, часто бывает думаю о своих предках’.

Союз *да* в коми языке может занимать позицию после соединяемого компонента, напр.: – (...) *Асьныд жö кутанныд гажъявны, ичөтджык чой-вокныд да* (Льуров 1988: 46-47) ‘– (...) Сами же будете развлекаться, и младшие братья и сестры’; *Медясö ворслывлім войнаысь, дзэбьясьөмысь да* (Там же: 24) ‘Главным образом играли в войну, и в прятки’.

В коми языке часто встречаются простые и бессоюзные сложные предложения с лексемой *да* в позиции заключительного компонента, когда *да* выполняет функцию частицы с реализацией различных субъективно-модальных оттенков значений. Одна из причин ее широкого употребления кроется в специфике синтаксических построений, которые отражают особенности спонтанной разговорной речи. Такие предложения необходимо отличать от предложений с союзом *да*.

Ни ... ни ‘ни ... ни’

Союз *ни ... ни* ‘ни ... ни’ заимствован из русского языка. По значению близок к союзу *и*, служит для связи однородных членов в отрицательных предложениях и отрицательных предложений в составе сложносочиненного. В “Русской грамматике” (1980) отмечается, что союз *ни ... ни* – это “аналог” союза *и ... и* с отрицательным значением (т. II : 618). Нельзя сказать, что *ни ... ни* в коми языке используется активно. Чаще он употребляется для соединения однородных членов в отрицательном предложении, может соединять любые однородные члены: подлежащие, сказуемые, дополнения и др. Основной функцией союза при этом является выделительно-перечислительная. Однородные члены, связанные союзом *ни ... ни*, ничем не отличаются от сло-

воформ, соединяемых повторяющимся *и ...и*: также могут быть одиночными или с распространителями, напр.: *Со кык во сайё петис отлаасьёмныслы, а сийё [Настя] эз төд, мый вочсьё Миша съёлёмын, эз кывлы сылысь ни радлём, ни норасьём, шог пыкём, ни оийьсьём* (Попов 1986: 16) ‘Вот уже два с лишним года прошло с начала их совместной жизни, а она [Настя] не знала, что делается в душе Миши, не видела у него ни радости, ни жалобы, ни грусти, ни хвастовства’.

Сложносочиненные предложения с союзом *ни ... ни* по структуре и форме не отличаются от предложений с повторяющимся *и ... и*: предложния образуют открытый ряд. В сложных предложениях с союзом *ни ... ни*, произошедшего в языке-источнике на основе усилительной частицы и сохраняющего это усилительное значение, всегда имеется добавочное усилительно-отрицательное значение.

Составной элемент повторяющегося союза *ни ... ни*, подобно повторяющемуся *и ... и*, ставится в начале каждого соединяемого им компонента. Как и союз *и ... и*, союз *ни ...ни* “может указывать на всеобщность, которая в ряде случаев подчеркивается постановкой специальных слов” (Санников 2008: 301). В коми языке это слова типа *некод* ‘никто’, *нинём* ‘ничто, ничего’, *некор* ‘никогда’, *некён* ‘нигде’, напр.: *Нинём оз нин ков Прокё Васькалы вывьянь усяныс: ни ышнясян пенсияыс, ни ошкём-ыдждёлёмыс* (Юшков 1988 : 8) ‘Ничего уже не нужно Проко Ваське дармового: ни пенсии, которой можно гордиться, ни хвалы и величия’, *Некён ни вотёс, ни тиак – кысь нин тулысын, арнас и то оз быд воё овлы* (Игнатов 1988 : 180) ‘Нигде ни ягод, ни грибов – откуда уже весной, осенью и то не каждый год бывает’. Подобно повторяющемуся союзу *и ...и*, составной элемент союза *ни ... ни* может стоять также после каждого соединяемого компонента, напр.: *Оз дэбёд ни, оз шыбелит ни* (Попов 1986: 131) ‘И не трясет, и не заносит’, *Ручка ни, карандаш ни ки улын абу* ‘Ни ручки, ни карандаша нет под рукой’.

В русском языке союз *ни ... ни* всегда повторяющийся, в коми языке он может быть одиночным, что является особенностью употребления в языке-рецепторе. Примеры: *Пом ни дор лёзалё Эжва, став дясёё и лыа кёсясёё ылькнитёма* (Торопов 1995: 142) ‘Ни конца, ни края синеет Вычегда, все островки и песчаные отмели затопило’, *Налы, майбыр, шог ни гёре* (Льноров 1988: 34) ‘Им, благодать, ни горя, ни печали’, *Гашкё, Макар Иван ордас и узис [бать], ме тай локтём ни ветлёлём эг кывлы-а* (Там же: 34) ‘Может, у Макар Ивана и ночевал [отец], я же ни возвращения, ни ходьбы не слышал’. В предложениях при соединении отрицательных сказуемых союз *ни* освобождается от показателя отрицания и выступает в функции союза *и*, напр.: *Прёйдитчис [Коноплёв] Вадор грездёд. Понъяс оз омлявны ни шёдтны* (Безносиков 1973: 4) ‘Прошелся [Коноплев] по деревне Вадор. Собаки не воют и не бродят’.

Одиночный союз *ни* в коми языке выступает в сочетаниях фразеологического характера, напр.: *зык ни шум [овны]* ‘жить мирно’, *ис ни дук* ‘ни духу, ни слуху’, *ис ни ру* ‘ни жару, ни пару (в бане)’, *кыв ни джын* ‘ни слова, ни полслова’, *сы ни садь [узьны]* ‘мертвым сном [спать]’, *шы ни гу [ланьтны]* ‘полная тишина’, *шы ни төв* ‘тишина’, *шыч ни рач* ‘тишина’ и т. д. Примеры: *Тавысь бурьыс өд нинём абу: зык ни шум, майбыр олём* (Безносииков 1973: 18) ‘Лучше этого ведь ничего нет: спокойная, счастливая жизнь’, *Ис ни дук пö налөн некöн абу* (Шахов 1997: 13) ‘Ни духу, ни слуху, мол, у них нет (след простыл)’, *Асныровлы кыв ни джын шутöг, Микит водіс веж луг вылö* (Юхнин 1983: 16) ‘Не сказав ни слова, ни полслова Аснырову, Микит лег на зеленый луг’, *“Ха-ха! Рака кө шытык йылын, сідзкö, часöвöй сы ни садь узьö”* (Тимин 1990: 9) “Ха-ха! Если ворона на штыке, значит, часовой спит крепко (мертвым сном)”, *Залаын шы ни гу ланьтісны* (Фёдоров 1988: 22) ‘В зале замолчали до безмолвия’.

С помощью союза *ни* могут выражаться присоединительные отношения. Присоединяться могут однородные члены, предикативные части в сложносочиненных конструкциях, отдельные предложения в тексте. Сообщения, присоединяемые союзом *ни*, не только дополняют, уточняют мысль основного высказывания, но и осложняют усилительно-отрицательным значением. При присоединительных отношениях союз *ни* может занимать позицию как перед присоединяемой частью, так и после него. Примеры: – ... *Совхозыдлы зорöдтö вöлі гöг вестöдзыс и чöвтö [Егорей], прамöя оз йывды ни* (Безносииков 1985: 161) ‘Совхозу стог-то до пупа и было метал [Егорий], и не довершал толком’.

Сэсся ‘и, и затем; да и’

Иногда можно наблюдать случаи возрождения устаревших союзов. В древнезырянском языке употреблялся сочинительный союз исконного происхождения *ses* ‘в значении ‘и, и потом’, который сохранился в языке до наших дней. Этому способствовало то обстоятельство, что союз *ses* ‘употреблялся не только в письменном языке, но и в разговорной речи.

Древнезырянский союз *ses* ‘восходит к форме *ses’*a*, что представляет собой застывшую форму сравнительного падежа указательного местоимения *se ‘тот’: *se-s’*a* – первоначально означало ‘кроме того’ (КЭСК: 272). Далее из этой формы образуется наречие *сэсся*, в современном коми языке имеющее значения: ‘1) затем, потом; 2) дальше, далее; 3) больше’ (КРК: 628); позже из наречия формируются частица и союз, однако в грамматиках коми языка *сэсся* в системе союзов не фиксируется (Бубрих 1949: 190–193; СКЯ I: 270–276; ÖКК: 487–502). В монографиях по коми-зырянским диалектам слово *сэсся* в функции союза тоже не фиксируется.

В коми-русском словаре (КРК 2000) лексема *сэсся* отмечена в функции союза со значением ‘да и’. Однако из приведенного в источнике примера:

сэсся и *черинас пö юыс озыр* ‘да и рыбой, говорят, река богата’ (КРК: 628) мы не находим, что лексема *сэсся* выполняет функцию союза. Начальная позиция служебной единицы *сэсся* в данной конструкции не дает полного основания считать ее союзом, поскольку в такой позиции она может служить средством для направления внимания слушателя к сказанному ранее и выполнять функцию частицы. Для определения, какую функцию здесь выполняет лексема *сэсся*, нужен предыдущий контекст.

Союзную функцию лексемы *сэсся* трудно отграничить от несоюзной (наречной ‘затем, потом’). Объясняется это, по-видимому, меньшей степенью грамматикализации: союз *сэсся* еще недостаточно четко отделился от одноименного наречия *сэсся*.

Материал показывает, что слово *сэсся* способно выступать в качестве грамматического средства выражения смысловых отношений между однородными членами предложения и предикативными компонентами в составе сложносочиненного предложения, т.е. выполнять функцию сочинительного союза.

Союз *сэсся* в блоке однородных членов служит преимущественно для связывания глаголов-сказуемых, относящихся к одному субъекту, причем по времени действия они следуют друг за другом, напр.: *Понятойяс катласьыиштісны кокъяс выланьыс, сэсся петісны* (Попов 1986: 59) ‘Понятые недолго покачивались на ногах, и вышли’, *Матыстчыласны [лэбачьяс] миян дорöдз, сэсся коз пу пöлөныс качöны вывлань, кытчöкө вошлöны да горзігтыр бөр туюбны увлань, миянлань...* (Раевский 1988: 21) ‘Приблизятся вплотную [птицы] к нам, и затем вдоль елок поднимаются вверх, куда-то пропадают ненадолго и, поднимая гвалт, обратно прилетают, к нам...’.

Второй однородный член (сказуемое) может выражать результат или исход того, что сказано перед тем, неожиданное действие: *... лэбачьяс быттьö команда серти дугдісны кокасьны, кыпöдісны юрнысö, видзöдісны ме вылö, сэсся друг жбыркнитісны-лэбисны* (Раевский 1988: 134) ‘... птицы будто по команде перестали клевать, подняли головы, посмотрели на меня, и вдруг вспорхнули-улетели’, *Вежбөгтысь гөтыр кутіс ёрчыны, лёкмöмысла оз төд, мый вöчны, сэсся крапкис: “Мужик кө колö вöлі, мыйла ассьыд война вылö лэдзин!”* (Попов 1986: 49) ‘Ревнивая жена начала сквернословить, от злости не знала, что делать, и брякнула: “Если мужик нужен был, почему своего на войну отпустила!”’.

В сложносочиненных предложениях с союзом *сэсся* может выражаться последовательность действий, явлений с оттенком присоединения в значении ‘да и’. Часто союз *сэсся* выступает в сочетании с частицей *и*, напр.: *Со нин менам берегын пу йывъяс югдісны, сэсся и шондi югöрьясыс лэччисны нин юöдз...* (Раевский 1988: 117) ‘Вот уже на моем берегу вершины деревьев посветлели, да и лучи солнца упали уже на реку...’. Для союза *сэсся* характерно соединительно-присоединительное значение.

2.1.2. Противительные союзы

Ряд противительных союзов составляют *а, но, а то, жö, зато*, которые также заимствованы из русского языка, и каких-либо функциональных особенностей в коми языке не проявляют. От соединительных союзов отличаются тем, что могут соединять только два однородных члена внутри простого предложения и два предложения внутри сложносочиненной конструкции, образуя таким образом закрытые ряды. Двучленная структура обусловлена самой спецификой противопоставления.

Но ‘но’.

Союз *но* функционирует во всех пермских языках. В коми языках является заимствованным из русского, в удмуртском – незаимствованным союзом. В “Грамматике современного удмуртского языка” союз *но* рассматривается в группе противительных союзов, однако указывается, что в значении *нош* (1962: 326). По предположению Б.А. Серебренникова, “возможна связь его с частицей *nešta* ‘еще’ в языке коми” (Серебренников 1963: 375).

В.В. Виноградов считал, что у союза *но* “в сущности, одно основное значение... Все оттенки употребления этого союза... не выходят за пределы его основного противительного значения” (Виноградов 1972: 559). Однако, по В.З. Санникову, “господствующей (особенно в последнее время) является другая точка зрения, согласно которой *но* – союз многозначный”, что объясняется стремлением “приписать компоненты смысла, возникающие в предложении, грамматическим словам (в нашем случае – сочинительным союзам), однако желательнее все-таки свести “возмущающее влияние контекста” к минимуму” (Санников 2008: 244; 245). В.З. Санников разделяет точку зрения В.А. Белошапковой, когда она призывает к отвлечению от лексического состава и концентрации внимания на союзных средствах (Белошапкова 1977: 208–209).

В коми языке вполне сложилась структура с союзом *но* с различными видами противительных отношений, хотя союз *но* считается “недавно заимствованным союзом” (Бубрих 1949: 191). Все эти виды отношений основываются на противоречивости фактов, событий, о которых говорится в соединяемых частях сочинительной конструкции.

Союз *но* может обозначать противопоставление с оттенком несоответствия: *Сійö [Сьöд ты] абу ыджыд, но местаясын зэв джуджыд, ваыс векни вискöд тюрö Мизин юö* (Раевский 1988: 109) ‘Оно [озеро Сед] небольшое, но местами очень глубокое, вода по узкой протоке бежит в реку Мизин’, *Бвлаас öвтис нин тулыс көрöн, но друг көдзöдöс* (Там же: 40) ‘На улице веяло уже весной, но вдруг похолодало’.

В конструкциях с союзом *но* могут выражаться противительно-уступительные отношения: противительное значение осложняется значением усту-

пительным. Первая часть таких построений допускает введение уступительного союза *коть (и)* ‘хотя (и)’, напр.: *Мудзёммаёсь, корсюрё и котасьёммаёсь, но быдён шудаёсь, долыдось* (Коданев 1979: 99) ‘Уставшие, иногда и промокшие, но все счастливые, радостные’, *Пукала час кымын нин, но чери оз сёй, вуыыр тай оз на вёрзыыв* (Раевский 1988: 107) ‘Сижу около часа уже, но рыба не клюет, крючок вот не дергается пока’, *Берегын зэв номйось, но ме дорё оз матыстчывыны: мавтча антикомаринён* (Там же: 107) ‘На берегу очень много комаров, но меня не беспокоят: мажусь антикомарином’.

В сочинительных конструкциях с союзом *но* противительные отношения могут осложняться оттенком ограничения того, что говорится в первой части, чем-нибудь противоречащим, препятствующим тому, что содержится во второй части. Отчетливо эти отношения выражаются в тех предложениях, в которых сказуемое первой части выражено глаголом со значением желанья, намерения и т.п., а во второй части указывается на невыполнение этого желанья, намерения часто с указанием причины. В предложениях с противительно-ограничительным значением союз *но* оформляет значение типа “однако”. Примеры: *Сэсся [сосед] кёйис ме дорё локны, но эз лок* (Раевский 1988: 109) ‘Потом [сосед] хотел подойти ко мне, но не подошел’; *Коля кёйис судёны дедсё, но буретши сэки вёрын мыйкё гораа трачмуни* (Там же: 109) ‘Коля хотел догнать деда, но как раз тогда в лесу что-то громко треснуло’.

Союз *но* может выступать в *присоединительной* функции, когда противительная семантика союза *но* в условиях контекста ослаблена. Вторая часть в таких конструкциях может содержать добавочное сообщение: оценку того, о чем говорится в первой части, пояснение, напр.: *Оти муткыр тыдалёкодь, но абу ыджыд* (Юшков 1981: 183) ‘Одна складка видна, но небольшая’; *Лизалы аслыс окота вёлі аддзёдыны нывсё, ёна жё бырёма гажыс да, но татшём делёясад верёссыс бурджык сёветчик оз сюр* (Напалков 1988: 86) ‘Лизе самой хотелось увидеть дочь, тоже сильно соскучилась, но в таких делах кроме мужа лучшего советчика не найдется’.

А ‘а’.

Союз *а* – один из употребительных союзов в коми языке, является стилистически нейтральным. Как отмечает В.З. Санников, наиболее полное и точное описание значения союза *а* содержится в работах исследователей-русистов Г.Е. Крейдлина и Е.В. Падучевой. В соответствии с данными словарей и грамматик русского языка Г.Е. Крейдлин и Е.В. Падучева выделяют три значения союза *а*: *а* “несоответствия”, *а* “сопоставления”, *а* “присоединительное”, или обобщающее (Санников 2008: 265–266). Такие же значения союз *а* реализует в коми языке.

А “несоответствия”. Обычно отмечают, что в этом значении союз *а* синонимичен союзу *но*. Однако мнение о полной синонимичности союзов *а* (“несоответствия”) и *но*, скорее, ошибочно. В предложении: *Батьлён вёлі*

жар, а сійӧ муніс удж вылӧ ‘У отца была температура, а он пошел на работу’ союз *a* близок по значению союзу *но* и может быть заменен этим союзом: *Батьӧн вӧлі жар, но сійӧ муніс удж вылӧ* ‘У отца была температура, но он пошел на работу’. Однако эта замена связана с существенным изменением смысла, которое индуцировано именно союзами *но* и *a* (поскольку остальные компоненты предложений совпадают). Союз *но* указывает на *з а в и с и м о с т ь* соединяемых компонентов (Отец знал, что у него температура и все-таки пошел на работу); союз *a* описывает события как *н е з а в и с и м ы е* (возможно, когда отец собирался на работу, еще не знал, что у него температура). Союз *но* указывает, что второй компонент – *н е н о р м а л ь н о е с л е д с т в и е* (нормальным было бы, зная о температуре, не ходить на работу); союз *a* указывает на *н е с о о т в е т с т в и е с о б ы т и й* (нормальным было бы при температуре лучше отлежаться).

Независимостью, “равноправностью” компонентов, соединяемых союзом *a*, объясняется возможность перестановки частей предложения: *Батьӧн вӧлі жар, а сійӧ муніс удж вылӧ* ‘У отца была температура, а он пошел на работу’ – *Сійӧ [бать] муніс удж вылӧ, а батьӧн вӧлі жар* ‘Он [отец] пошел на работу, а у отца был жар’. Во втором примере с союзом *но* подобная перестановка невозможна.

Значение несоответствия союза *a* может осложняться значением уступки: *Ракаяс тай нӧ оз кӧдзы, оз вундыны, а пӧтӧсь* (посл.) ‘Вороны не сеют, не жнут, а сыты’.

В сложносочиненных предложениях с союзом *a*, стоящим между предикативными частями могут выражаться противительно-ограничительные отношения. Функция союза в таких предложениях также близка к функции союза *но*, напр.: *Кӧсий босытны пӧртъяс, а ӧти кийӧ оз нин уджав: мина торйыс веськалӧма* (Льноров 1988: 94) ‘Хотел взять котелки, а (но) одна рука уже не работает: осколок мины попал’.

А “сопоставления”. Употребление союза *a* в значении сопоставления в коми языке – наиболее частотное.

Однородные сказуемые, соединяемые союзом *a*, могут иметь значение сопоставления. Часто сопоставление сказуемых поддерживается сопоставлением дополнений и обстоятельств, напр.: *Заводитны бурӧн, а помавны дурӧн* (посл.) ‘Начать добром, а кончить злом (Начать за здоровье, а кончить за упокой)’.

В сложносочиненных предложениях с союзом *a* могут выражаться сопоставительные отношения, когда сопоставляются различные в каком-либо отношении явления, причем эти явления при всем своем несходстве не отменяют друг друга, а как бы сосуществуют. Сопоставление ведется в одном временном и одном модальном плане: *Вӧлӧмкӧ, ме кыйӧдча сизь бӧрся, а ме бӧрся – ур* (Раевский 1988: 58) ‘Оказывается, я слежу за дятлом, а за мной –

белка'. Однако могут сопоставляться и события, относящиеся к разным временным и модальным планам: *Васöд местаясын мыччысьöма нин вижжюр, а пыдынджык, сука сулалысь коз пуяс костын, тыдалö на еджыд лым* (Там же: 71) 'В сырых местах показалась уже мать-и-мачеха, а глубже, между густо стоящими елями, виден еще белый снег', *Тури няньсö жугöдö, а ош лёк ним кывзö* (посл.) 'Журавль посевет травит, а медведь брань сносит'. Могут реализоваться также отношения несоответствия, уступки, напр.: *Бишöдiсны морттö, а сийö [Иринь] торъя эз и петитчы* (Безносиков 1982: 19) 'Уговорили человека, а она [Иринь] особо и не противилась'.

А "присоединительное". Союз *а* может употребляться в присоединительном значении. Присоединяет он такое дополнительное сообщение, которое содержит вывод, заключение к ранее высказанной мысли, оценку или замечание: *А тулыснас Вася Лаптандерöс ыстiсны Степан Войтов дорö, и сийö кадяньыс нин эз ло аддзысьöма Раякöд, а сэки, мунiгас, көра доддясö кольöдны Рая волiс жö* (Игнатов 1988: 215) 'А весной Василия Лаптандера отправили к Степану Войтову, и с того времени уже не приходилось видеться с Раяй, а тогда, во время отъезда, проводить оленью упряжку Рая тоже приходила'; – *Некод онö тöдöй, а ещö школьникъяс. Вот тайö розъяссьыс, гашикö, дедъясыдлөн батъясыс на вотлисны чöдсö* (Раевский 1988: 94) '– Никто не знает, а еще школьники. Вот с этих кистей, может быть, отцы ваших дедов еще собирали чернику'.

А то 'а то'.

Союз *а то* заимствован из русского языка, в котором считается многозначным союзом и квалифицируется как: 1) противительный; 2) подчинительный с причинным значением; 3) разделительный. Разделительное значение фиксирует лишь "Большой академический словарь русского языка" (БАСРЯ 2004, т. 1: 59).

В коми языке союз *а то* в словарях и грамматиках не фиксируется, однако в учебнике по синтаксису коми языка рассматриваются сложносочиненные предложения с союзом *а то*, который "употребляется при противопоставлении в сложносочиненных предложениях, в которых вторая часть или показывает, по какой причине совершается действие, выраженное в первой части, или же указывает на последствие, которое может быть в случае невыполнения того, о чем говорится в первой части" (СКЯ II: 196). В предложениях: – *Аски Семен лун, ошъяс пö тай чуалöны. Мöстö луд вылö лун кум ог нулöй, а то усъкöдчасны ещö рöзбойникъясыд ...* (Коданев 1979: 101) '– Завтра Семенов день, у медведей, мол, оказывается, течка. Корову на луг дня три не будем водить, а то нападут еще разбойники ...'; – ... *Тэ, Симён, зiля чышкысь-косöдчы, а то пöжасöй кöдзалас да оз ло чöскыд* (Безносиков 1982: 19) '– ... Ты, Симён, быстро вытрись-высушись, а то выпечка остынет и не будет вкусной'; – *Ловья! – горöдiс Гена. – Эк, воканö, чеччышт*

затяжндойён, а то кокалас (Львов 1988: 98) ‘– Живой! – крикнул Геннадий. – Эх, братан, прыгни затяжным, а то заключает’ между соединяемыми предикативными частями посредством союза *а то* ошутима противопоставленность. Вторая предикативная часть содержит обоснование того, о чем говорится в первой части: указывает, что может произойти, если действие первой части не осуществится.

Разделительное значение союза *а то* в коми языке не реализует.

Союз *а то* в коми языке можно квалифицировать как противительный. Он чаще служит для соединения предикативных частей в сложносочиненных предложениях, также может соединять отдельные предложения, т.е. выполнять начинательно-присоединительную функцию, напр.: *Пёрлётды пё став кын сюръясё. А то юрнысё нин мыччоны* (Тимин 1990: 7) ‘Вали все мерзлые столбы. А то головы уже высовывают’.

Жё ‘же’.

Союз *жё* по своему происхождению связан с русской выделительной частицей *же* и сохраняет ее выделительное значение. Наряду с частицей *же* словари и грамматики русского языка выделяют сочинительный (“противительный”, “сопоставительный”, “сопоставительно-противительный”) союз *же*. Происхождение этого союза обуславливает и его позицию как в языке-источнике, так и в заимствующем языке: он стоит не между предикативными частями, а после первого слова второй части, выделяя его. Служит для соединения предикативных частей в сложносочиненных предложениях, в которых выражаются сопоставительно-выделительные отношения. Функция союза *жё* близка к функции союза *а*. Между однородными членами и отдельными предложениями в тексте связочную функцию не выполняет. Примеры: *Кывнас сійё быдтор вёчё, делё вылас жё нинём оз сулав* (посл.) ‘На словах он все делает, на деле же ничего не стоит (а на деле ничего не стоит)’.

Зато ‘зато’.

Союз *зато* в коми языке встречается редко. Между однородными членами выражает противопоставление с оттенком возмещения.

В сложносочиненных предложениях соединяет два предложения, в которых реализуются противительно-возмездительные отношения. Какое-либо явление рассматривается с разных сторон, причем одна его сторона чаще всего оценивается как отрицательная, а вторая – как положительная. Содержание второго предложения противопоставляется сказанному в первом предложении и рассматривается как нечто более ценное, более важное или приятное. Примеры: *Мед поснибсь кё [черу], зато лыыс небыдджык, сёйигад небось горшад оз тасасны* (Безносиков 1973: 59) ‘Пусть мелкие так [рыба], зато кости мягче, во время еды небось в горле не застрянут’; ... *Студентъяс тёдмаласны, кутшём съёкыдлунъяс овлёны уджалёгон, зато*

бөрыннас сьёкыдсьыс озджык кутны повны (Игнатов 1988: 111) ‘Студенты узнают, какие трудности бывают в работе, зато потом меньше будут бояться трудностей’.

2.1.3. Разделительные союзы

Общее значение разделительных отношений, выражаемых разделительными союзами, состоит в том, что из всех перечисляемых явлений в данный момент возможно одно.

Али ‘или’

Союз *али* также является русским заимствованием. В языке-источнике употребляется в русских народных говорах (Шапиро 1959: 228), литературный русский язык использует союз *или*, синонимичный союзу *али*. Как русское заимствование союз *али* в финно-угорских языках имеет широкий ареал употребления: помимо коми языка, функционирует в прибалтийско-финских языках – водском, карельском, вепском, лутовском диалекте эстонского языка, в котором иногда имеет также оттенок противительного союза (Карелсон 1959: 26); в саамском языке (Керт 197: 220).

В коми языке союз *али* может быть одиночным и повторяющимся, но чаще бывает одиночным. В синтаксических конструкциях он способен соединять однородные члены и предикативные части сложносочиненного предложения, выражая отношения взаимоисключения, указывая на то, что из перечисленного возможно что-либо одно. Примеры: *Ставён локтёмойсь встречайтны, но оз тёдны кодос, оз тёдны, мый вайёны сійё тёдтёмьясыс: шуд али синва, нянь али тиыгъялом* (Пыстин 1987: 126) ‘Все пришли встречать, но не знают кого, не знают, что принесут те незнакомые: счастье или слезы, хлеб или голод’.

Союз *али* может выполнять присоединительную функцию, напр.: *Менё да готырьясынымос дэльёдём могысь, али нбшта мыйлакё, нбшти соссытёг Миша висьталіс, кызди Поликарпыс сійёс зібъявлёма...* (Юшков 1979: 92) ‘С целью подразнить меня и наших жен, или еще зачем-то, несколько не отрицая, Миша рассказал, как Поликарп было избил его...’.

Союз *али* может выступать в “начинательной” функции, как бы присоединяя предложение к предшествующему: – *Мый локтін? – шпыньмунёмн юаліс Зоя зонлысь надмёмсё казьяломн. – Али кывтё гортад колин?* (Изьюров 1984: 19) ‘– Что замолчал? – ухмыльнувшись, спросила Зоя, заметив у парня растерянность. – Или язык дома оставил?’.

Котъ ‘хоть’ (*котъ ... котъ* ‘хоть ... хоть’).

В словарях и предыдущих грамматиках коми языка союз *котъ* квалифицируется как подчинительный. В последней научной грамматике справедливо подчеркивается, что союз *котъ* способен выступать также в сочинитель-

ной функции (ÖKK: 489–490). Однако не указывается, в какую семантическую группу союзов входит.

Нужно отметить, что союз *кõть* заимствован из русского языка, в котором он квалифицируется как “разделительный союз со значением равноценности компонентов” (Санников 2008: 204).

Союз *кõть* может употребляться одиночно и повторяться. В современном коми языке он находит свое отражение в живой разговорной речи и художественных произведениях, в которых служит для выражения уступительных отношений. В конструкциях соединяет одноструктурные синтаксические единицы – однородные члены предложения и однотипные части сложного предложения. Примеры: – *Тõдан, Васьõ, õни ме, пõрысьладор, да ещõ нин ыли йõз муад олігõн, частõ думайтла аслам пõльяс йылысь. Кыдзи найõ олісны. Кыдзи уджалісны да вõралісны ... И мый колõ олõм выланысь лышкыда босьтисны. И повны найõлы вõлі немторйысь, гортас кõть вõрын* (Торопов 1988: 31–32) ‘Знаешь, Василий, теперь я, к старости, да особенно живя вдали от родной земли, часто думаю о своих предках. Как они жили. Как работали и занимались охотой ... И что нужно для жизни, щедро получали. И бояться им было нечего, дома хоть в лесу’; *Любуйтчан, а синнад корсян нин керка, кõни, тõдõмысь, виччысьõны тәнõ лунын кõть войын, ылысь кõть матысь* (Тимин 1990: 7–8) ‘Любуешься, а глазами ищешь уже дом, где, наверно, ждут тебя днем хоть ночью, издалека хоть из ближайших мест’. При повторении союз *кõть...кõть* ‘хоть...хоть’ реализует уступительно-разделительное значение: *Поплы кõть кольта, кõть сёрõм – век на этиша* (посл.) ‘Попу хоть сноп, хоть скирду – все еще мало.’

Либõ (либõнõсь) ‘или, либо’

Заимствован из русского языка, фонетически адаптирован. Указывает на строгое разделение явлений, фактов. Может быть одиночным и повторяющимся. Способен соединять однородные члены, предикативные части в сложносочиненном предложении и отдельные предложения в тексте. Каких-либо отличий в грамматическом значении заимствованного союза *либõ* в коми языке от своего источника – союза *либо* – не существует.

Союз *либõ* может выступать в форме *либõнõсь*, которая могла образоваться на основе плеонастического употребления союза *либõ* и частицы *нõ*, содержащей суффикс множественного числа *-õсь*. В результате слияния союза *либõ* и частицы *нõсь* образовалась форма *либõнõсь*, являющаяся, на наш взгляд, диалектным образованием.

Либõ “разделительное”. Примеры: *Казяласны кõ [сьõлаяс] зверõс либõ мортõс, пыр жõ та йылысь сетõны тõдны õта-мõдыслы* (Коданев 1979: 110) ‘Если заметят [рябчики] зверя либо человека, сразу же об этом дают знать друг-другу’; *Либõ мортõн лоны, либõ нинõмõ воны* (посл.) ‘Либо человеком стать, либо ни во что превратиться’.

Либб “присоединительное”. – ... *А арнас, кор керъясыс да бонаясыс лооны налим кодь нильбггось, либб йизьоны? Лөсялө бмөй татиом уджыс миян кадлы?* (Торопов 1995: 103) ‘... А осенью, когда бревна и боны, как налимы, становятся скользкими, или леденеют? Соответствует ли такая работа нашему времени?; *Гожомнас югыдвиж дзоридзыс вошө, сыысь артмө небыдик гөн шар, либб гөна юр, кыдзи шуоны сиктын* (Раевский 1988: 84) ‘Летом ярко-желтый цветок пропадает, из него получается мягонький пушистый шар, или пушистая голова, как говорят в селе’; *Кыдзи став татиом дойдалысь нелючкияссө торъя мортыд веськөдан? ... Кор лючкисө керөмаыс-вөчөмаыс олөмас быттьө немтор нин и абу, либбнөсь эстиом нин этиа кольөма...* (Торопов 1988: 30) ‘Как одному человеку устранить все эти, причиняющие боль, неполадки? ... Когда толком сделанного в жизни будто ничего уже и нет, либо так уже мало осталось...’.

Ли ‘или’

Союз *ли* по своему происхождению связан с русской вопросительной частицей *ли*, придающей высказыванию вопросительный смысл с оттенком сомнения. Союз *ли*, сохраняя оттенок сомнения, служит для связи однородных членов предложения, предикативных частей в сложносочиненных конструкциях, но реже. Он может соединять любые однородные члены, выражая разделительные отношения с оттенком выбора, напр: *Вежонтө кымын, этиа вылө кө нин, быть колө мичаавлыны, а эсса мед, колөкө, зэр ли лым ваяс, сы вылө и арыс* (Юшков 1988: 3) ‘Примерно неделю, если уж по меньшей мере, обязательно должна стоять хорошая погода, а дальше пусть, если надо, дождь или снег принесет, на то она и осень’.

Союз *ли* может выступать в присоединительном значении. Добавочный характер присоединяемой части осложняется оттенком сомнения, неуверенности. При присоединительных отношениях союз *ли* занимает позицию только после присоединяемой частью, что можно объяснить его происхождением и позицией в языке-источнике, напр.: *Отпускалигас мамыс броткывлас жө вөлі, дыр пө он гөтрась да вошан олөмсьыс, юсян ли* (Игнатов 1988: 185) ‘Во время отпуска мать, бывало, тоже ворчала, долго, мол, не женишься и потеряешься в жизни, или сопьешься’.

Ли ...ли ‘или ... или, либо ... либо’.

Г.Г. Мишина в статье “Употребление союза *ли* ... *ли* в сложноподчиненном предложении” рассматривает употребление одиночного союза *ли* и повторяющегося *ли* ... *ли* в функции сочинительных и подчинительных союзов в сложноподчиненном предложении с условной, уступительной и изъяснительной придаточной частью (Мишина 1987: 136–144). В коми языке союзы *ли* и *ли* ... *ли* выделяются как союзы сочинительной связи.

Повторяющийся союз *ли ... ли* употребляется при перечислении фактов одинаково возможных, когда говорящий хочет указать, что реальным из них является лишь один, но какой именно – ему неизвестно. Элементы этого союза (*ли*) вводятся в каждое из связываемых частей – однородных членов или предикативных частей в сложном предложении, начиная с первого, и всегда после соединяемого компонента. Примеры: – *Манақыд пө, Владик, кутиһомкө кельяын ли, щельын ли олө, а тэныд со бара нин любезной письмө воёма* (Безносиков 1985: 81) ‘– Монах, говорят, Владик, либо в какой-то келье, либо в щели живет, а тебе вот опять уже любезное письмо пришло’; *Сөмын кылө, кыдзи пыр на броткөдчыштө “скала” вылө юыс, да корсюрö заводитлас котсыны кустяс пөвстын байдөг, да көнкө тыын ли, нюрын ли чукөртö ассыс семьясө сөрмөм жыдач* (Игнатов 1988: 29) ‘Только слышно, как все еще немного ворчит на “скалу” река, да временами начинала квохать в кустах куропатка, да где-то или на озере, или на болоте собирает свою семью запоздавший чирок’. Препозитивное положение нехарактерно как для литературного русского языка, так и для заимствующего коми языка. Такая грамматическая особенность союза *ли ... ли* проявляется в севернорусских говорах: *Ли тяплö, ли пьрэтапiла* (Ряз.), *Ли каня тябе жалка, ли сбруи залатой, ли тца тябе жалка, ли матушки родной* (Раст. – См.) (Шапиро 1953: 81).

Не то ... не то ‘не то ... не то’

Союз *не то ... не то* получает в русской лингвистической литературе разные характеристики. В Грамматике (1980) отмечается: “... взаимоисключение осложнено значением предположительности или указанием на затруднение в выборе точного обозначения ситуации” (т. II: 628).

Союз *не то ... не то* в коми языке, как и в языке-источнике, повторяющийся, одиночно не выступает, употребляется всегда в позиции перед соединяемым компонентом. “Союз *не то ... не то* предпочтительнее используется при описании явлений, доступных восприятию, но производящих неоднозначное, неясное впечатление (Хегай 198: 10)”.

Существенных отличий в значениях и синтаксическом употреблении союз *не то ... не то* в коми и русском языках не проявляет. Он служит для соединения однородных членов предложения и предикативных частей в сложносочиненном предложении. Примеры: *Сдайтöма пө [Тшаков] ревизия бöрын ключьяссö ОРС-ö да ачыс мунöма не то гортас, не то лэчöма районö* (Изьюров 1984: 75) ‘Сдал, мол, [Тшаков] после ревизии ключи в ОРС, а сам ушел не то домой, не то уехал в район’; “*Майбыръяс! Гортаныс воёны [утка котыр]!*” – *не то шога, не то радлөмөн думыштитс Василөк* (Там же: 159) “Счастливые! Домой возвращаются [утиная стая]!” – не то печально, не то с радостью подумала Василиса’.

Нисьö ‘не то ... не то’.

Сомнение может вызвать союз *нисьö* ‘не то ... не то’, но и он, по мнению исследователей, не чужд русскому языку. Б.А. Серебренников отмечает: “В союзе *nišo* ‘не то’ первый составной элемент <> заимствован из русского. Происхождение второго составного элемента неизвестно” (Серебренников 1963: 375).

Г.В. Федунева союз *нисьö* также считает русским заимствованием. По предположению исследователя, “он мог появиться в результате переосмысления устойчивого сочетания *ни сё* < рус. *ни то, ни сё*. Возможно также, что в его формировании участвовали и коми указательные основы на *сэ*:- лит. *нисьö* ‘не то’ < * *ни-сэ* “не то”, ср. иж. *н’эс’э-н’эс’э* (ИД : 112), уд. *н’эс’и* ‘не то’ (УД : 214)” (Федунева 2007: 174).

На русское происхождение союза *нисьö* указывает еще один факт: в русских говорах – вятских, владимирских, тверских – бытует семантически и функционально близкий ему аналог – разделительный союз *нись* со значениями ‘либо, не то ... не то’: *Нись придет, нись нет?* Даль [без указ, места]. Стариц. Твер., 1899. *Нись пойдет он в город, нись нет, кто его знает.* Калинин. Вят. *Уж и не помню, нись вчера это было, нись третенись.* Влад. *Нись Иван женился, нись нет.* Моск. (СРНГ: 238).

Союз *нисьö* служит для соединения однородных членов. Он может употребляться одиночно и повторяться. Примеры: *Сійö [Иванлөн ёртыс] аддзис Анна тьöтлысь чуймöм нисьö шöйöвошöм чужöмсö, тапнитис сылы пель-помас ...* (Попов 1986: 55) ‘Он [товарищ Ивана] видел у тетки Анны не то удивленное, не то растерянное лицо, хлопнул ей по плечу ...’; *Но узис сійö [Домна] кокни унмöн, нисьö узис, нисьö олис* (Федоров 1981: 436) ‘Но спала она [Домна] легким сном, не то спала, не то бодрствовала’; – ... *Со и менам гöтырöй, жинкай, хохлушка... А челядьöй код тöдас кодъяс... Коми нисьö хохол, нисьö роч...* (Торопов 1998: 32) ‘– ... Вот и моя жена, жинка, хохлушка... А дети кто знает кто... Не то коми, не то хохлы, не то русские’.

В коми языке с союзом *нисьö* оформились конструкции фразеологического характера, которые достаточно часто употребляются в разговорной речи и встречаются в художественных произведениях: *йöй нисьö прöсужс* ‘глуповатый, дурашливый (букв. не то глупый, не то умный)’; *кулöма нисьö ловья* ‘полуживой (букв. не то жив, не то мертв)’; *тишыг нисьö пöт* ‘полуголодный (букв. не то голоден, не то сыт)’ и т. д. (КРК: 433).

То ли ... то ли ‘то ли ... то ли’.

Союз *то ли ... то ли*, как и союз *не то ... не то* получает в русской лингвистической литературе разные характеристики. В.З. Санников поддерживает точку зрения А.Н. Гвоздева (Гвоздев 1973: 144), С.Е. Крючкова, Л.Ю. Максимова (Крючков, Максимов 1977: 29), В.Н. Перетрухина (Перетрухин 1979: 146–147) и считает, что более правильной представляется ква-

лификация этого союза как синонимичного союзу *не то ... не то* (Санников 2008: 222). В.М. Хегай отмечает “тенденцию к разграничению союзов *не то ... не то* и *то ли ... то ли* ... Союз *не то ... не то* предпочтительнее используется при описании явлений, доступных восприятию, но производящих неоднозначное, неясное впечатление ... Союз *то ли ... то ли* тяготеет к передаче информации об отсутствии у говорящих полных или достоверных сведений об идентифицируемом объекте” (Хегай 1981: 10).

Существенных отличий в значениях и синтаксическом употреблении союз *то ли ... то ли*, подобно союзу *не то ... не то* в коми языке не проявляет. Он служит для соединения однородных членов предложения и предикативных частей в сложносочиненном предложении. Подобно в языке-источнике, повторяющийся, употребляется всегда в позиции перед соединяемой частью. Примеры: *А леспромхозын кӧ юаласны, мый выльӧ туйӧ сійӧ вӧрыс, висьтавны ог куж: то ли авиационной, то ли строительной, то ли палубник, то ли пес* (Пыстин 1987: 207) ‘А если спросят в леспромхозе, на что идет тот лес, сказать не смогу: то ли авиационный, то ли строительный, то ли палубник, то ли дрова’; *Мӧвгъяссӧ торкис палаткаӧ пыранінын то ли шаркӧдчӧм, то ли тотикӧдчӧм* (Игнатов 1988: 182) ‘Мысли сбило у входа в палатку то ли шуршание, то ли стук’; *А начальник сезон чӧжбӧн сэся нырсӧ эз и мыччывлы: то ли кадъс эз вӧв, мӧдлаын вӧлі ёнджыка колӧ, то ли лыдис, мый тадзсӧ бурджык лоас* (Там же: 19) ‘А начальник в течение сезона нос больше не показывал: то ли времени не было, в другом месте больше нужен был, то ли считал, что так будет лучше’.

То ... то ‘то ... то’.

Союз *то ... то* всегда повторяющийся. Служит для соединения однородных членов предложения и предикативных частей в сложносочиненном предложении, употребляется при перечислении фактов однородного характера, совершающихся поочередно между ними.

В определении “Словаря русского языка” отмечается, что это – раздельный союз, употребляющийся для описания “чередующихся фактов или явлений” (СРЯ 1984, т. IV: 370).

В.З. Санников подчеркивает два важных обстоятельства:

1. “Чередование”, выражаемое союзом *то ... то*, это всегда чередование во времени.

2. С другой стороны, чередование во времени не передается ни к а к к и м и д р у г и м и р а з д е л и т е л ь н ы м и с о ю з а м и (Санников 2008: 223–224).

Примеры: *Туйыс кыссис то нюрзӧм увтасінгъясӧд, кӧні муыс эз тыдав мырпомысла да увгъяснас кысьӧм бадь кустгъясысла; то кайліс мыльк бокшаясӧ, то бӧр лэччывліс, медым вуджны изья шоргъяс вомӧн* (Игнатов 1988: 10) ‘Дорога тянулась то по болотистым низменностям, где не было видно земли из-за морошки и заплетавшихся ветками ивовых кустов; то под-

нималась на стороны холмов, то обратно спускалась, чтобы переходить через каменные ручьи'; *Сергей оз на куж дедд моз ббжавныс. То сийд ёна йоткыштак пыжсö, то пыж дорас пельсыс камгыяс: и чери пышйö, оз сибöд* (Пыстин 1987: 207) 'Сергей не умеет еще, как дед, управлять лодкой. То он сильно толкнет лодку, то весло об лодку стукнется: и рыба уходит, не подпускает'; *Асывъясыс лөнбöсь. Енэжыс петкөдлас то ассыс кушмöм плешсö, то руд кымөръяс мөдасны дышника шлывгыны парма весътöд* (Коданев 1979: 103–104) 'Утра тихие. То небо покажет свой лысый лоб, то серые облака начинают лениво плыть над лесом'.

Этому утверждению противоречат, как нам кажется, примеры типа: *Сулалö еджыд тошка дед. Сийö чатөртыштöмөн видзöдлывлö то Лида вылö, то внукыс вылö* (Попов 1986 : 71) 'Стоит дед с белой бородой. Он, запрокинув голову, поглядывает то на Лиду, то на внука'; *Палатка костьясын, то öтилаын, то мөдлаын кылис варовитöм, серам, көнкö брунөдчис гитара, гөрд чутъясөн ыпнитлисны чигаркаяс* (Льнуров 1988: 132) 'Между палатками, то в одном месте, то в другом слышны были разговоры, смех, где-то брэнчала гитара, красными точками вспыхивали сигареты'.

Описываемые компоненты в данных предложениях реально не сменяют друг друга по времени, относятся к одному времени. Однако союз *то ... то* выражает временную последовательность компонентов. С точки зрения наблюдателя мы воспринимаем эти компоненты не как одновременные, а как чередующиеся во времени, сменяющие друг друга.

2.1.4. Сопоставительные (или градационные) союзы

Сопоставительные союзы служат для соединения однородных членов предложения и предикативных частей в сложносочиненных конструкциях. В отличие от соединительных союзов, разновидностью которых они являются, подчеркивают особую (большую или меньшую) значимость второй из соединяемых ими синтаксических единиц – однородных членов и частей сложносочиненного предложения. Таковыми в коми языке будут: *көть (и) – но* 'хотя и – но', *көть – а* 'хотя – а', *көть – да* 'хотя – да (но)', *дарөм – а* 'хотя и – а; несмотря на то, что – а; даром что – а', *кыдзи – сідзи* и 'как – так и', *не сідз – кыдз* 'не так – как', *не (эз) сөмын – но* и 'не только – но и', *не сөмын – но сідзжö* 'не только – но также', *не сы мында – мыйта* 'не столько – сколько'. Все они образовались по образцу русских союзов. Ранее эта разновидность сочинительных союзов в коми языке не выделялась. Сопоставительные союзы всегда состоят из двух частей, соединяемые компоненты объединяются в двучленную, замкнутую структуру.

В составе сопоставительных союзов активное участие принимают местоименные элементы: *кыдзи – сідзи, не сы мында – мыйта*. Часто встречаются заимствованные элементы, например, в союзе *не (эз) сөмын – но* и

частица *не* и сочетание *но и* заимствованы из русского языка. Союз *кõть* – *но* полностью заимствован из русского языка (с фонетическими изменениями).

Союзы *кõть (и) – но* ‘хотя и – но’, *кõть – а* ‘хотя – а’, *кõть – да* ‘хотя – да (но)’, *дарõм – а* ‘хоть и – а; не смотря на то, что – а; даром что – а’ придают сопоставлению условно-уступительный оттенок. Примеры: *Миян Рыжкоõн сийõ мунис, а Рыжкоыйд миян, кõть и тэрыб, но зэв польсыь* (Юшков 1979: 18) ‘На нашем Рыжко он поехал, а Рыжко наш, хоть и быстрый, но очень пугливый’, *Кõть и õтувтõма нин вõли вõвъястõ, но асья сеталигас быдõн на ассыыс корис* (Там же: 16) ‘Хотя и объединены уже были лошади, но во время утренней раздачи каждый пока просил свою лошадь’; *Кõть кутийõм абу сюсь, а ас юрсыйд вылõ он чеччышт* (посл.) ‘Хоть каким бы ни был умным, а выше своей головы не прыгнешь’, *Кõть вõли водз асыв на, а автобусын тырыс йõз* (Коданев 1988: 99) ‘Хотя было еще раннее утро, а в автобусе полно народу’; *Сцена вылын йõктисны нин нывкаяс. Дарõм поснийõсь, а тырмõ тай сямныс* (Игнатов 1988: 100) ‘На сцене танцевали уже девочки. Хоть и маленькие, а хватает, небось, умения’.

Сопоставительное значение, выражаемое союзом *не (оз, эз) сõмын – но и* ‘не только – но и’ осложняется значением противопоставления: *Лов руысь шарп коркаасьõ, да ме лолала нин не сõмын кõдзыд, но и васõд сынõдõн* (Игнатов 1988: 6) ‘От пара при дыхании шарф покрывается коркой, и я дышу уже не только холодным, но и влажным воздухом’; *Ми вõли не сõмын шоча янсõдчывам, не сõмын тийõкыда волам õта-мõд ордõ, а мукõд дырий и узям ёрта-ёрт ордын, но и отсалам õта-мõдлы велõдчыны, висьталам õта-мõднымы став гусяторясь, став кõсиймьяс, став думьяс* (Пыстин 1987: 181) ‘Мы бывало не только редко расстаемся, не только часто приходим друг к другу, а иногда и спим друг у друга, но и помогаем друг другу учиться, делимся друг с другом всеми тайнами, желаниями, мыслями’; *Вичкоõ ветлысьыд эз жõ вõв этша. И кысьõны õд оз сõмын пõрысьяс, но и томьяс* (Лынов 1988: 29) ‘Прихожан тоже было немало. И ходят ведь не только пожилые, но и молодые’; – *Нывъяслысь, да и том ичмоньяслысь йõз корсьõны мичлун. Оз сõмын томьяс, но и олõмаяс корсьõны* (Попов 1986: 11) ‘– У девушек, да и у молодежи люди ищут красоту. Не только молодые, но и пожилые ищут’.

Союзы *кыдзи – сидз(и) и* ‘как – так и’, *не сы мында – мыйта* ‘не столько – сколько’ выражают сопоставление по степени, т.е. указывают на большую значимость второго соединяемого компонента, напр.: *Кутис шливгыны шоньид зэр, кисьтис ведраысь моз. Сэсья кымõрьяс кыдзи локтисны, сидзи и мунисны водзõ* (Раевский 1988: 85) ‘Начал лить теплый дождь, лил как из ведра. Потом тучи как пришли, так и ушли дальше’; – *Некытõ! – скõра мурõстас Олõксан и весиг оз видзõдлы шмонитысь челядь вылõ, кыдзи мычысьлас, сидзи и вошõ* (Коданев 1979: 72) ‘– Никуда! – зло рывкнет Олексан и даже не посмотрит на балагурящих детей, как покажется, так и исчезает’.

2.1.5. Присоединительные союзы

Присоединительные союзы, как и сопоставительные, являются разновидностью соединительных союзов. Сюда мы включаем союзы: *a sídžžö* ‘а также’, *a to u* ‘а то и’, *da u* ‘да и’, *дай* ‘да и’, *da u to* ‘да и то’ основное значение которых – указание на добавочность информации: *и кроме того, и к тому же, и притом*. Они вводят информацию, которая заранее не была предусмотрена говорящим, и поэтому подключается после того, как завершена предшествующая часть. При этом сообщаемое во второй части информативно может быть не менее важным, чем предшествующее сообщение (первая часть).

A sídžžö ‘а также’.

Союз *a sídžžö* ‘а также’ является калькой русского союза *а также*. Образован путем соединения основного, “базового” союза *a* и присоединительной частицы *sídžžö* ‘также’, которая, в свою очередь, сформировалась путем слияния местоименного наречия *sídž* ‘так’ и заимствованной из русского языка выделительной частицы *žö* ‘же’: *sídžžö* ‘также’ > *sídž* ‘так’ + *žö* ‘же’.

В словарях и предыдущих грамматиках коми языка союз *a sídžžö* не фиксируется. Однако в монографии “Современный коми язык” при описании сложносочиненных предложений, выражающих присоединительные отношения, указываются средства связи, с помощью которых может осуществляться присоединительная связь. Среди них выделяется также союз *a sídžžö* ‘а также’ (СКЯ II: 198–199), однако без соответствующего примера. В последней научной грамматике коми языка он квалифицируется как союз присоединительного значения (ОКК: 198–199). Редко встречающийся союз, соединяет, как правило, члены предложения. Выражая добавочное значение второго компонента, устанавливает аналогичность между вторым, дополнительным, и первым, основным, компонентами. Примеры: – *Чолӧмала тӧянӧс, курсант Оверин. Сиа выль вермӧмьяс боевӧй да политической дасьтысьӧмын, а sídžžö и личнӧй олӧмын* (Тимин 1990: 8) ‘– Поздравляю вас, курсант Оверин. Желаю вам новых успехов в боевой и политической подготовке, а также и в личной жизни’, *1931 воын сийӧ [Н.П. Попов] помалӧ журналистика кузя коммунистической институт да кык во редактируйтӧ “Вӧрлэдзысь” да “За новый Север” газетьяс, а sídžžö литературно-художественнӧй коми журнал “Ударник”* (Попов 1986: 4) ‘В 1931 году он [Н.П. Попов] заканчивает коммунистический институт по журналистике и два года работает редактором в газетах “Вӧрлэдзысь” (“Лесоруб”) и “За новый Север”, а также в литературно-художественном коми журнале “Ударник”’.

A to u ‘а то и’.

Союз *a to u* также заимствован из русского языка, в котором В.З. Санников считает его мало изученным и очень интересным союзом. Исследователь

отмечает, “не совсем ясно, является ли он соединительным или разделительным”; определяет как союз “со значением неравноценности компонентов” (Санников 2008: 209).

В словарях и предыдущих грамматиках коми языка союз *a to u* не фиксируется, в последней грамматике квалифицируется как союз “присоединительного значения” (ОКК: 496).

В коми языке этот союз сближается по значению с разделительным союзом *либӧ* ‘либо’, напр.: “... *Ӧд налы ковмас шойччӧдны вӧвъяссӧ, аслыныс узьмӧдчывны да выль вӧвъяс чукӧртны, а то и подӧн Пезмӧг либӧ Важкуръя вуджны. ...*” (Тимушев 1986: 119) “... Ведь им придется дать передышку лошадям, самим устроиться на ночевку и собрать новых лошадей, а то и (либо) пешком пройти через Пезмог или Важкурью”; *Батьӧ мян ёна радейтлиц асьыс крепидик, визув нывкаяссӧ и пыр новлӧдлиц съӧрсьыс то ӧтиӧс, то мӧдӧс, а то и став аравасӧ аскӧдыс босьтас* (Куратова 1989: 128) ‘Отец наш сильно любил своих крепеньких, подвижных девочек и всегда брал с собой то одну, то другую, а то и (либо) всю ораву с собой возьмет’; *Найӧ [ракаяс] быд рыт татчӧ волывлӧны, медым ӧктыны кольӧм нидзувъяс, приманка коляс, а то и черьяс* (Раевский 1988: 17) ‘Они [вороны] каждый вечер прилетают сюда, чтобы подбирать оставшиеся черви, остатки приманки, а то и рыбу’. Первый компонент в приведенных конструкциях действительно будет иметь место (подобно компонентам соединительных конструкций); второй компонент – в о з м о ж е н (подобно компонентам разделительных конструкций). Мы квалифицируем этот союз как присоединительный, поскольку в конструкциях с союзом *a to u* второй компонент: 1) всегда имеет добавочный характер; 2) выделяется в отдельную синтагму; 3) порядок членов ряда строго обязателен.

Да и ‘да и’.

В грамматике коми языка 1955 г. союз *да и* не зафиксирован. В учебнике по синтаксису толкуется как союз, выражающий только присоединительные отношения (СКЯ II: 199). В последней грамматике включен в состав присоединительных союзов (ОКК: 496).

Союз *да и* заимствован из русского языка. Как и в языке-источнике, употребляется одиночно. Союзу *да и* в коми языке нехарактерна позиция после соединяемого компонента: он всегда находится между соединяемыми им частями. Особенность в употреблении *да и* обнаруживается в некоторых севернорусских говорах, в которых он способен употребляться повторно, и составной элемент повторяющегося союза ставится после соединяемой части (Шапиро 1953: 70, 235).

Союз *да и* в блоке однородных членов служит преимущественно для связывания глаголов-сказуемых, относящихся к одному субъекту, причем по времени действия они следуют друг за другом. Второй однородный член

(сказуемое) может выражать результат или исход того, что сказано перед тем, неожиданное действие, напр.: *Восьтіс [Кокшаров] да и аддзис* (Игнатов 1988: 186) ‘Открыл [Кокшаров] да и увидел’; *Шуис [начальник] тадз, пуксис вöv вылө да и воши пуяс костө* (Там же: 19) ‘Сказал [начальник] так, сел на коня да и пропал между деревьями’. Он может выражать также дополнительное присоединение, близкое по своему значению к такому, которое выражает *кроме того, сверх того, а также*: *Нывъяслысь, да и том ичмоньяслысь йöz корсьöны мичлун* (Попов 1986: 11) ‘У девушек, да и у молодых невесток люди ищут красоту’.

Союз *да и* служит для присоединения одного предложения к другому, придавая указанной связи оттенок ‘и кроме того, и к тому же’. В ‘Русской грамматике’ (1980) характеризуется: союз *да и* “вводит информацию, которая заранее не предусмотрена говорящим, и поэтому подключается после того, как завершена предшествующая часть. При этом сообщаемое во второй части информативно может быть не менее важным, чем предшествующее сообщение (первая часть)” (т. II: 626). В.З. Санников считает, что положение об “информативной важности второй части сообщения” следует усилить: “вторая часть не только “может быть не менее важной, чем первая” – она всегда информативно сильнее. В результате высказывание приобретает особую уверенность и категоричность” (Санников 2008: 317). Это значение союза *да и* В.З. Санников определяет “*да и* градационное”.

Фактический материал коми языка подтверждает эти два положения. Примеры: *Газетъяс, журналъяс локтісны ёна сёрмөмön, да и Чернышевский йылысь цензура эз лэдз уна гижны налы* (Федоров 1994: 258) ‘Газеты, журналы приходили с большим опозданием, да и цензура не разрешала им много писать о Чернышевском’. Иногда союз *да и* обозначает резкий переход от одной ситуации к другой: – ... *Ловъя на кө, мый сійö [Уляшов] сёйö, да и көні сійö öні?* (Игнатов 1988: 182) ‘– ... Если еще живой, что он [Уляшов] ест, да и где он сейчас?’.

Из вышеназванных положений и приведенных примеров следует: союз *да и* в высказываниях обладает способностью выражать градационные и присоединительные отношения.

Дай ‘да и; и’.

Служебное слово *дай* в коми языке квалифицируется по-разному. А.И. Подорова *дай* считает усилительной частицей и функционально определяет как стилистическую вставку, так как употребляется главным образом в частушечно-песенном жанре (Подорова 1954: 12). К.Е. Майтинская в своем исследовании считает *дай* сочинительным союзом, заимствованным из русского языка (< русский составной союз *да и*) (Майтинская 1982: 89).

В грамматике (1955) по коми языку союз *дай* рассматривается в группе соединительных союзов со значением ‘да и’ (СКЯ I: 272), в функции частицы

не обозначена. В последней научной грамматике квалифицируется как присоединительный союз и присоединительная частица (ОКК: 496, 515).

Союз *дай* по своему значению является присоединительным с усиительной функцией, восходит к русскому составному союзу *да и* с присоединительным значением. Может быть только одиночным, однако, употребляясь постпозитивно, может повторяться. Используется преимущественно в художественной литературе и разговорной речи.

К.Е. Майтинская в приведенных ею примерах союз *дай* характеризует так: в конце предложения выражает сопоставительное значение, в начале предложения – присоединительное (Майтинская 1982: 89). Однако в приведенном исследователем предложении *Варчук ас местаас, ти ас местааныд дай* ‘Варя на своем месте, и вы на своих местах’ функция *дай* очень близка к сочинительному союзу *и*, который в коми языке, как отмечали выше, в простом и сложном предложении может завершать ряд событий одного порядка и указывать на окончание перечисления. В подобных сложносочиненных конструкциях с союзом *и* мы выявляли отношения соединительно-отождествительные.

Функция *дай* в данном примере также очень близка к присоединительной частице *жӧ* ‘тоже’, имеющей значение приравнивания, уподобления, и принадлежащей в коми языке к числу таких частиц, которые близки по своей функции к союзу. На основании этих фактов мы полагаем, что в приведенном К.Е. Майтинской примере сложносочиненной конструкции между предикативными частями проявляются не сопоставительные, а явные соединительно-отождествительные отношения.

Союз *дай* в блоке однородных членов служит преимущественно для связывания сказуемых. Между соединяемыми однородными членами предложения возможны следующие отношения: 1) усиленное, сравнительно с союзами *и* и *да*, соединение: *Ме эг вермы терпитны дай шуи*: “Наталья Андреевна, а ти тӧданныд, ...” (Лыжоров 1988: 6) ‘Я не мог сдержаться да и сказал: “Наталья Андреевна, а вы знаете, ...”’, *Кӧбрегас, кӧжӧд вылын, пуӧм капуста на вӧлӧма: аниса, буретшиа шоммӧма дай кӧдзыд* (Безносииков 1985: 165) ‘В погребке, на леднике, вареная капуста еще, оказывается, была: с анисом, нормально заквашена да и холодная’; 2) второй однородный член может выражать результат или исход того, что сказано перед тем: *Мукӧдыслӧн дачаясыс ӧта-мӧд вылас вожсасьӧмны, а талӧн [Анфисалӧн] – дзирьясӧ петан дай пожӧма ягӧ пыран* (Куратова 1989: 78) ‘У других дачи друг на друге стоят, а у этой [Анфисы] – выйдешь за калитку да и в сосновый бор зайдешь’; 3) дополнительное присоединение, близкое по своему значению к такому, которое выражает ‘кроме того’, ‘сверх того’, ‘а также’: *Мед тадзи, век на веж зонмӧн, асьсӧ [Павел] петкӧдлыны, эз и лысьт дай эз и сяммы эськӧ* (Юшков 1981: 21) ‘Чтобы так, все еще молодым парнем, себя [Павел] показывать, и не смел да и не смог бы’.

Союз *дай* служит для присоединения одного предложения к другому, придавая указанной связи оттенок ‘и кроме того’, ‘и к тому же’: – ... *Сэни ёд номъяс курччасъёны дай войны верман* (Безносиков 1985: 9) ‘– ... Там ведь комары кусаются да и утонуть можно’; – ... *Сэсянь зэв мича гөгөрбок тыдалё дай некод оз мешайтчы...* (Там же: 9) ‘– ... Оттуда очень красиво видно вокруг да и никто не мешает’. В некоторых случаях обозначает резкий переход от одной ситуации к другой, напр.: – *А ме тоткысь на и эм тэ вылё. Лосьёд готыр, дай дугда* (Юшков 1988: 169) ‘– А я ворчать и буду пока на тебя. Женись, да и перестану’.

Подобно соединительным союзам *и, да, ни* союз *дай* может занимать позицию в конце предложения, как простого, соединяя однородные члены, так и сложного, соединяя предикативные части. В таких случаях он близок по значению к союзу *и*.

В коми языке нередко встречаются простые и сложные предложения со словом *дай* в позиции заключительного компонента, когда *дай* выполняет функцию усилительно-заключительной частицы, напр.: – *Век, мися, эн кедзэвт, каитчан кё колхозас пырёмсьыс, бёр пет дай* (Юшков 1979: 27) ‘– Постоянно, говорю, не отвергай, если раскаиваешься, что вступил в колхоз, так выходи обратно’. Такие предложения нужно различать от предложений с союзом *дай*.

Союз *дай* может употребляться в “начинательной” функции, как бы присоединяя предложение к предшествующему контексту: ... *сйё [Микит] бара на видзёис вывлань, сзёмём энэжланьыс, и кажитчис сылы, мый кодзутём бледіник куш энэжыс сэтиём жё тыртём, кёдыд, кутиём сылён бёръя кык во чёж нин морёс пыткыс. Дай ачыс некодлы ковтём, турун пёвстса гаг моз дзик прёста олысь лов* (Юхнин 1983: 19) ‘... он [Микит] опять смотрел вверх, на проясненное небо, и казалось ему, что беззвездное бледноватое чистое небо такое же пустое, холодное, как у него уже в последние последних двух лет на душе. Да и сам никому не нужен, просто как живое существо подобно букашке в траве’.

Союз *дай* в ижемском диалекте имеет огласовку *ди*. В монографии по ижемскому диалекту *ди* фиксируется как сочинительный союз со значениями ‘и, да и’: *Пинжактэ кул’, ди оз ло жар* ‘Сними пиджак, и не будет жарко’, *Тишук пыроолис ди муни* ‘Заходил на минутку да и ушел’ (ИД: 112–113). Однако диалектный материал показывает, что союз *ди* может выполнять также функцию подчинительного союза. В предложении *Дуб улас пырас, вужйа-сыс вылынэс’ ди* ‘Зашел под дуб, так как корни его были наверху (снаружи)’ (Лыткин 1955: 69) *ди* выполняет функцию подчинительного союза, выражая причинные отношения. В литературном языке и других коми-зырянских диалектах данное значение может быть передано синонимической синтаксической конструкцией с союзом *да*. В данном случае диалектный союз *ди*

выступает семантически и функционально равному подчинительному союзу *да* со значениями ‘потому что, так как’. Союз *ди* обнаруживается также в коми-язьвинском наречии, в котором многие частицы выполняют функцию союзов, которыми, как отмечает В.И. Лыткин, “коми-язьвинский диалект не особенно богат” (КЯ: 82). Таковым является союз *ди*, представленный повторяющимся союзом – *ди – ди* (Там же: 82).

Да и то ‘да и то’

Союз *да и то* в языке-источнике сформировался на основе союза *да и* при участии частицы *то* (РГ 1980 I: 716). В коми языке употребляется одиночно. Как и союзу *да и*, ему нехарактерна позиция после соединяемого компонента: всегда располагается между соединяемыми им частями. Основное значение – указание на добавочность информации. Выражая добавочное значение второго, соединяемого компонента, экспрессивно подчеркивает его. Каких-либо функциональных особенностей в заимствующем языке не проявляет, напр.: – *Кино и гажыс сӧмын, да и то лун кост мысти* (Игнатов 1988: 128) ‘– Кино только и развлечение, да и то через день’.

В аналогичной функции в коми языке может употребляться сочетание *дай сійӧ* ‘да и то’, структурно представляющее сочетание союза *дай* ‘да и’ и указательного слова *сійӧ* ‘то’ в роли указательной частицы. Данное сочетание в коми языке не рассматривалось. Употребляется оно в основном в разговорной речи. В письменной речи встречается редко, напр.: ... *Прохор Иванович татчӧ воліс сӧмын на ӧтмысь, дай сійӧ тӧвнас...* (Юхнин 1983: 24) ‘... Прохор Иванович сюда приходил только еще один раз, да и то зимой...’.

2.2. Особенности функционирования соединительных союзов

Сочинительные союзы в коми языке, хотя в большинстве своем заимствованы из русского языка, сохранив при этом свои значения, имеют некоторые особенности в функционировании. Об этом в свое время писал Д.В. Бубрих. И эту особенность исследователь находил прежде всего в том, что “коми язык допускает трактовку сочинительных союзов как сопровождающих то слово, после которого они стоят”. Такая трактовка “не мирится с повторением союзов перед каждой из сочинительных единиц. Поэтому в соответствующих случаях окзывается одно из двух: либо союз опускается перед первой из сочиняемых единиц < > либо союз повторяется после каждой из сочиняемых единиц; при трактовке сочинительных союзов как сопровождающих те слова, после которых они стоят (при старой трактовке), союз может оказываться заключающим все сочинительное построение” (Бубрих 1949: 190–191).

Как отмечали выше, союзы *и...и*, ‘и...и’, *ни...ни* ‘ни...ни’ в конструкциях при соединении синтаксических единиц – однородных членов, предикативных частей в сложносочиненных предложениях, отдельных предложений в тексте – могут употребляться как перед каждым соединяемым компонентом, так и после: *Бур кӧзьяеваыс и, винаторыйыс и, мича Одюкыс и – ставыс чужтысны сы пытыкын овны радейтӧм* (Юхнин 1983: 25) ‘И хорошие хозяйка, и вино, и красивая Одюк – все пробудило в нем любовь к жизни’, *Ручка ни, карандаш ни ки улын абу* ‘Ни ручки, ни карандаша нет под руками’. Союзы *да* ‘и’, *дай* ‘и’, *и*, *ни* могут занимать позицию после присоединяемой части – оказываться заключающим все сочинительное построение: – *Черыд быдса ведра багажникин, пестер тыр тиак и, – эз веськыда вочавидз мӧдыс...* (Напалков 1996: 19) ‘– Рыбы целое ведро в багажнике, и грибов полный пестерь, уклончиво ответил тот’, *Муста-Тунтури йылысь сэки пӧшти некӧн эз кывсьыв, военной сводкаясын эз гаравсьы ни* (Безносиков 1973: 20) ‘Про Муста-Тунтури тогда почти нигде не было слышно, и в военных сводках не упоминалось’.

Описанные грамматические явления характерны не для всех сочинительных союзов – только для соединительных. А.С. Сидоров также обращает внимание на необычное – постпозитивное – употребление соединительных сочинительных союзов в коми языке: “Соединительные сочинительные союзы могут употребляться в коми языке соответственно суффиксального строя коми слова в постпозиции, в роли союзных частиц. < > Переход союзных частиц в препозицию, нужно думать, произошел под влиянием русского языка” (Сидоров 1992: 120). Для современного русского литературного языка употребление соединительных союзов в постпозиции нехарактерно: они всегда локализируются перед соединяемой частью. Правомерно ли предположение А.С. Сидорова о специфике употребления соединительных союзов в агглютинативном морфологическом типом коми языка?

Постановка соединительных союзов после соединяемых ими компонентов – явление, характерное также для северновеликорусских говоров. Особенностью в употреблении обладают соединительные союзы *да*, *да и*, реже *и*. Союзы *да* и *да и* способны употребляться повторно, и как составные элементы повторяющихся союзов (*да-да*, *да и-да и*) ставятся после каждой соединяемой части, напр.: *Нету лесу – на острову кругом вода да, луга да* (Арх.), *Конь то был у нас хороший да, молодой да* (Арх.); *Со снохой да и, с сыном да и* (Арх.), *От мужа наоставалась скотина да и, денег да и* (Арх.). Иногда встречается прием повторного употребления союзов *да* и *да и* в конце присоединяемого предложения: *В доски клали ёго, да закопали в яму да* (Арх.); *Им-то полно блюда наклали малины, да и высушили да и* (Арх.). Иногда союз *да и* ставится в конце второго предложения: *Два яйця разбито, молока да и* (Арх.) (Шапиро 1953: 69–70; 233). А.Б. Шапиро в ра-

боте “Очерки по синтаксису русских народных говоров” при рассмотрении вопроса о способах связи между предложениями писал, что “постпозитивное положение возможно только у соединительных союзов”. Причину такого грамматического явления А.Б. Шапиро объяснял тем, что “они обладают свойствами, отличающими их от союзов и приближающими их к частицам” (Шапиро 1953: 235–236).

Не исключено, что могло иметь место субстратное влияние. Несколько столетий тому назад предки нынешних коми-зырян и коми-пермяков проживали в сопредельных с русскими говорами ареалах – в Архангельской, Вологодской, Кировской, Пермской областях (Жеребцов 1982: 26–33), для диалектов которых характерно данное грамматическое явление. Тесные языковые контакты в течение продолжительного времени русских и коми народов могли стать результатом влияния на коми язык синтаксиса русских народных говоров. Влияние могло идти, главным образом, со стороны русских, что вполне понятно. Однако, живя в одинаковых исторических и географических условиях, русский язык сам мог, в свою очередь, испытать определенное влияние со стороны контактирующих народов – коми-зырян и коми-пермяков.

А.Б. Шапиро не исключает, что на синтаксическую структуру предложения (на особенности употребления некоторых служебных слов, в данном случае на особенности употребления соединительных союзов) в северновеликорусских (а также в некоторых сибирских) говорах могли оказать влияние другие языки, например, синтаксис языков финской группы (Шапиро 1953: 20–21).

До полного объяснения этих особенностей еще далеко: необходимо прежде всего накопить фактический материал, разобраться в нем и затем уже искать объяснений установленных фактов.

Собранный и рассмотренный нами материал по сочинительным союзам в коми языке позволяет сделать следующие вы о ды.

1. Наиболее употребительными союзами сочинительного ряда в современном коми языке являются соединительные союзы: *и*, который, по утверждению В.И. Лыткина, уже в древнезырянском языке являлся самым частым (Лыткин 1952: 130), *да*, не отстающий в реализации различных семантико-синтаксических отношений в сочинительных конструкциях от союза *и*; противительные *а* и *но*, из разделительных – *либѵ*, сопоставительные: *кѵть – но, кѵть и – но*, присоединительный *да и*. Другие встречаются значительно реже, некоторые чрезвычайно редко (*а сідзжѵ* ‘а также’).

2. В формировании и развитии сочинительных союзов в коми языке первостепенную роль сыграл русский язык, начиная с древнепермского периода и до наших дней. Большинство из сочинительных союзов в коми языке являются русскими по происхождению или представляют кальку с русского. Сре-

ди сочинительных союзов на базе собственного языка сформировался только союз *сэссия* ‘и, и затем; да и’ соединительно-присоединительного значения; путем калькирования образовались сопоставительные союзы (*кыдзи – сідзи* и ‘как – так и’, *не сідз – кыдз* ‘не так - как’, *не (эз) сёмын – но и* ‘не только – но и’, *не сы мында – мыйта* ‘не столько - сколько’), союз *а сідзжө* ‘а также’ присоединительного значения. Остальные заимствованы из русского языка.

3. Как показывают материалы исследования, многие сочинительные союзы, традиционно признаваемые многозначными, оказываются однозначными. Проведенное исследование позволило выделить ряд семантических компонентов, не выделяемых ранее. Одним из таких важных компонентов является смысловой компонент “норма”, который входит в значение некоторых сочинительных союзов (*и ... и* = “больше нормы”, *да* = “меньше нормы” и т.д.).

4. Соединительные союзы *да, дай, и, и...и, ни, ни...ни* в языке-рецепторе имеют специфику употребления: в конструкциях при соединении синтаксических единиц могут употребляться как перед соединяемым компонентом, так и после – в роли союзных частиц. Для русского литературного языка употребление соединительных союзов в постпозиции нехарактерно: они всегда локализируются перед соединяемым компонентом. Постановка соединительных союзов после соединяемых ими компонентов – явление, характерное для севернорусских (а также некоторых сибирских) говоров.

ПОДЧИНИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ И СОЮЗНЫЕ СЛОВА

Среди союзов выделяются такие, которые соединяют главное и придаточное в составе сложноподчиненного предложения. Такие союзы называются *подчинительными*. Подчинительные союзы организуют сложноподчиненное предложение – синтаксическую конструкцию строго определенной формальной (грамматической) и смысловой (семантической) структуры. Спецификой этой конструкции является бинарность (двучленность) как со стороны ее формы, так и со стороны смысловой организации. При помощи подчинительного союза выражается зависимость одной предикативной единицы от другой. Подчинительные союзы, находясь в придаточной части, не являются ее членами, а служат только для связи придаточной части с главной. Служебный характер союзов проявляется и в том, что они не могут быть выделены при помощи логического ударения, а односложные союзы сливаются в произношении с идущим за ним словом, как и другие проклитики. А.М. Пешковский отмечал, что подчинительные союзы так тесно сливаются с придаточными предложениями, что образуют с ними “одну цельную смысловую массу” (Пешковский 1956: 464). Место подчинительного союза внутри придаточного предложения в коми языке не является строго фиксированным, однако, чаще занимают позицию перед придаточной частью.

Подчинительные союзы могут начинать текст, когда он открывается сложноподчиненным предложением и придаточная часть предшествует главной, напр.: *Мыйён тыдовтчисны посёлокса керкаяс, Вася регыд и воис ёзынё* (Игнатов 1988: 215) ‘Как только показались поселковые дома, Вася быстро и дошел до причала’.

Подчинительные союзы, как и сочинительные, употребляются для соединения отдельных предложений в тексте: *И со кольём ар нарошнёён мёддёисны писькёс Герасимёс Питерёдз. Мед сэни, стольной карас висьталё налён шогъяс да могъяс йлысь. Корсьё правдасё* (Тимушев 1986: 34) ‘И вон прошлой осенью нарочным отправили проворливого Герасима в Питер. Чтобы там, в стольном городе рассказал об их бедах и задачах. Ищет правду’.

Подчинительные союзы коми языка по происхождению разделяются на два разряда: 1) союзы, сформировавшиеся на базе слов разных категорий собственного языка: как знаменательных, так и служебных; 2) союзы, восходящие к “готовым” союзам других языков (заимствованные союзы), а также образованные путем калькирования.

Резервом, пополняющим класс подчинительных союзов, являются главным образом формально неизменяемые слова: местоимения, наречия, частицы.

В коми языке среди подчинительных союзов наиболее многочисленна группа союзов местоименного происхождения, т.е. таких служебных слов, в которых развитие союзных функций определяется местоименным компонентом. Союзные функции естественно развиваются у слов с релятивной семантикой. К таким словам по своей природе относятся местоимения, прямо не называющие предметы, явления, признаки, а указывающие на них через соотнесенность с чем-то другим. На современном этапе они играют первостепенную роль в процессах формирования новых союзных средств. Структурной основой союзов этого типа может быть местоименное слово, превратившееся в союз (*кор* ‘когда’, *кыдз* ‘как’, *мый* ‘что’, *си / сы* ‘тог’ и др.) и уже в этом, новом качестве, выступающее в роли опорного элемента составных производных союзов (*кыдз быттьӧ* ‘как будто’, *кыдз сӧмын* ‘как только’; *мыйӧн сӧмын* ‘как только’; *сийӧн мый*, *сы вӧсна мый*, *сы понда мый* ‘потому что’ и др.).

К.Е. Майтинская отмечает, что “союзы прономинального происхождения в финно-угорских языках формировались главным образом на базе указательных и вопросительных местоимений” (Майтинская 1982: 93); в финно-угорском языке-основе выявляются семь-восемь древних указательных местоимений, “каждое из которых участвовало в формировании союзов”, и три вопросительных местоимения: “в образовании союзов участие принимали только два – *kŕ и *tz” (Там же: 93; 94).

Союзом указательно-местоименного происхождения может послужить бытующий в удорском диалекте специфический союз *с’и*, *сы*, *с’ик*, *сык* (Ваш., верх. Мез.), *с’и* (ниж. Мез.) ‘если, коли’ (Уд.: 99, 100).

Союзами вопросительно-местоименного происхождения в коми языке являются *кӧ* ‘если’, *кыдз* (*кыдзи*) ‘как; когда’, *кытчӧдз* ‘пока’, *мый* ‘что’, *мыйла* ‘потому что’, *мыйӧн* ‘как только’. Союзы *кыдз* (*кыдзи*), *кытчӧдз*, *кӧ* возводятся к вопросительному местоимению *kŕ; *мый*, *мыйӧн* – к вопросительному местоимению *tz (КЭСК: 150, 155; Майтинская 1982: 94, 95).

Союзы, сформировавшиеся на базе частиц. В коми языке с частицами связано происхождение следующих подчинительных союзов: союза *да* ‘когда; потому что, так как’ < частица *да* ‘да’ (< русская частица *да*); союза *а* ‘хотя’ < частица *а* (< русская частица *а*). Переосмысление этих частиц в союзы произошло уже в коми языке. Союз *мед* ‘чтобы’ < частица *мед* ‘пусть; да’, союз *медъя* < *мед* + частица *-я*) (Манова 1976: 19–26; Манова 1975: 90–91). Союз *кӧ* ‘если’ преобразовался из вопросительной частицы типа финского *-ko /-kӧ*, венгерского *-e*, русского *ли*, которые часто занимают постпозитивное положение.

Подчинительные союзы по значению делятся на *семантические* и *асемантические* (или *синтаксические*, *функциональные*).

нальные). Семантические союзы точно и однозначно указывают своим лексическим значением на те отношения, которые выражаются в сложноподчиненных предложениях с этими союзами. Асемантические союзы не указывают однозначно на определенный вид отношений: они могут употребляться в различных по значению сложноподчиненных предложениях, указывая лишь на подчиненность придаточного предложения (СРЯ 1981: 203; СРЯ 2006: 457; ÖKK: 497).

Подчинительные союзы в коми языке получают свое развитие сравнительно поздно, и более богатые их разновидности связаны с развитием письменной литературной речи. В современном коми языке подчинительные союзы подразделяются на следующие семантические группы: *временные, причинные, условные, уступительные, сравнительные, целевые, изъяснительные* (ÖKK: 497–501).

3.1. Значение и семантическая классификация подчинительных союзов

3.1.1. Союзы с временным значением

В современном коми языке в сложноподчиненных предложениях между главной и придаточной частями временные отношения чаще оформляются: 1) семантическими союзами: *мыйён* ‘как только’, *мыйён сёмын* ‘как только’, *кыдз сёмын* ‘как только’, *муртса* ‘едва, едва только, лишь только’, *муртса на* ‘едва, едва только, лишь только’, *сёмын* ‘едва, только’, *сёмын на* ‘едва, только, едва только’, *сёмын кор* ‘только когда’, *кытчöдз* ‘пока’, *пока* ‘пока’; 2) синтаксическими союзами: *кор (кодыр)* ‘когда’, *кыдз(и)* ‘как’, *да* ‘когда’.

Временные отношения между главной и придаточной частями выступают как отношения *одновременности* или *разновременности*. В одних случаях действия, явления, состояния, события, о которых говорится в главной и придаточной частях, совпадают во времени; в других – действие, явление, состояние, событие, выраженное в главном предложении, следует за действием, явлением, состоянием, событием, выраженным в придаточном предложении, или предшествует действию, явлению, состоянию, событию, обозначенному в придаточной части.

Значение *одновременности* может передаваться семантически союзами *кытчöдз* ‘пока’ и его русским аналогом *пока* ‘пока’; синтаксическим союзом *кор/кодыр* ‘когда’.

Согласно Т.Н. Кренделевой, союз *кытчöдз* ‘пока’ имеет значение – ‘предел, до которого продолжается действие’ (Кренделева 2011: 140). Формирование союза *кытчöдз* подобной семантики вполне логично, поскольку словоисточник выражает подходящее значение. По происхождению данный союз

является застывшей формой вопросительного местоимения *кы-* (КЭСК: 155) в форме предельного падежа (терминатива) *-ödz*, функция которого, по определению исследователей, выражение предела (Бубрих 1949: 52; ÖКК: 90).

Союз *пока* ‘пока’ заимствован из русского языка. Выражает отношение ограничительной одновременности двух действий.

В предложениях с союзами *кытчöдз* ‘пока’ и *пока* ‘пока’ временное отношение осложнено ограничительным моментом: событие, действие, о котором говорится в главной части, совершается в период, ограниченный временными рамками, обозначенными придаточной частью. Ограничительная функция придаточного предложения обусловлена здесь спецификой самих союзов, в которых присутствует значение временной протяженности. Действие главной части совпадает с действием придаточной на всем его протяжении. При этом во втором предложении союзы *кытчöдз* ‘пока’ и *пока* ‘пока’ ясно указывают на конечный момент этого совпадения. Сказуемые в главной и придаточной частях имеют чаще всего одинаковые формы времени. Примеры: – ... *Кытчöдз дзотыс лоö мян, повны нинöмысь* (Льюров 1988: 161) ‘– ... Пока дзот будет у нас, бояться нечего’; *Пуксьы, зонмö, орчöн, пока диваныс прöст...* (Безносиков 1973: 119) ‘Садись, парень, рядом, пока диван свободный’, *Пока зарядка вöчан да мысьян-пасьтасын, кадыс и кольö* (Курагова 1989: 50) ‘Пока зарядку делаешь и моешься-одеваешься, время и проходит’.

У союза *кор* ‘когда’ основное значение – временное. Условный же оттенок (не исключающий временного значения союза, а лишь дополняющий и несколько затеняющий его) выступает также при наличии определенных структурных и лексических данных. Союз недифференцированного временного значения *кор* ‘когда’ соотносит факты, названные в предикативных частях, в общем временном плане, конкретные же временные значения создаются формами глаголов-сказуемых. Примеры: *Нимкодö вöли и батьлы, Василий Ивановичлы, кор вильыш кага кутчсьлыс ичöлик кекеньяснас сьлөн мича, кузь ускö да зилс вель доймана тракнитны* (Федоров 1988: 16) ‘Радостно было и отцу, Василию Ивановичу, когда озорной ребенок хватался маленькими ручонками за его красивые, длинные усы и старался довольно больно дернуть’; *Тайö вöли Сыктыв ю кузя пыжöн гуляйтигöн, кор сийö [Проня] лёсьöдчис мунны салдатö* (Федоров 1981: 252) ‘Это было, во время прогулки на лодке по реке Сыsole, когда он [Проня] собирался идти в солдаты’.

Собственно коми союз *кодыр* ‘когда’ является сложным словом. Образован от вопросительного местоимения *кы-* и существительного *дыр* ‘время’ (КЭСК: 127). Зафиксирован он уже в первой печатной грамматике коми-зырянского языка (Флеров 1813: 37–38). Однако союз *кодыр* постепенно уступает место союзу *кор* и в современном коми языке встречается не так уж часто, как в разговорной, так и в письменной речи. Примеры: *Кодыр библия*

ме лыдди, / сюртём дявёл ангел пыдди / орчён мекөд пукалігөн / сералис пыр ньөжйөнникөн (Куратов 1979: 35) “Когда библию читал я, / вместо ангела витая, / дьявол в образе чертенка / хохотал беззвучно-тонко”; “(...) *Сэсся өд, кодыр лэчкад сьёлаыд сиасьё, сэки жё кыйныд-а*” (Безносииков 1973: 121) “(...) Да и ведь, когда рябчик попадает в ловушку, тогда же охотиться-то”; *А кодыр собрание вылысь мөдिसны разөдчыны, Свежов Микитөс да Глашаөс тийөктис кольчыштлыны* (Юхнин 1983: 40) ‘А когда с собрания стали расходитья, Свежов Микиту и Глашу попросил остаться ненадолго’.

Значение *разновременности* может передаваться семантически союзами *мыйён* ‘как только’, *мыйён сөмын* ‘как только’, *кыдз сөмын* ‘как только’, *муртса* ‘едва, едва только, лишь только’, *муртса на* ‘едва, едва только, лишь только’, *сөмын* ‘едва, только’, *сөмын на* ‘едва, только, едва только’; синтаксическими союзами *кор*, *кодыр* ‘когда’, *да* ‘когда’. В сложноподчиненных предложениях с данными союзами действие, о котором говорится в главном предложении, следует за действием, обозначенным в придаточном предложении (совершилось или начало совершаться).

В языке сосуществуют относительное местоимение *мыйён* ‘чем’ и омонимичный ему союз временного значения *мыйён* ‘как только’, структурно представляющие форму относительного местоимения *мый* творительного падежа (инструменталь) *-өн*. Местоимение *мыйён* ‘чем’ также может выступать в связующей функции в сложноподчиненных предложениях между главным и придаточным предложениями, но при этом быть самостоятельной частью речи и входить в состав придаточного предложения в качестве одного из его членов.

По происхождению союз *мыйён* является застывшей формой местоимения *мый*-творительного падежа (*-өн*). Согласно Д.В. Бубриху, творительный падеж (инструменталь) употребляется в нескольких значениях, связанных между собой. Одним из таких значений является указание на промежуток времени, в течение которого разворачивается действие (Бубрих 1949: 39, 41).

Г.А. Некрасова в работе “Инструменталь (творительный падеж) в пермских языках” подробно описывает семантико-синтаксические функции инструменталь с выявлением общего и частного в его семантической структуре в пермских языках, выделяя также временное значение с несколькими разновидностями, из которых, как отмечает исследователь, все проявляются в коми языке (Некрасова 1997: 5–7). Г.А. Некрасова приходит к выводу, что “разнообразие семантико-синтаксических функций падежа послужило основой формирования на базе инструменталь новых лексем и даже грамматических форм” (Некрасова 1997: 18). Исходя из этого, можем полагать, что основой формирования временного союза *мыйён* ‘как только’ могло послужить временное значение инструменталь: первоначально на основе местоимения *мый* ‘что’ и временного значения инструменталь на *-өн* образуется обстоя-

тельственное слово *мыйён*, имеющее временной признак со значением ‘как только’. Позже это обстоятельственное слово переходит в союз. Примеры: *Мыйён Прокё тыртис румкаяссё, поп пернапасасис да чурскёбтис курыдсё, ссэся песовтис дозмёр кок пёв да сатшыкысис чигъяс лэчыд пиньяснас* (Тимушев 1986: 41–42) ‘Как только Проке наполнил рюмки, поп перекрестился и выпил с аппетитом горькое, затем вывернул глухариную ногу и впился острыми зубами в мясо’; *Мыйён джудждаммис тэчасыс, сылы [Васькалы] и тийёктисны вылысас кайны* (Юшков 1988: 111) ‘Как только скирда стала выше, его [Ваську] попросили залезть на верх’.

Составные союзы *мыйён сёмын, кызд сёмын*, реализующие значение ‘как только’, образовались на основе частицы *сёмын* ‘только’. *Мыйён сёмын гольсмуни томан да усис кёрт тас, вынышитчёмён чужыис [Габё] ёдзёссё да петис ывлё* (Тимушев 1986: 38) ‘Как только звякнул замок и упал железный засов, [Габе], напрягшись, пнул дверь и вышел на улицу’; *Сиктса том йёз тулыссянь, мыйён сёмын сылас лым да косьмас эжа, шондi лэччёмсянь да асья кья ёзытёдз танi коллявлисны гажса рытъяс* (Изьуров 1984: 98) ‘Сельская молодежь с весны, как только растает снег и высохнет трава, от захода солнца и до восхода зари провожали здесь веселые вечера’; *Сийё и Ёдюк, кызд сёмын Борисыс висьталiс гёстыяс воём йылысь, котёртiс юктасян шорас да тыла выв ныйтсё вывьсыс мыськис ключ ванас* (Юхнин 1983: 25) ‘Поэтому и Одюк, как только Борис сказал о приходе гостей, побежала к ручью, где поят скот, и подсечную грязь с себя смыла ключевой водой’.

Союз *муртса* ‘едва, едва только, лишь только’ сформировался на базе наречия *муртса* ‘едва’, не связанного с материальным признаком, в силу утраты категориального значения. На основе наречия *муртса* и частицы *на* образовался составной союз *муртса на* со значениями ‘едва, едва только, лишь тоько’. Примеры: *Муртса на Домна удитлiс локны аптекаысь да пуксьыны помавтём письмёсё гижны, кёзыйка бара нин сюйлiс юрсё сы ордё да тийёктiс...* (Федоров 1994: 431) ‘Едва только Домна успела прийти из аптеки и сесть дописать письмо, хозяйка опять уже заглянула к ней и велела...’; *Муртса на вевъялiсны партизан котыр чукёртчыны ётивлё ставён, лым трёпа кузя на дорё котёрён лэччис Вежев* (Там же: 680) ‘Едва только партизаны успели собраться все вместе, по снежной тропе прибежал к ним Вежев’.

В функции подчинительного союза исследователи коми языка выделяют союз *сёмын* ‘только, только что’ (Бубрих 1949: 193; СКЯ I: 275), сформировавшийся на основе наречия *сёмын*, имеющего временной признак со значением ‘только что’. В грамматике “Современный коми язык” (1955) союз *сёмын* квалифицируется как подчинительный союз с временным значением ‘только, только что’, но без соответствующего примера (СКЯ I: 275). В “Грамматике литературного коми языка” из приведенного Д.В. Бубрихом примера *Сёмын на бригадаяс воисны местаяс вылё, пондiс кывны кыпид уджёлён*

горыс ‘Только еще бригады явились на места, начали слышаться бодрые звуки работы’ (Бубрих 1949: 193) находим, что *сӧмын* нужно рассматривать не как самостоятельный союз, а в сочетании с частицей *на* как составной союз *сӧмын на*. В учебнике по синтаксису *сӧмын* как самостоятельный союз не представлен, а только приведен в составных союзах с временным значением: *мыйӧн сӧмын* ‘как только’, *кыдз сӧмын* ‘как только’, *сӧмын на* ‘только еще’ (СКЯ II: 219–223). Рассмотренный нами языковой материал показывает, что в современном коми языке лексема *сӧмын* в функции временного союза если и встречается, то редко.

Т.Н. Кренделева в современном коми языке выделяет союзы *кытчӧдз эг(ӧ) / эн(ӧ) / эз(ӧ)* ‘пока не’ и *пока эг(ӧ) / эн(ӧ) / эз(ӧ)* ‘пока не’ аналогично русскому союзу *пока не* (Кренделева 2010: 13; 2011: 139–143).

Как отмечает Ш.К. Кадыров, к вопросу выделения построений с союзом *пока не* в современном русском языке исследователи-русисты имеют разные точки зрения: “одни исследователи вообще не выделяют построения с союзом *пока не* в особый тип, другие выделяют их, считая, что союз *пока не* выражает специфическое временное отношение ограничительного предшествования действия главной части действию придаточной”. Вторую точку зрения Ш.К. Кадыров считает более обоснованной, в составе союза *пока не* находя роль *не* двойственной: “с одной стороны, *не* сохраняет свою первичную отрицательную функцию в предикате придаточной части, обозначая отсутствие действия (отсутствие некоего события, положения дел) и, с другой стороны, вместе с элементом *пока* участвует в выражении синтаксического значения одновременности событий. Второй функцией из названных *не* как морфема (формант) в производном слове, т.е. в союзе *пока не*, отличается от омонимичной собственно отрицательной частицы *не*, не являющейся структурным элементом союза. <> Формант-частица в придаточной части, реализуя функцию отрицания, может употребляться и контактно, и дистантно по отношению к элементу *пока*, тяготея к предикату” (Кадыров 1987: 13; 24).

Согласно Т.Н. Кренделева, союзы *кытчӧдз* ‘пока’ и *кытчӧдз эг(ӧ) / эн(ӧ) / эз(ӧ)* ‘пока не’ являются самостоятельными союзами с разными значениями. Автор пишет: “Если события, действия, явления, названные в частях предложения с союзом *кытчӧдз* ‘пока’ совершаются одновременно, то в предложениях с союзом *кытчӧдз эг(ӧ) / эн(ӧ) / эз(ӧ)* ‘пока не’ – в разное время”. Как и в русском союзе *пока не*, исследователь в союзе *кытчӧдз эг(ӧ) / эн(ӧ) / эз(ӧ)* находит выражение временного отношения ограничительного предшествования действия главной части действию придаточной. При этом, как считает Т.Н. Кренделева, в придаточной части отрицательный глагол *эг(ӧ) / эн(ӧ) / эз(ӧ)* ‘я (мы) / ты (вы) / он (они) не’ сказуемого теряет отрицательную функцию, в результате придаточная часть получает утвердительный смысл, поэтому “*эг(ӧ) / эн(ӧ) / эз(ӧ)* ‘я (мы) / ты (вы) / он (они) не’, уже не играю-

ший отрицательной роли, входит в состав союза. Однако употребляться он может и контактно, и дистантно по отношению к элементу *кытчöдз* ‘пока’” (Кренделева 2011: 141).

На наш взгляд, выделение союза *кытчöдз ээ(ö) / эн(ö) / ээ(ö)* ‘пока не’ в коми языке является неправомерным. Аргументом может быть тот факт, что отрицательный глагол не только выполняет функцию отрицания. Он берет на себя все грамматические категории глагола: лица, числа, времени и наклонения, а не основной глагол, сопровождаемый им и обозначающий действие, вместе с основным глаголом в предложении выступая в качестве сказуемого. Отрицательный глагол формирует отрицательное спряжение в коми языке, что является специфической чертой глагола большинства финно-угорских языков (КЯЭ: 331). Из изложенного следует: отрицательный глагол не может являться структурным элементом союза. Дифференциация признака одновременность / разновременность осуществляется здесь на основе соотношения временных значений глаголов-сказуемых и контекста. Примеры: – ... *Ёна на ковмис шыбласьны сэся, кытчöдз ээ сюр шогмана пожöм дi* (Юшков 1988: 23) ‘... Порядком еще пришлось бродить потом, пока не нашелся подходящий участок соснового леса’; *Ме асья войсö вуграси тыын. Эз шед. Но пукалi, кытчöдз асья шондi ээ кут сотны дөрöм пыр мышкуöс* (Попов 1986: 77) ‘Я на заре удил рыбу на озере. Не клевало. Но сидел, пока утреннее солнце не начало жечь спину через рубашку’.

Союз *кор/кодыр* ‘когда’, помимо значения одновременности, может передавать также значение непосредственного следования (предшествующим является действие, выраженное в придаточной части), напр.: *Ёна жö шемöсмöдiс мянöс ёлкаыд аслас мичлуннас, кор воссисны öдзöсьяс и пырим залö* (Льнуров 1988: 19) ‘Сильно же удивила нас ёлка своей красотой, когда открылись двери и зашли в зал’; *Ёна и нимкодясисны колхозын, кор кузнечасö мастер козьналiс сельхозартельлы да ачыс жö и мöдiс дорччыны сэнi* (Там же: 36) ‘Сильно же радовались в колхозе, когда кузницу мастер подарил сельхозартели и сам же и стал там заниматься кузнечным делом’; *Кодыр сiйö [Асныров] тöдмалiс Свежовлысь бөрья воясса олöмсö, Лесной институтын велöдчöмсö да помалöмсö, партийностьсö, сэки висьталiс и ачыс* (Юхнин 1983: 12) ‘Когда он [Асныров] узнал о последних годах жизни Свежова, учебе в Лесном институте и его завершении, партийности, тогда рассказал и сам о себе’; *Кодыр уджлөн музыкаыс [удж шыяс] лөнис, сэж ёртъясыслы Микит шуис...* (Там же: 41) ‘Когда музыка [звуки] работы утихла, тогда Микит сказал друзьям...’.

Отношение разновременности действий (предшествующим является действие, выраженное в придаточной части) способен выражать союз *да* ‘когда’. Об этом союзе будет сказано ниже, поскольку он является не специализированным союзом.

3.1.2. Союзы с причинным значением

Лёка. Союз *лёка* ‘потому что, так как’ является одним из старых подчинительных союзов коми языка. По предположению Д. Фокош-Фукса, он образовался на основе глагола, значение которого было ‘збыль’ (Манова 1976: 104). Как устаревший союз, он уходит в пассивный запас языка и встречается в произведениях устного народного творчества (в таких поэтических произведениях, где речь идет о событиях прошлого) и разговорном языке. Примеры: – *Ме тэ сайё ог мун, ог мун, Лёка тэнад керкаыд вевттём.* – *Ме тэ сайё ог мун, ог мун, Лёка тэнад джоджыд плакатём.* – *Ме тэ сайё ог мун, ог мун, Лёка тэнад ведраыд пыдöstём, ведраыд пыдöstём.* – *Ме тэ сайё ог мун, ог мун, Лёка тэнад карнаныд тишупöдтём* (Микушев 1969: 39) ‘– Я за тебя не пойду, не пойду, потому что у тебя дом без крыши. – Я за тебя не пойду, не пойду, потому что у тебя пол без плахи. – Я за тебя не пойду, не пойду, потому что у тебя ведро без дна, без дна. – Я за тебя не пойду, не пойду, потому что у тебя коромысло без выемки’; *мед ачыс вöчас, лёка тишан* (КРК: 350) ‘пусть сам сделает, так как гордый’. В современном письменном языке он вытесняется союзами *сы вöсна мый, сы понда мый* ‘потому что, так как’.

Союз *лёка* семантически специализированный с причинным значением. Однако, К.Е. Майтинская, ссылаясь на Н.Д. Манову, выделяет также условно-изъяснительное значение союза *лёка* (Майтинская 1982: 85), которое поддерживается особенностями структурного характера. Приведенная Н.Д. Мановой конструкция *Кыдз же ме тэ сайе муна, тэяд лёка турун туйыд абу* ‘Как я выйду за тебя, у тебя же (если у тебя) нет дороги за сеном’ (Манова 1976: 19) имеет разговорную окраску и представляет собой структуру особого типа, сложившуюся в разговорной речи. Необходимо обратить внимание на то, что первое предложение начинается вопросительно-относительным словом *кыдз* ‘как’ и произносится с полувопросительной интонацией. Перед нами структура, в которой подчиненность одного предложения другому не выражена с достаточной отчетливостью. Первое предложение *Кыдз же ме тэ сайе муна* легко трансформируется в отрицательное предложение *Ме тэ сайе ог мун*, в котором не может быть реализовано событие. Как показывают наблюдения, в сложноподчиненных конструкциях с союзом *лёка* главное предложение является отрицательным.

В монографиях по коми-зырянским диалектам союз *лёка* зафиксирован только в выском диалекте: *Гöс т’ин’дзи тэн ог вай, л’ока он кызыс*’ (К.) ‘Гостинца тебе не привезу, потому что не слушаешься’ (ВД: 163, 165).

Союз *мыйла* ‘потому что’ с причинным значением по происхождению является застывшей формой местоимения *мый-* ‘что’ в достигательном падеже (консекutive (или каузативе) с суффиксом (-ла). Согласно Д.В. Бубриху, достигательный падеж употребляется для указания цели и причины действия (Бубрих 1949: 43). Как мы полагаем, первоначально на основе местоимения

мый и причинного значения коннектива *-ла* образуется обстоятельственное слово – наречие – *мыйла*, имеющее причинный признак со значением ‘зачем’. Позже это обстоятельственное слово переходит в союз. *Борис медводзын шензышитис, мыйла первойысь на аддзысьём тёттём морт тёттё сылысь нимсё* (Юхнин 1983: 14) ‘Борис сначала удивился, потому что в первый раз еще встретившийся незнакомый человек знает его имя’.

Союзы *сы вёсна мый, сы понда мый*, ‘потому что; ввиду того что’ принадлежат к союзам сравнительно новым по времени образования. Складываются они по уже имевшейся в русском языке модели *потому что*. Наиболее ранние из известных нам случаев употребления союза *сы вёсна мый* относятся к XIX в. (встречается в произведениях И.А. Куратова). Развитие этих союзов связано с развитием книжно-письменной речи. Употребляются для обозначения причинного значения и являются семантически специализированными. Союз *сы понда мый* встречается уже в ‘Грамматике зырянского языка’ Г.С. Лыткина (1889). В современном коми языке употребляется реже по сравнению с союзом *сы вёсна мый*.

Компоненты союзов *сы вёсна мый, сы понда мый*, наряду со слитным употреблением способны распадаться на две части (*сы вёсна мый – сы вёсна ... мый, сы понда мый – сы понда ... мый*), напр.: *Ягыс сётём, татысь ни оти порёдём либё порём ну он аддзы, сы вёсна мый йёзыс видэёны, дёзьёритёны тайё ягсё* (Раевский 1988: 79) ‘Бор чистый, здесь не увидишь ни одно сваленное или свалившееся дерево, потому что люди оберегают, ухаживают за этим бором’; ‘*А збыльысьсё, вёлыны-ё недоимкаясыс? – гыжйышитис кудриа юрсисё Русинов: ёд недоимкаясыс лоисны сы вёсна, мый найё, тестя-зятя, асьныс ыдждёдисны вотсё...*’ (Тимушев 1986: 34) ‘“А на самом деле, были ли недоимки? – почесал кудрявые волосы Русинов: ведь недоимки получились потому, что они, тесть с зятем, сами подняли налог...”’.

Однако, как нужно понимать соотношение между этими построениями? При слитном употреблении такие образования определяются как одна лексическая единица – составной союз. При расчленении компонентов – как соединения соотносительного слова и простого союза или же как одна лексическая единица?

В лингвистической литературе по-разному понимается соотношение между подобными образованиями. Как отмечает Р.Д. Кузнецова, в русской лингвистике аналогичные образования (*потому что, оттого что* и др.) ‘одни исследователи при положении компонентов в придаточной части определяют как одну лексическую единицу – составной союз. При расчленении компонентов рассматриваются как соединения соотносительного слова и простого союза. Другие исследователи в обоих случаях употребления типа *потому что* видят в них одну лексическую единицу – составной союз’.

Р.Д. Кузнецова последнюю точку зрения считает более убедительной, “так как и при дистантном расположении компонентов *потому ... что, оттого ... что* и др. выполняют строевую роль в синтаксической организации предложения, образуя его структурную схему, и объединены общим значением, что позволяет рассматривать их как эквиваленты союзов *потому что, оттого что* и др., на каком бы расстоянии их компоненты ни находились” (Кузнецова 1987: 7).

Причинные отношения могут выражаться также синтаксическим союзом *да*, о котором будет изложено ниже.

3.1.3. Союзы с условным значением

Кõ. В литературном языке специализированный союз *кõ* ‘если’ является основным и стилистически нейтральным со значением условия.

Древнее слово *кõ* в коми языке получило особое развитие и весьма широкое употребление как в устно-разговорной речи, так и в языке художественной литературы. Коми *кõ*, кп. *кõ*, удм. *ке* восходят к прауральскому вопросительному местоимению **k* (КЭСК: 137).

В современном коми языке *кõ* имеет статус служебного форманта и квалифицируется как: 1) модальная частица; 2) суффикс; 3) подчинительный союз, который функционирует во всех пермских языках.

Союз *кõ* в придаточном предложении занимает определенное место: всегда располагается после первого слова (либо после первого слова с его распространителями), что можно объяснить его происхождением от модальной частицы *кõ* ‘если’, придающей речи оттенок предположения, сомнения, неуверенности и занимающей в высказывании позицию после того слова, к которому относится (Попова 2006: 241–246). Между главным и придаточными частями в сложноподчиненных предложениях выражает три типа отношений: 1) условные отношения, выражающие *реальность / нереальность*. В коми языке типичным средством выражения реального / нереального условия является временная форма глагола. Реальное условие: *Нõшта нель гоз [сапõг] эм пыжаным: Поликарплы да Гришалы морт õти гозйõн, сзсыя вежас вылõ, косясыя кõ кодлõнкõ* (Юшков 1979: 99) ‘Еще четыре пары [сапог] есть в лодке: Поликарпу и Грише по паре сапог, остальные на замену, если у кого-то порвутся’, *Но немтор, велалан да, позьõ тай овны и син пõлõн, мукõдлати кõ лочки да ён* (Торопов 1989: 11) ‘Но ничего, привыкнешь, и можно, оказывается, жить и с одним глазом, если другие органы здоровые’. Реализации нереального условия может способствовать лексический показатель – частица *эськõ* ‘бы’: *Егор эськõ сидзи и вõчис, кыйдõсыс кõ быттьõ эрдын вõли* (Куратова 1989: 15) ‘Егор так бы и сделал, если улов, положим, на виду был’; 2) условно-временные отношения: *Ковмылис кõ, пыр нин отсалисны õта-мõдныслы* (Тимушев 1986: 47) ‘Если приходилось, всегда уж помогали друг-другу’, *А мужикылдõн кõ зептас сьõмыд оз зельдõчы, бур-*

джык нин йирё пырны (Безносииков 1973: 113) ‘А если у мужика в кармане нет денег (досл. деньги не звенят), лучше уж в омут броситься’; 3) сопоставительные отношения, в реализации которых, как считает Н.Д. Манова, имеет место влияние русской конструкции типа *если ... то*, выражающей сопоставительные отношения (Манова 1987: 125), напр.: *А челядя да и челядътём дёваыс на ещö кымын?! Пёт кынёмён кё мичаа вöччасны-пасътасясны, то ой-ой-ой – любöйöс на ас дiнас манитасны* (Напалков 1988: 35) ‘А сколько еще вдов с детьми и без детей?! Если сытые, приеденутся, то ой-ой-ой – любого еще к себе заманят’, *Мастерыс кё вöли еджыд юрсиа, сөстёма бритём банйём чужёма, лöz сингыса, гаж радейтысь морт, то сълён отсасысьыс мөдарö – сьод юрсиа, чөв олысь морт* (Льпоров 1988: 36) ‘Если мастер был светловолосый, с начисто бритым румяным лицом, с голубыми глазами, веселый человек, то его помощник наоборот – темноволосый, молчаливый человек’.

В верхневашском говоре удорского диалекта семантически равным союзу *кё* является очень употребительный подчинительный союз *си* ‘если’ (Сорвачева 1950: 155). Семантически равные, в структуре предложения различаются местоположением: если “союз *си* располагается всегда в конце одного из предложений (чаще после первого), союз *кё*, как и в литературном коми языке, после первого члена предложения” (Там же: 156) (в придаточной части. – П.Э.), напр.: *Он куж карны си, ин и кутчис*’ (Крив.) ‘Если не умеешь делать, не берись’ (УД: 99).

Из специфических союзов, реализующих условное значение, следует отметить в лузско-летском диалекте союзы: *инö* ‘если’, *сидз, сидзи* со значениями ‘если; так как’: *Жар инö, олышты, рытыс куз*’ (Ч.) ‘Если жарко [в бане], пока не ходи, вечер долгий’; *Пылс’ы, окота сидзи* (Гур.) ‘Если хочется, мойся в бане’ (ЛЛД: 112).

В коми-зырянских диалектах часто употребляются заимствованные из русского, семантически равные союзу *кё*, устаревшие, имеющие просторечную окраску, союзы *так* (*дак*), *ежели, коли*, характерные для синтаксиса сложного предложения в севернорусских говорах, напр.: лл. *Здоровйатö воштан так, д’ен’га вылö он н’öб* (Лет.) ‘Если потеряешь здоровье, на деньги не купишь’ (ЛЛД: 112), уд. *Мунан дак, бөр ин лок* (Важ.) (УД: 101) ‘Коли пойдешь, обратно не приходи’; иж. *Йэжэл’и с’орма, ин пин’оо* ‘Если задержусь, не ругай’ (ИД: 113), лл. *Йэжэл’и буд’и йуны кö мөдас, бур оз ло* (З.) ‘Если пить будет, добра не жди’ (ЛЛД: 112), вым. *Йэжэл’и тэ гортö вэтлан, тайö олöттö ин вис’тоо* (Онеж.) ‘Если ты поедешь домой, про это хозяйство не говори’ (ВД: 165); лл. *Көл’и витчö, эн и лэчы* (Н.) ‘Коли ругается, и не ходи’ (ЛЛД: 112), вым. *Кол’и кыйин лöz көрсö, сэс’с’а н’экутиём пöтка тэыс’ оз уд’ит, вэс’ыс тэнад лөб* (С.) ‘Коли поймал синего оленя, теперь ни одна птица от тебя не уйдет, все будет твое’ (ВД: 165). Для вымского диалекта характерно употребление условного союза *раз* в значении ‘раз, если’, также

заимствованного из русского языка: *Раз тэ мэно́ эта ылладо́ нуо́дин, мэ тэно́ лоойдо́н оз кол'* (С. фольк.) 'Раз ты завела меня в такую даль, живой я тебя не оставлю' (ВД: 165). В лузско-летском диалекте (Пор.) встречается союз *кёбы (кабы)* 'если бы, кабы' (ССКЗД: 168; ЛЛД: 110), также пришедший из русского языка, образовавшийся в результате опрошения структуры *как бы*. "В союзе *кабы*, в отличие от союза *как бы*, основным становится условное значение. Другие значения угасают..." (Черкасова 1973: 110). Однако соответствующего примера с союзом *кёбы (кабы)* в указанных нами источниках не находим, что можно объяснить, на наш взгляд, редким бытованием союза в диалекте.

Заимствованные из русского языка союзы условного значения: *коли* 'если', *раз* 'раз', *кёбы* 'кабы' функционируют также в коми-пермяцком языке (КПЯ: 312).

3.1.4. Уступительные союзы

Союз *көть* 'хотя', заимствованный из русского языка, в современном коми языке становится одним из самых употребительных союзов, служащих для выражения уступительных отношений в сложноподчиненных конструкциях. Союз *көть* не закрепляет место придаточной части в составе сложноподчиненного предложения. Придаточная часть может: 1) начинать предложение – *Көть Кузьмалы кызь вит арёс на сёмын и тыри, Изьва кузя кайигён налён ёртасьём кодь артмис* (Шахов 1987: 7) 'Хотя Кузьме двадцать пять лет только еще и исполнилось, поднимаясь по р. Ижме, они подружились'; 2) находиться в постпозиции по отношению к главной части – *Казенной письмё вая тэныд, Мироновна, роч акань. Крепитчы, сьёлёмён кыла, синва да шог вайи, – мыччис письмёсё, а Афанасья оз лысьт сійёс босьтны киас, көть мужиксяныыс быдса кык тёлысь нин эз вёв некутиём юёр* (Коданев 1979: 54) '– Казенное письмо несу тебе, Мироновна, красавица. Крепись, сердцем чую, слезы и горе принес, – подал письмо, а Афанасья не смеет его взять в руки, хотя от мужа целых два месяца уже не было никакой весточки'; 3) находиться в интерпозиции (внутри главного предложения). При интерпозиции придаточного предметом уступительной квалификации может быть лишь тот или иной компонент главной части. В таких случаях придаточное с уступительной семантикой сближается с вводным предложением, напр.: *Менам век на эз дёбнитлы, а сійё [дядьё], көть сёмын на воис, лэптис нин ыджыдкодь сыппи* (Раевский 1988: 108) 'У меня все еще не клонуло, а он [мужик], хотя только еще пришел, поймал уже довольно крупного подъязка'.

Союз *көть* часто сочетается с компонентом *и*, выступающим на правах частицы и реализующей усилительное значение. Сочетание *көть и* 'хотя и' имеет уступительно-усилительное значение: *Кокныдыка узис, көть и сёрён нин лои водёма* (Ширяев 1975: 42) 'Спал легко, хотя и поздно уже легли';

Кõtь и сувтлісны недыр кезлõ, Карпов эз петав кабинасьыс, яндысис, тыдалõ, õнтаясьыс (Игнатов 1988: 210) ‘Хотя и останавливались ненадолго, Карпов не выходил из кабины, стеснялся, видимо, от недавнего’.

Союз *кõtь* также часто может сочетаться с частицей *эськõ*, передающей в данном случае значение *и* с усилительной функцией. Сочетание *кõtь эськõ*, подобно сочетанию *кõtь и*, между главным и придаточным предложениями реализует уступительно-усилительное значение: *Нывбаба вежõрõд котõртис став олõмыс, кõtь эськõ сийõ дженъыдик на ...* (Попов 1986: 7) ‘Сквозь сознание женщины пробежала вся жизнь, хотя и она еще коротенькая ...’; *Отсалис Мишельõн Вадим дядьыс, код йылысь ми, челядь, тõдмн эв уна, кõtь эськõ асьсõ синмõн эг на аддзылõй* (Льуров 1988: 18) ‘Помог у Мишеля дядя Вадим, о котором мы, дети, знали очень много, хотя и самого глазами еще не видели’; *Мый вõчан, ординарецлы быть тõждысь командир вõснаыд, кõtь эськõ окопсьыд петныд и абу эв окота да* (Там же: 94) ‘Что поделаешь, ординарец должен беспокоиться о командире, хотя и выходить из окопа не очень-то охота’.

Союз *кõtь* может выступать в выражении связи между предикативными частями в сложноподчиненных предложениях, в которых придаточная часть раскрывает меру или степень действия или признака, выраженного в главном предложении, напр.: *Ме лõгõн тыри, кõtь ачымõс чашиья* (Юшков 1979: 19) ‘Я разгневался, хоть себя разорву’. Иногда в главном предложении может быть соотносительное слово: *сидзи (сидз)* ‘так’, *сэтиõм* ‘такой; так’, *сэтиõма* ‘так’, *сэтчõдз* ‘до того’ и т.д.: *Войдõрлун на сэтиõма кокъясõй юкалісны, кõtь чер вõлі босът да керав* (Там же: 5) ‘Позавчера еще так ноги болели, хоть было возьми топор и отруби’; *Удж вылын офицерьяс сидз куритчисны, кõtь чер õшõд* (Федоров 1988: 20) ‘На работе офицеры так накурели, хоть топор вешай’.

Союз *кõtь* ‘хоть’ может выражать присоединительные отношения, когда уступительная семантика союза *кõtь* в условиях контекста может быть ослаблена и когда вторая, по своей форме, придаточная часть содержит добавочную информацию к первой части. В подобных сложных конструкциях между предикативными частями нет подчинения: главного и зависимого; составляющие ее части являются независимыми друг от друга; смысловые отношения между ними характерны для связи сочинения. Например: *Но, тыдалõ, мõрччõма кытчõкõ ошкыслы, абу нин вермõма сы вылõ уськõдчыны, гырõбсьтõма вõлі нитшисõ да кузяла на кольõма сэсся гырõсõ, кõtь вõтчын* (Юшков 1981: 362) ‘Но, видимо, досталось куда-то медведю, не смог уже на него броситься, запачкал кровью мох и далеко еще тянулись следы крови, хоть догони’.

Присоединительные отношения может выражать также сочетание *кõtь и* ‘хоть и’: *Мыйла нõ эськõ и оз юав? Õд быдмим õтлаын, а õни со и*

письмӧасям, кӧть и шочиника (Тимин 1990: 15) ‘Почему же бы и не спросить? Ведь росли вместе, а теперь вот и переписываемся, хоть и редко’.

В.М. Лудыкова выделяет семантический союз с уступительным значением *сы вылӧ видзӧдтӧг мый* (Лудыкова 1995: 24), однако, описывая уступительные придаточные предложения, примеры с союзом *сы вылӧ видзӧдтӧг мый* автор не приводит. Наблюдения показывают, что сочетание *сы вылӧ видзӧдтӧг мый* ‘несмотря на то что’, представляющее собой фразеологическое единство и являющееся калькой русского союза *несмотря на то что*, в коми языке, как союз, развит слабо. *И сы вылӧ видзӧдтӧг, мый страда кадӧ на прӧйдитисны гыма зэръяс, воздухын тшын эз чин, а ӧтарӧ содис, сы пыр муртса тӧдчис сӧмӧм шондӧ* (Юхнин 1981: 6) ‘И несмотря на то, что еще во время страды прошли дожди с грозами, в воздухе дыма не уменьшалось, а все усиливался, через него едва виднелось рыжее солнце’.

В ряду подчинительных союзов исследователи коми языка выделяют союз *а* ‘между тем как, в то время как’ (Бубрих 1949: 193; СКЯ I: 273), происхождение которого связано с русской частицей *а*, переосмысление которого в союз произошло уже в коми языке (Манова 1976: 19–26). Авторы ‘Современного коми языка’ рассматривают как союз, выражающий уступительные отношения: *Гымалӧ-а, кӧдзыд* ‘Тремит, хотя и холодно’ (СКЯ I: 276). Нужно отметить, что сложноподчиненные предложения с уступительным союзом *а* употребляются чаще в разговорной речи; в письменных текстах современного коми языка они не распространены.

3.1.5. Сравнительные союзы

История развития и становления сравнительных конструкций привлекает постоянное внимание как литературоведов, так и лингвистов. В различные исторические периоды изменяется не только содержательная сторона сравнений (что сравнивается и с чем сравнивается), но и средства оформления сравнительных отношений.

Основными сравнительными союзами в коми языке являются: *бытьӧ* ‘будто’, являющийся русским заимствованием; *бытьӧкӧ* (*бытьӧкӧнӧсь*), *ыштӧкӧ* ‘будто, как будто; точно; словно; как’, образовавшиеся путем слияния заимствованного компонента и исконного компонента; *кыдз бытьӧ* ‘как будто; словно’ – путем сочетания исконно языкового компонента и заимствованного.

Сравнительные союзы в коми языке возникли в более позднее время, о чем свидетельствует тот факт, что в грамматиках XIX в. данные союзы еще не фиксируются. Их появление в языке обусловлено, на наш взгляд, с развитием художественной литературы. Судя по нашим наблюдениям, сравнительные союзы в коми языке являются одними из употребительных союзов в художественной литературе, в которой писатели активно пользуются различными сравнениями.

Описанию процесса образования сравнительных союзов необходимо предпослать рассмотрение вопроса о принципах разграничения сравнительных союзов от несоюзного употребления.

Е.Т. Черкасова выделяет четыре признака сравнительных союзов, отличающих их от одноименных частиц. Такими признаками являются: 1) и х с в я з у ю щ а я р о л ь: эти союзы соединяют либо два одноформленных непредикативных члена предложения, либо предикативные части сложного предложения, соотношением реального содержания которых создается общее синтаксическое значение, выразителем которого является сравнительный союз (функция частиц – внесение дополнительных смысловых оттенков тем словам и словосочетаниям, к которым относятся); 2) с о ю з ы я в л я ю т с я о б я з а т е л ь н ы м с т р у к т у р н ы м э л е м е н т о м с р а в н и т е л ь н ы х к о н с т р у к ц и й: устранение их ведет либо к полному распаду логико-грамматических связей (между членами предложения), либо к изменению этих связей между частями сложного предложения. При устранении частицы эти связи не нарушаются; изменяется лишь модальность всей конструкции в целом или отдельной ее части; 3) с о ю з ы, являясь единственным формальным показателем синтаксических связей, выражают о т н о ш е н и я у п о д о б л е н и я, с х о д с т в а (частицы же этих отношений не выражают, а служат лишь указанием на предположительность тех отношений, которые существуют между членами простого предложения или частями сложного предложения); 4) м е с т о с о ю з а с т р о г о з а к р е п л е н о: в простом предложении локализуется всегда перед вторым членом сравнения, в сложном – в абсолютном начале придаточной части (частица может передвигаться вместе с членом предложения, модальность которого она выражает) (Черкасова 1973: 164–165).

Союзы *быттьб̆*, *быттьб̆к̆* (*быттьб̆к̆н̆б̆сь*), *кыдз быттьб̆*, *ышт̆б̆к̆* указывают на то, что сближение двух сравниваемых явлений представляется говорящему условным, предположительным. Конструкции с данными союзами выражают значение субъективной модальности, создаваемое семантикой самих союзов, в значениях которых уже содержится вполне четкое и определенное указание не только на предположительность сообщаемого, но также и на отношение говорящего к этому сообщению. Примеры: *А лэччан нюр̆ – мыртам сэні кысьм̆, гырысь, сьб̆кыд, виж мольяса, быттьб̆ зарни ёкмьляс г̆рддзасьб̆маб̆сь, вомад в̆зйысьб̆ны* (Федоров 1981: 316) ‘А пойдемь на болото – морошка там поспевает, крупная, тяжелыми желтыми ягодами, будто слитки золота завязались, в рот просятся’; *Эз и казьявлы [Васька], корья чеп̆сйис п̆сьыс: мальшит̆с гылял̆мысла мор̆сс̆, а пасьтала нин посни ва туся, быттьб̆к̆ зэр̆н бусит̆ма* (Юшков 1987: 13) ‘И не заметил [Васька], как выступил пот, погладил от щекотания грудь, а везде уже мелкие капельки воды, словно после мелкого моросящего дождя’; *А сидзс̆ эз*

кажитчы Васькалы моньыс. “Мед, кутшюм эм”, – такöдiс нин эськö асьсö, но эз дай тiркмунли вывтырнас, **ыштöкö** кодзувкот ветлöдлiс дöрöм увтыс (Юшков 1987: 3) ‘А так-то не понравилась Ваське сноха. “Пусть, какая есть”, – успокаивал бы уже себя, но нет-нет да и содрогался полностью, словно муравьи бегали под рубашкой’; *Гортаныс мамыс да Пекла ичиньыс бара на юасьышитiсны Васькалысь, ыштöкö мыйкö висьтавтöм на сылөн кольли...* (Юшков 1988: 77) ‘Дома мать его и тетка Пекла снова еще раз расспрашивали Ваську, будто что-то осталось еще недосказанным...’.

3.1.6. Целевые союзы

Союзами цели в коми языке являются *мед* и *медым*. *Мед* исторически представляет собой общепермскую древнюю частицу (Майгинская 1982: 152), во всех пермских языках сохранившую свою первичную функцию и на современном этапе в конструкциях со сказуемым реализующую различные модально-волевые значения. В древнезырянский период развилась союзная функция. В современном коми языке союз *мед* ‘чтобы’ занимает одно из главных мест в системе подчинительных союзов. В структуре сложно-подчиненного предложения локализуется в начале придаточной части; такое расположение объясняется его происхождением: слово-источник – частица *мед* – в пермских языках является препозитивной.

Возможности превращения модальной частицы *мед* ‘пусть (пускай)’ в союз реализуется, когда она включается в такую придаточную часть, глагол-сказуемое которой не способен в соединении с *мед* образовать форму повелительного наклонения, и *мед* выступает уже в качестве грамматического средства выражения смысловых отношений между предложениями-компонентами.

Союз *медым* – образование более позднее и исторически восходит к соединению двух служебных слов, первый из которых общепермская частица *мед* и второй – *ым*, по предположению Н.Д. Мановой являющейся отрицательной частицей (Манова 1975: 90). Однако, в современном коми языке союз *медым* не членится на морфемы. Первоначально в качестве союза выступал только *мед*, зафиксированный уже в “Грамматике зырянского языка” П.И. Савvaitова (Савvaitов 1850: 80–81).

Предпосылкой для слияния *ым* с союзом *мед* было не только наличие отрицательной частицы *ым*, но также закрепление за данной частицей строго фиксированного места в порядке слов предложения – непосредственное примыкание к союзу, вводящему придаточную часть, и препозиция по отношению к глаголу-сказуемому этой части. Образование данного союза сопровождалось определенными сдвигами в членении предложения: *ым*, ранее игравший в предложении определенную роль и примыкавший к глаголу, позднее сливается с предшествующим союзом *мед*.

Н.Д. Манова отмечает, что в качестве союза *medim* впервые зафиксирован в XX в. Его появление в функции союза исследователь связывает с формированием литературного языка. “Возможно, что *medim* с начала употреблялся в поэзии, поскольку именно поэтическая речь больше, чем какой-либо стиль, нуждается в дублетных формах слов, состоящих из разного количества слогов” (Манова 1975: 91). Примеры: *Мёскас и кутчысисны дёваясыд, мед кызкё-мыйкё бергёдчыны во гёгёрсё* (Юшков 1979: 50) ‘На коровах и держались вдовы, чтобы как-нибудь прожить в течение года’; *Кывтисны лун и вой, медым не веськавны лёк поводдя шёрё* (Рочев 1965: 34) ‘Плыли днем и ночью, чтобы не застала плохая погода’; *Чери на кыйис Васька, ыж начкис (солавлём чериыс да кукань яйыс сідз вёліны), мед пукалём вёчлыны, йёзёс корлыны* (Юшков 1987: 3) ‘Порыбачил еще Васька, овцу зарезал (засоленная рыба и телятина еще имелись), чтобы вечеринку сделать, людей пригласить’; *Сирёд чаг сэтысь кералис батъыс, медым кыбны коркё ветлыны, пемыдджык да лёнджык войё...* (Юшков 1988: 10) ‘Смолистые щепки оттуда нарубил отец, чтобы лучить когда-нибудь сходить, в более темную и тихую ночь...’.

3.1.7. Изъяснительные союзы

Союзами, выражающими изъяснительные отношения, являются синтаксические союзы: *мый* ‘что’, *ыштё* ‘что’, *быттьё* ‘будто’, *быттьёкё, быттьёкёндёсь* ‘как будто, будто бы’, *кызди (кызд)* ‘как’, *мед (медым)* ‘чтобы’.

Однако собственно изъяснительным союзом является союз *мый* ‘что’, который возводится к вопросительному местоимению *тз (Манова 1976: 10). Его основное значение – сообщение о факте, в достоверности которого сообщаемый не сомневается. Союз *мый* стилистически нейтрален, всегда занимает позицию в начале придаточного предложения, которое следует за главным. Примеры: *Пуксис да сэки нин казяліс, мый вёрас кызаджык усьёма пужыыс, аслас кок туйыс со лючки нин кольёма пуж сорыс варкалём нити вылас* (Юшков 1988: 4) ‘Сел и тогда уже заметил, что в лесу иней выпал сильнее, свои следы вон четко уже остались вместе с инеем на примятом мху’; *И некоднанныслы эз эскыссы, мый бара отлаынёсь, гортын* (Тимушев 1986: 39) ‘И обоим им не верилось, что опять вместе, дома’.

Союз *мый* может выступать в таких сложноподчиненных предложениях, в которых придаточная часть 1) характеризует член главного предложения или раскрывает его признак (определятельное придаточное) и 2) раскрывает способ или характер действия, а также меру или степень действия, признака, выраженного в главном предложении (придаточное образа действия, меры и степени) (СКЯ II: 205, 232). В учебнике по синтаксису коми языка в обоих случаях отмечается, что союз *мый* ‘что’ вносит в придаточное предложение оттенок следствия (СКЯ II: 205, 233). Тем не менее, на наш взгляд,

в обоих случаях придаточное имеет изъяснительный оттенок, напр.: 1) *Оз кӧсйы вунӧдны[кыдз] важся ӧбидасӧ, мый сйӧс ранитисны* (Раевский 1988: 107) ‘Не хочет забыть [береза], что ее ранили’, *А частӧ овлӧ и сӧдз, мый узьны водан арын, а асывнас чеччан тӧлын* (Там же: 9) ‘А часто бывает и так, что спать ложишься осенью, а утром встаешь зимой’; 2) *Кыскисны сы мында юр, мый лыбис кык ыджыд зорӧд* (Там же: 113) ‘Привезли столько копен, что получились два больших стога’, *Сэтийӧм асылыс гульд, / мый Муыслысь лов шысӧ кылан* (Бабин 1993: 36) ‘Утро такое гулкое, / что слышно дыханье Земли’.

Союз *ыштӧ* ‘что’ является вариантом русского союза *что* с его фонетическими изменениями. Союз *ыштӧ* сложился в разговорной, устной речи, о чем свидетельствуют наличие разных его форм в коми-зырянских диалектах и широкое ареальное употребление: вв. *ыштэ* (М.) ‘что’ (ВВД: 125); вс. *ыштӧ, што* (Кб.) ‘что’ (ВСД: 150); лл. *штӧ, ыштӧ* ‘что’ (ЛЛД: 110); иж. *ыштэ* ‘что’ (ИД: 112); вым. *ыштӧ, штӧ* ‘что’ (ВД: 163); уд. *штӧ* (Ваш.), *ыштӧ* (Венд.), *уштӧ, уштӧсы* (Мез.) ‘что, будто’ (УД: 99).

В диалектах коми языка союз *ыштӧ* может употребляться в сочетании с собственно коми союзом-аналогом *мый* ‘что’, функционирующим в литературном языке и во всех диалектах: скр. *мый ыштӧ* ‘что’ (ПСД: 187); *мый ыштӧ, ыштӧ мый* ‘что’ (ССКЗД: 230; НВД: 201; ВД: 163). *Мэ иг и думшылы, мый ыштӧ сйа воас* (Онеж.) ‘Я и не думал, что он придет’; *Абу и бардуйтлӧма н’инӧм, ыштӧ мый мам* (Онеж.) ‘Он и не догадался, что это мать (чья-либо)’ (ВД: 164).

В современном коми языке союз *ыштӧ*, получив широкий ареал употребления, закрепился в литературном языке и введен в нормативный словарь (КРК 2000) и научную грамматику (ӦКК 2000). Примеры: *Он мортыд чайтлы, ыштӧ сэтӧн овны кутан да сэтийӧмтӧ удж уджавны* (Юшков 1981: 24) ‘Человек заранее не может знать, что там-то жить будет и такую-то работу выполнять’; *Нянь колӧ! А няньсӧ буретш оз вай Сӧветыд, зэв эськӧ гӧль дор сулалысьӧн висьтасьӧ да. Быттӧ оз аддзы, ыштӧ кач сйӧны да пыкталӧны йӧзыс* (Там же: 32) ‘Хлеб нужен! А хлеб как раз Советы не везут, хотя очень бы сторонником бедноты считают себя. Будто не видят, что корой питаются и пухнут люди’.

Изъяснительные отношения могут выражать сравнительные союзы *быттӧ* ‘будто’, *быттӧкӧ, быттӧкӧнӧсь* ‘как будто, будто бы’. Они присоединяют изъяснительную придаточную часть, когда сообщается или мыслится (воспринимается) факт недостоверный, подвергающийся сомнению: *Дмитрийлы кажитчӧ, быттӧкӧ ӧтарӧ нин лолалӧ Сӧдздиныс, лолалӧ сӧдз жӧ сӧкыда, кыдзи, шуам, лыжник кузь дистанция котӧртӧм бӧрын финиш дорас воигӧн* (Напалков 1996: 18) ‘Дмитрию кажется, будто бы дер. Содздин уже не молодая (букв. дышит уже в одну сторону), дышит так же тяжело, как, скажем, лыжник при подходе к финишу после пробежки длинной дис-

танции»; *Висьтавлёны, быттьёкёньсь Максимлён батысь, Джыддж Ёгор, овмёдчылёма корём вылын* (Изьюров 1984: 59) ‘Говорят, будто бы отец Максима Джыддж Ёгор, нажился на попрошайничестве’.

Союз *кыдзи* (*кыдз*) ‘как’ присоединяет изъяснительную придаточную часть, когда изъясняемое слово в главной части имеет значение восприятия (*аддзыны* ‘видеть’, *тыдалё* ‘видно’, *гёгөрвоны* ‘понимать’, *казявны* ‘замечать’, *кывны* ‘слышать; ощущать; почувствовать’, *кылё* ‘слышно’, *тёдчё* ‘заметно’ и т.п. Союз *кыдзи* (*кыдз*) вносит в придаточную часть добавочный (по сравнению с союзом *мый* ‘что’) смысловой оттенок: не только сообщается о каком-то явлении, но и уточняется как оно происходит. Примеры: – *Мед бакёны [скётина], уджыс тай налён эштёма, – иуис Викень и пыр жё кылёс, кыдзи бёр вугьртисны сёлёмсё йирьыс думьясыс* (Торопов 1989: 12) ‘– Пусть мычат [скотина], делать им нечего, – сказал Викентий и сразу же почувствовал, как снова нагнали грызущие сердце мысли’; *Проня помнитё, кыдзи сийёс тёрыт нуёлдисны тюремной канцелярияё допрос вылё* (Федоров 1981: 317) ‘Проня помнит, как вчера его водили в тюремную канцелярию на допрос’.

В реализации изъяснительных отношений между главной и придаточной частями в сложноподчиненных предложениях может выступать союз *мед* (*медым*) ‘чтобы, чтоб’, при этом придаточное с союзом *мед* (*медым*) выражает ирреальную модальность объекта, который представляется желательным, возможным или необходимым: *Вёлёмкё, корлёмаёсь Мишельлысь батысё висксёветё, висьталёмаёсь, мед оз дзеблас эмбурсё* (Тимушев 1988: 17) ‘Оказывается, отца Мишеля вызывали в сельский совет, предупредили, чтобы не прятал имущество’; – *Вай юам сы вёсна, мед тайё гажыс дыр кежлё кольё мяян сёлёмё* (Напалков 1996: 14) ‘– Давай выпьем за то, чтобы этот праздник надолго остался в наших сердцах’; *Да ме эг и кёсий, медым казялас [нывка], меным сийё ёна кажитчис, но ме яндыси сыысь...* (Игнатов 1988: 21) ‘Да я и не хотел, чтобы заметила [девочка], мне она сильно нравилась, но я стеснялся ее...’. Союз *мед* (*медым*) употребляется также для присоединения определительного придаточного предложения к главному, при этом определительное придаточное имеет изъяснительный оттенок (СКЯ II: 208), напр.: *Сёдздинсё Дмитрий кёсий аддзыны эштиёмён, мед сийё ёвтис пёсь няньён да мёс вёра йёлён, лём дзоридзён да чай дука турунён; мед унджык на чужисны сэн выль Воваяс да Ираяс; мед ёчередьын сулалёсны йёзыс коми книгага, а эз вина-водкала; мед некод эз нин урёст Важ Эжвасё да Сёдзьюёс* (Напалков 1996: 18) ‘Дмитрий хочет видеть дер. Содздин таким, чтобы веяло оттуда ароматами горячего хлеба и парного молока, цветов черемухи и душистых чайных трав; чтобы еще больше родились там новые Вовы и Иры; чтобы в очереди люди стояли за коми книгами, а не винно-водочными изделиями; чтобы никто уже не загрязнял ни Старую Вычегду,

ни реку Содзью', *Да и аслас [Дмитрийлөн] абу көсйөмыс, мед мынтөдчыны сийө нальксыс* (Там же: 18) 'Да и у самого [Дмитрия] нет желания, чтобы освободиться от этой ловушки'.

Да. Союз *да* семантически не специализирован. В функции подчинения он локализуется в конце придаточной части, которая обычно располагается после главного предложения.

Исследователи затрудняются утверждать что-либо о времени появления предложений такого типа, поскольку нет древних письменных памятников устной спонтанной речи. Как отмечают М. Лейнонен и В.М. Лудыкова, в фольклорных текстах и художественной литературе начала XX в., союз *да* используется в конце предложения для выражения временных и причинных отношений (Лейнонен, Лудыкова 2001: 128).

Д.В. Бубрих одним из первых о подчинительном союзе *да* замечает, что "при перестановке может возникать изменение значения сочинительного союза: он может приобретать значение союза подчинительного: *Тайё книгасё ме лыддя да тэныд сета* 'Эту книгу я прочту и тебе дам'. Это предложение можно сконструировать так: *Тайё книгасё ме тэныд сета, лыддя да* 'Эту книгу я тебе дам, когда прочту'; *Поводдяыс таво бур вөлі да урожай воис бур* 'Погода в этом году хорошая была, и урожай получился хороший' возникает *Урожай воис бур, поводдяыс таво бур вөлі да* 'Урожай получился хороший, так как погода в этом году хорошая была'" (Бубрих 1949: 191). Перестановка союза *да* в примерах сопровождается перестановкой частей сложного предложения.

Исследователи заметили, что расположение союзов в конце одного из компонентов сложного предложения встречается только в восточном ареале финно-угорских языков. "Это наводит на размышление, что формирование вышеописанной структуры сложного предложения интенсифицировалось в результате контактирования с тюркскими языками, в которых также распространены сложные предложения, характеризующиеся союзами, занимающими замыкающее место в одном из предложений-компонентов" (Майтинская 1982: 88).

В современном коми языке в подчинительной функции союз *да* выражает *временные* и *причинные* отношения и стоит в конце придаточного предложения (ОКК: 497–498). 1) временные 'когда': *Гөтрасян да, бабаыд лоё ма, а мамыд ва* (посл.) 'Когда женишься, жена будет медом, а мать – водой', *А кымын во сайё нин кольёма сийё шуда кадыс! Ёнтё сьёлөмтё, мөвпыштан да* (Безносиков 1985: 145) 'А сколько лет уже прошло от того счастливого времени! Щемит сердце, когда вспомнишь'; 2) причинные 'потому что, так как': *Но ковмис сзсыя планшет вылад мөддджык сингысён видзөдлыны да думыштыны кызд-мый. Первойсё эз ладмы, нервничайтё да* (Игнатов 1988: 19) 'Но пришлось потом на планшет по-другому посмотреть и подумать как-

что. Вначале не получалось, так как нервничал’, *И луныс шодлана коли, тэч-свыны ветлі да* (Юшков 1988: 111) ‘И день незаметно прошел, потому что ходил скирдовать’.

В монографиях по верхневыхегодскому, присыктывкарскому, ижемскому, печорскому, удорскому диалектам также указываются два значения: временное и причинное (ВВД: 125; ПСД: 187; ИД: 112; ПД: 47; УД: 99); в верхнесыольском, лузско-летском, вымском диалектах – только причинное значение (ВСД: 150; ЛЛД: 110–111; ВД: 163–165); в монографии по среднесыольскому диалекту союз *да* в подчинительной функции не зафиксирован, в описании нижневыхегодского диалекта союзы не рассматриваются, отмечено лишь, что союзы в диалекте в основном те же, что и в остальных диалектах (НВД: 52).

3.2. Союзные слова

Помимо подчинительных союзов в выражении связи в сложноподчиненных предложениях между главным и придаточным предложениями могут участвовать *союзные слова*. Так называются местоименные слова, в которых совмещены свойства самостоятельной (знаменательной) и служебной частей речи. В отличие от союзов союзные слова входят в состав придаточного предложения в качестве одного из его членов. В качестве союзных слов в коми языке способны употребляться вопросительно-относительные местоименные слова (*кодi*, *код* ‘кто, который’, *мый* ‘что’, *кутишõм* ‘какой’, *кымын* ‘сколько’, *кымынõд* ‘который’, *мыйта* ‘сколько’) и местоименные наречия (*кõни* ‘где’, *кыти* ‘где, откуда’, *кытчõ* ‘куда’, *кытысь* ‘откуда’, *кор* ‘когда’, *кыдз(и)*, *кыдзыкõн* ‘как’, *мыйла* ‘почему’ и др. Употребляясь в роли союзов, вопросительные местоименные слова утрачивают вопросительное значение. Примеры: *Миян водзын сулалiс эз младшõй лейтенант, а олõма опытнõй морт, кодi майшасис сы вõсна, мый эз вермы сетны миянлы колана сõвет* (Лыпуров 1988: 121) ‘Перед нами стоял не младший лейтенант, а немолодой опытный человек, который волновался за то, что не мог дать нам нужный совет’; *Кõсийс уськõдны тõд вылас, кутишõм олõмыс сылõн [Ирина тьõtкалõн] вõли колхозын, кутишõма уджавлiс сэни* (Попов 1986: 52) ‘Хотела вспомнить, какова жизнь была у нее [тетки Ирины] в колхозе, как работала там’; *Сийõ [Лида] кõсийс тõдны, кыдзи, завуч ногõн, мунiс сылõн медводдза урокыс* (Попов 1986: 72) ‘Она [Лида] хотела знать, как, по мнению завуча, прошел ее первый урок’; *Быд мортлõн мышку саяс вõли килограмм кызы вита ноп, кõни куйлiс сёян, дозмук да мукõд пõлõс колантор: папирос, истõг, книга* (Игнатов 1988: 114) ‘У каждого человека за спиной был около двадцати пяти килограммовый рюкзак, где лежали еда, посуда и другие нужные вещи: папиросы, спички, книги’; *Сийõ [Носков] кыскис зепсыс каллян да мичаа*

вышивайтём табак кошель, **кытчө** вөлі гижёма “Курутчигад казътышт”, да кутис нюмъялгтырйи тэчны табаксө каллянас (Игнатов 1988: 20) ‘Он [Носков] вытащил из кармана трубку и красиво вышитый кисет для табака, где было написано “Закуривая, вспомни”, и, улыбаясь, начал набивать табаком трубку’; *На шөрті [видзьяс шөрті] чуклясис-муклясис неыдъжд ю, кытысь ми неважён Генакөд да Алексейкөд видлім кыйны чери* (Льноров 1988: 133) ‘По середине их [лугов] извилисто текла небольшая речка, откуда мы недавно с Геннадием и Алексеем пытались ловить рыбу’; *Помнита, кызди медводдзаясь бөрді ёна да дыр, кор фронт вывьянь бать гижис кыкнан кокас сьбкыда ранитчөм йылысь* (Игнатов 1988: 21) ‘Помню, как в первый раз плакал сильно и долго, когда с фронта отец написал о тяжелом ранении в ноги’.

Местоименные союзные слова (*коді* ‘кто, который’, *мый* ‘что’, *кутиём* ‘какой’) могут изменяться: иметь форму множественного числа, падежа. Так, в предложении *Романслөн шог кывьясыс паськалісны да воишсны сьбкыда вугралысь пуяс пөвстө, чужтісны шог мөвпяс, кодьяс чеплялөны сьблөмтө, гудралөны ловтө* (Льноров 1988: 108) ‘Грустные слова романса разнеслись и пропали между тяжело дремлющими деревьями, породили грустные мысли, которые щиплют сердце, щемят душу’ местоименное слово *кодьяс* ‘которые’ при помощи формы множественного числа связано с существительным *мөвпяс* ‘мысли’, принадлежащим главному предложению.

Падежная форма союзного слова устанавливается в зависимости от того, каким членом придаточного предложения оно является. Местоимения-существительные *коді*, *код* ‘кто, который’, *мый* ‘что’ могут употребляться с послелогоми. Союзные слова наречного происхождения не изменяются.

Союзное слово может выступать в роли подлежащего: *Ирина тётя вөлі сэтшиём ныббаба, коді вөчас кө мыйкө да вбчөмыс лөб неладнө, некор йдз вылө оз ыстысьлы, а век асьсө мыжявліс* (Попов 1986: 52) ‘Тетя Ирина была такой женщиной, которая если сделает что-нибудь и сделанное получится неладно, никогда не будет кивать на людей, а всегда обвинит себя’; дополнения: *Митдинов да Чёрный виччясьбөны, мый ме шуа* (Игнатов 1988: 21) ‘Митдинов и Чёрный ждут, что я скажу’; *Но код төдас на, мыйдн эськө помасис водзёса лөгалөмыс тайө, эз кө арнас Зоя мун велөдчыны институтас* (Юшков 1988: 24) ‘Но кто еще знает, чем бы закончилась эта взаимная обида, если бы осенью Зоя не уехала учиться в институт’; обстоятельства: *Паськыд ордым петкөдіс нөрыс йылө, код сайын вольсыштчөмны пуктытөм видзьяс* (Льноров 1988: 133) ‘Широкая тропа вывела на возвышенность, за которой разрослись нескошенные луга’.

В придаточном предложении возможно одновременное употребление двух союзных слов, напр.: *Медводдзаясь колө индавын йөзлы, кодьяс ыдъжджыкось арлыднас, кызди да мый ковмас вөчны* (Игнатов 1988: 21) ‘Впервые нужно указывать людям, которые старше возрастом, как и что придется делать’.

3.3. Разграничение подчинительных союзов и союзных слов

Проблема разграничения союзов и союзных слов и на современном этапе составляет определенную трудность. В языке сосуществуют некоторые относительные слова и омонимичные им союзы местоименного происхождения: *мый* 'что' / *мый* 'что', *мыйён* 'чем' / *мыйён* 'как только', *кор* 'когда' / *кор* 'когда', *кыдз*, *кыдзи*, *кыдзыкён* 'как' / *кыдз*, *кыдзи*, *кыдзыкён* 'как'.

Разграничение местоименных скреп (союзных слов) и союзов *мый* 'что' / *мый* 'что', *мыйён* 'чем' / *мыйён* 'как только' затруднений обычно не вызывают. Союзное слово *кыдз*, *кыдзи* 'как' и союз *кыдз*, *кыдзи* 'как' труднее всего дифференцировать в изъяснительных конструкциях. Сравним: 1) ..., *a гашкё и, ачым на вола видзёдыны, кыдзи уджыд мунны кутас* (Игнатов 1988: 19) '..., а может и, сам еще приду посмотреть, как будет идти работа', 2) *Уджалгад ме эг казявы, кыдзи енэжас артмёмайсь гырысьджык кымёрьяс да и вель уна* (Там же: 23) 'Работая, я не заметил, как на небе образовались облака покрупнее да и довольно много'. В первом предложении *кыдзи* 'как' является союзным словом, которое показывает, что в содержании придаточного предложения в центре внимания стоит указание на способ действия, и в составе придаточного предложения выполняет функцию обстоятельства. Во втором предложении *кыдзи* 'как' выступает в функции союза. По своему значению такие предложения близки к конструкциям с союзом *мый* 'что' (выражают реальный объект) и отличаются от последних оттенком качественно-обстоятельного значения, которое всегда присутствует в союзе *кыдз*, *кыдзи* 'как' и затрудняет его отграничением местоименного наречия *кыдз*, *кыдзи* 'как'.

Трудно оценить и скрепу *кор* 'когда'. В сложноподчиненных предложениях с придаточным времени *кор* 'когда' обычно трактуется как союзное слово (СКЯ 1967: 219–223; Лудыкова 1995: 42). Сравним: 1) *Медводдзайсь, кор меным тырис вит арёс, батьё сетіс кид гудок* (Игнатов 1988: 21) 'В первый раз, когда мне исполнилось пять лет, отец дал мне в руки гармошку', 2) ... *он өд, буракё, восьлав ас шодийён, кор кузялайс розь жервидзё да корёг торвидзё, кор сыысь и видзчысьны колё, дугдывтёг гогыявны, медым он коньясь кытчёкё либё кокто мургыльт* (Юшков 1988: 4) '... ведь не будешь, наверно, шагать свободно, когда вдоль зияют отверстия и торчат комья, когда того и нужно остерегаться, постоянно озираться, чтобы не споткнуться где-нибудь либо ногу не подвернуть'. В первом предложении *кор* 'когда' является союзным словом и выполняет функцию обстоятельства времени, во втором предложении *кор* 'когда' такой функции не имеет и является союзом, выражающим условно-временное значение.

В разграничении союзных слов и союзов заметную роль играют следующие факторы: 1) союзные слова, входя в состав придаточного предло-

жения, выступают в качестве одного из его членов, как и любой другой член предложения, они произносятся с ударением, а односложные союзные слова *мый, кыдз(и)* выделяются обычно и логическим ударением, чтобы их отделить от похожих на них союзов; 2) союзы, как правило, не являются носителями логического ударения, и этим отличаются от союзных слов; поэтому в устной речи разрядке соответствует эмфазовая интонация.

Заканчивая краткий обзор подчинительных союзов и союзных слов, сделаем некоторые выводы.

1. Подчинительные союзы в коми языке получили свое развитие за счет: 1) внутренних языковых ресурсов, путем перехода других частей речи в союз – чаще местоимений, местоименных наречий, частиц; 2) заимствования из русского языка; 3) калькирования русских конструкций.

Сущность перехода отдельных форм полнозначных слов (или сочетаний этих форм) в союзы состоит в том, что они утрачивают грамматические признаки, присущие соответствующим частям речи, и приобретают грамматические признаки, типичные для слов, принадлежащих к разряду союзов. Кроме корневых элементов в подчинительных союзах могут выделяться суффиксальные элементы – падежные форманты, содержащиеся в словах, на основе которых формировались союзы (*кытч + -ӧдз* ‘пока’, *мый + -ла* ‘потому что, оттого что’, *мый + -ӧн* ‘как только’). В состав большинства сложных (или составных) союзов в коми языке входят компоненты местоименного происхождения (*кодыр* ‘когда’, *кыдз сӧмын* ‘как только’, *мыйӧн сӧмын* ‘как только’, *сы вӧсна мый* ‘потому что’, *сы понда мый* ‘потому что и др.’).

2. Среди подчинительных союзов коми языка обнаруживаются заимствованные союзы из русского языка, большинство из которых в процессе заимствования претерпели определенные фонетические изменения. Таковыми будут: *пока* ‘пока’, *кӧть* ‘хотя’, *быттьӧ* ‘будто’, *ыштӧ* ‘что’, *ыштӧкӧ* ‘как будто; точно; словно’ и др. Значения и функции заимствованных союзов в языке-рецепторе в основном те же, что и в языке-реципиенте.

Встречаются также частичные заимствования: одна часть союза представляет компонент русского союза, другая часть – исконное коми слово. Таковыми союзами будут: *быттьӧкӧ* ‘как будто, будто бы; словно’ (< русск. *быттьӧ* ‘будто, как будто; точно, словно; как’ + к. *кӧ* ‘если’), *ыштӧкӧ* ‘будто, как будто; словно’ (< русск. *ыштӧ* ‘что’ + к. *кӧ* ‘если’) и др.

3. Исследованный материал показал, что одни подчинительные союзы распространены широко, другие встречаются значительно реже, а некоторые – чрезвычайно редко (*кодыр* ‘когда’, *лӧка* ‘потому что, так как’, *сы вылӧ видзӧдтӧг мый* ‘несмотря на то, что’), притом часто в единичных говорах (иж. *ди* ‘и, да и; так как’; уд. *с’и, сы, с’ик, с’ик* ‘если, коли’). В коми-зырянских диалектах (вым., иж., лл., уд.) употребляются устаревшие, имеющие просто-

речную окраску, характерные для синтаксиса сложного предложения в севернорусских говорах, союзы *ежели, коли, так (дак)*. В литературном коми языке они не укрепились. Наиболее употребительные в языке следующие союзы: *кор, кыдз, кӧ, мед(медым), мый*, которые в сложноподчиненных конструкциях выражают более общие отношения, т.е. с и н т а к с и ч е с к и е.

4. Наряду с подчинительными союзами мы выделили *союзные слова*, хотя вторые являются самостоятельными словами и входят в состав придаточного предложения в качестве одного из его членов предложения. Тем не менее союзные слова, как и подчинительные союзы, организуют сложноподчиненное предложение: служат для связи придаточного предложения с главным, указывая при этом на зависимость придаточной части от главной, а также для выражения грамматических отношений между ними, т.е. выполняют такую же функцию, что и подчинительные союзы.

ЧАСТИЦЫ И СОЮЗНЫЕ СОЕДИНЕНИЯ КАК ПОКАЗАТЕЛИ СВЯЗИ В КОМИ ЯЗЫКЕ

В современном коми языке пополнение союзных средств за счет других частей речи является живым и активным процессом, что ведет к значительному увеличению корпуса союзных средств. Нельзя сказать, что в современном состоянии языка их выделение уже завершено. Они выделяются постепенно, по мере усложнения языкового строя.

Много слов находится в состоянии перестройки, формирования не только новых союзов, но и их новых типов. В результате многие единицы находятся на пути перехода из одного разряда в другой. Генетическая связь многих союзов (*кор* 'когда', *кыдз(и)* 'как', *кытчӧдз* 'пока', *сэсся* 'затем, потом' и т.д.) с местоименными словами и особенно с наречиями непосредственно очевидна.

Слияние союзов с уточняющими их частицами, теряющими знаменательность словами, втягивающимися в сферу выражения отношений между событиями, является активным процессом не только в коми языке, но и в языках разных систем.

Кроме того, есть немало переходных слов и выражений, совмещающих значения союзов со значениями других грамматических категорий.

В процессе работы над союзными средствами в синтаксических конструкциях автор не могла не обратить внимания на то, что в коми языке есть немало показателей связи, функционально сближающихся с союзами и заслуживающих специального изучения. Интересующая нас проблема относится к числу не- изученных.

В данной главе не ставится цель представить подробное описание показателей связи, функционально сближающихся с союзами, т. к. для достижения этой цели необходимо выполнить крупное самостоятельное исследование. В качестве предварительных замечаний представляется уместным кратко осветить вопрос о некоторых типах показателей связи в коми языке и обратить внимание на те характерные трудности, с которыми сталкиваются лингвисты при попытке определить границы союзных средств современного коми языка.

М.И. Черемисина и Т.А. Колосова условно делят эти трудности на субъективные и объективные: "Субъективные трудности связаны с различными теоретическими интерпретациями определенных, относительно неизмен-

ных фактов. Объективные трудности обусловлены тем, что общее множество скреп на современном этапе развития <> языка находится в состоянии перестройки; в него активно втягиваются живые формы, отрывающиеся и в разной мере оторвавшиеся уже от соответствующих частей речи, закрепляющиеся в составе разного рода сочетаний” (Черемисина, Колосова 1987: 125).

4.1. Частицы как показатели связи в коми языке

Исследование показало, что показателями связи между синтаксически единицами могут быть не только союзы и союзные слова, но и частицы определенной семантики. Помимо принятых “союзных частиц” в коми языке (Подорова 1954: 11; СКЯ I: 283; ÖKK: 515–516) в функции союзных средств могут выступать также усилительно-выделительные, выделительно-ограничительные, некоторые модальные частицы, способные реализовать различные грамматические отношения в синтаксических конструкциях между соединяемыми компонентами: однородными членами, частями предложения в структуре высказывания, предикативными частями в сложных предложениях, отдельными предложениями в тексте.

Выполнение частицами союзной функции рассматривается в работах многих финно-угроведов (Серебренников 1967: 256; ГМЯ 1980: 393; Иванова 1984: 37–38; Майгинская 1982: 90; Ерина 1997: 37–72; ПСД: 183; Попова 2012: 168–172 и др.).

Квалификацию “союзных частиц” в коми языке получили присоединительные частицы, которые “соединяют различные синтаксически разъединенные единицы, устанавливая между ними смысловую связь” (Подорова 1954: 11; СКЯ I: 283; ÖKK: 515–516).

Как “заместители союзов” могут использоваться частицы-синонимы *усилительной* семантики с оттенком эмоциональности *весиг/весигтö, быдöн/быдсöн* ‘даже’, которым также характерна выделительная функция. Этот синонимический ряд можно дополнить частицей *вийöдз/вийöдзтö*, образованной на базе собственно коми языка, и заимствованной из русского частицей *дажö* ‘даже’, однако, они здесь не рассматриваются из-за того, что употребляются редко.

В грамматике коми языка 1955 г. слово *весиг* ‘даже’ рассматривается в разделе служебных слов в системе союзов и частиц. Квалифицируется как усилительно-ограничительная частица и как сочинительный союз, но при этом не указывается, какую семантическую группу союзов составляет (СКЯ I: 271, 277). *Быдöн / быдсöн* как служебная единица не получила отражения. В последней научной грамматике (2000) и “Коми-русском словаре” (2000) *весиг/весигтö, быдöн/быдсöн* подаются как усилительные частицы (ÖKK: 508–509; КРК: 72, 94).

Частицы *весиг/весигтö*, *быдöн/быдсöн* ‘даже’ служат для усиления и выделения смысла отдельного слова или предложения в целом, придавая им большую выразительность и убедительность, и могут относиться к любому слову в предложении.

Частицы *весиг/весигтö*, *быдöн/быдсöн* кроме своей основной функции могут выполнять союзную функцию и выражать грамматические отношения между синтаксическими единицами. Основанием тому стало сочетание усилительной функции с союзным значением. В.В. Виноградов отмечал, что А.М. Пешковским было сделано очень тонкое замечание о связи некоторых “первообразных” усилительных частиц с союзами: “Самая усилительность их, по существу дела, сближает их с союзами: всякое усиление выступает всегда на фоне чего-то неусиленного, а этот фон дается (или предполагается в предыдущей речи)” (Виноградов 1972: 522–523).

В силу своего акцентирующего свойства, частица *весиг/весигтö* способна выражать градационные отношения между однородными членами предложения (частицу *быдöн/быдсöн* в аналогичной функции обнаружить не удалось), напр.: *Тусова нинöм эз шу, ышловзис, петис машинаысь кага мездорнас, **весиг** пасибö эз гöгөрво шуны шудтöм шоферлы* (Попов 1986: 75) ‘Тусова ничего не сказала, вздохнула, вышла из машины с ребенком на руках, даже спасибо не догадалась сказать несчастному шоферу’; *Кор сийö [Симьён] приметилис нин тайö ышöдана местасö, **весигтö** карандашиөн пасйöдьяс вöчавлис, но алиаа краскаиñ гижны эз на удайтчыв* (Безноси-ков 1985: 144) ‘Когда он [Симьён] заметил уже это привлекательное место, даже делал наброски карандашом, но писать масляной краской пока не удавалось’; *Помланьыс Исанев ошкышитис кодсюрöбс вөрпункт нимсянь, **весигтö** стахановецөн ыджöддлис, тиöтти и Кальö Коляöс да Елисаöс* (Юшков 1988: 130) ‘К концу Исанев похвалил кое-кого от имени лесопункта, даже назвал стахановцами, и Кале Коллю и Елису тоже’. Частица *весиг / весигтö* в приведенных предложениях акцентирует однородные сказуемые: *эз гöгөрво шуны* ‘не догадалась сказать’, *вöчавлис* ‘делал’, *ыджöддлис* ‘назвал’, проявляя тем самым “союзность”.

Частицы *весиг / весигтö*, *быдöн / быдсöн* могут выступать показателем присоединительного значения между частями предложения, когда какая-то часть в структуре высказывания в виде дополнительной информации прикрепляется к основному высказыванию: — ... *Сэни öд шонтысьнытö некöн, **весиг** куритчыны оз позь. ...* (Льноров 1988: 159) ‘— ... Там ведь погреться негде, даже курить нельзя. ...’; *Невыдждьид тушаа [Бойко], и пельпомьясыс абу паськыдöсь, и тош оз новлы, **весиг** гöрдөв юрсиа и быдтор* (Игнатов 1988: 126) ‘Невысокого роста [Бойко], и плечи неширокие, и бороду не носит, даже волосы красноватые и тому подобное’. При реализации присоединительных отношений частицы *весиг / весигтö*, *быдöн / быдсöн* могут занимать пози-

цию в конце прикрепляемой части: *Калиса эз виччысь тайё паныдасьёмсё, дрөгнитис весиг* ... (Безносиков 1973: 28) ‘Калиса не ожидала этой встречи, вздрогнула даже’, *Варукыд веськыда пузис, тишөкмунлис быдён* (Там же: 126) ‘Варук прямо всплыла, поперхнулась даже’.

Частицы *весиг / весигтё, быдён / быдсён* могут употребляться как союзные средства в сложных предложениях сочинительного ряда и между его частями выражать присоединительно-пояснительные отношения, когда второе предложение, как добавочное сообщение, поясняет предыдущее. Примеры: *Ыеласё быттьё пелькёдёма праздникяс кежлө, весиг йёлёга кылө* (Льноров 1988: 11) ‘На улице будто бы прибрано к праздникам, даже эхо отдается’; *Енэжыс посьныдик кымөрсь нин, но шондйис шонтё бура, весиг неуна ёнджыка сыысь, мыйта эськө вөлі колө* (Игнатов 1988: 22) ‘На небе уже маленькие облака, но солнце греет хорошо, даже немного больше того, сколько бы нужно было’; *Либө чукчи, либө тар кыпөдчас, оз татчөс байдөг лэбзьём шы кодь кыв – вöрыс чуймывлө быдён* (Там же: 19) ‘Или глухарь, или тетерев поднимется, звук, не похожий на звук полета здешней куропатки – даже лес замирает от удивления’; – ... *Топыда курччис [Нешумов] пиньяссө, быдён черлыясыс чургөдчисны, думыштчис*. ... (Попов 1986: 87) ‘... Крепко стиснул [Нешумов] зубы, даже челюсти выступили, задумался. ...’.

Следует отметить, что с помощью частицы *весиг* в предложении между его частями могут выражаться отношения общего и частного: *Борис ас кежас мыйкө век думайтё, думайтё, а Иван Григорьевич, сы вылө видзөдёмён, тишөти: весиг Лена дорөдз кыв-мөдөн сөмын и шыасьлө* (Игнатов 1988: 151) ‘Борис про себя что-то все думает, думает, а Иван Григорьевич, глядя на него, тоже: даже к Лене лишь несколькими словами обращается’.

Частица *весиг* ‘даже’ может выполнять роль союза в сложноподчиненных предложениях, в которых придаточное раскрывает образ действия, меру или степень действия или признака, выраженного в главном предложении. Такие придаточные соединяются с главным посредством союза *мый* ‘что’, а главное предложение не закончено и содержит соотносительное местоимение (СКЯ II: 232–233). Иногда в таких предложениях синтаксическую функцию союза *мый* ‘что’ способна выполнять частица *весиг* ‘даже’, напр.: – *Пбчө, көдзыд ванад, колөкө, юктав, а то эштишма кынбөй сямалө, весиг войсө узьны некөн!* – *здоровайтчөм пыдди Симаковлөн шмонь артмис да со сувтовкерис дзирья-калитка дорас...* (Безносиков 1985: 136) ‘– Бабушка, холодной водой, может быть, напоишь, а то так кушать хочется, даже ночевать негде! – вместо того, чтобы поздороваться, Симаков пошутил и приостановился возле калитки...’.

Частицу *быдён / быдсён* ‘даже’ следует различить от обобщительно-распределительного местоимения *быдён / быдсён* ‘все; каждый’ (в начальной форме), от которого она сформировалась и которое в предложении выпол-

няет в основном функцию подлежащего. Например, в предложении *Быдён нюмдöмдöсь, быттьö Петров-Сидоров тöдiс думъянысö да висъталис кöсийöмнысö* (Игнатов 1988: 26) ‘Все улыбались, будто Петров–Сидоров знал их мысли и высказал их желание’ лексема *быдён* является местоимением и выполняет функцию подлежащего. Существенным признаком, отличающим частицы от знаменательных слов, является отсутствие у первой самостоятельного лексического значения. Следовательно, частицы не могут быть членами предложения. В устной речи разграничению местоимения и частицы способствует эмфазовая интонация.

Функцию союза могут выполнять частицы *выделительно-ограничительной* семантики, которые логически выделяют слова или словосочетания, а также целые предложения в высказывании и указывают на то, что предмет, действие или явление проявляется ограниченно, до каких-то пределов, т.е. не больше того, что показано тем словом, словосочетанием или предложением, к которому они относятся.

К частицам с выделительно-ограничительной семантикой в коми-языке относятся: *көть* ‘хоть’, *куш* ‘только’, *медтыкö* ‘лишь бы’, *тыкö* ‘лишь, только’, *сöмын* ‘только’, *толыкö* ‘только’ (ÖКК: 508). Для рассмотрения мы берем частицы *медтыкö* ‘лишь бы’ и *сöмын* ‘только’, так как остальные частицы в функции союзного средства, подобно частицам усилительной семантики *вийöдз / вийöдзтö, дажö* ‘даже’, выступают редко.

Частица *медтыкö* ‘лишь бы’ и *сöмын* ‘лишь только’ в синтаксических конструкциях способны проявлять семантику *исключения*, функционировать наравне с сочинительными союзами и оформлять специфические синтаксические отношения, которые невозможно выразить с помощью союза, напр.: *Медтыкö аслас уджыс вöли бур, медтыкö ачыс йöз водзын нинöмön лөкöн эз нет* (Изьуров 1984: 73) ‘Лишь бы своя работа была хорошая, лишь бы сам перед людьми ничем плохим не проявил себя’; *Ставыс нин вöли дась, сöмын прöскурня абу сюрöма* (Безносиков 1973: 115) ‘Все уже было готово, только лишь просвирня не нашлась’; *А войыс! Сэзь, кöдзыд, кодзувьяса, сöмын тöлысьтöм* (Льноров 1988: 159) ‘А ночь то! Безоблачная, холодная, звездная, только лишь безлунная’.

Частицы *медтыкö* ‘лишь бы’ и *сöмын* ‘только’ способны выразить *присоединительные* отношения в структуре простого предложения между его частями, сложного предложения между предикативными частями и между отдельными предложениями, напр.: *Но немтор, велалан да, позьö тай овны и син пöлön, мукöдлатi кö лючки да ён. Медтыкö дзоньнас олöмыс лючки да лада вöли-а. Медтыкö олöм-уджалöмсьыс мырдысьöн эз падмöдны-а* (Торопов 1989: 11) ‘Но ничего, привыкнешь, и можно, оказывается, жить и с одним глазом, если другие органы здоровые. Лишь бы жизнь в целом была благополучной и порядочной. Лишь бы жить и работать насильно не меша-

ли»; *Пыж увдорё быйкнитіс сувтса синъяса тюлень [Оксен], сѡмын усъяс оз тырмыны* (Безносиков 1973: 94) 'Под лодку нырнул тюлень [Оксен] с испуганными глазами, только усов не хватает'.

Как показывают материалы исследования, частица *сѡмын* 'только (но, однако)' в сочинительных конструкциях может выполнять роль противительного союза, напр.: *Руѡн пѡлясьысь еджыд самѡварыс рѡмпѡштан моз нерис чай юысьясѡс. Мый вѡчѡ Прокопей, сійѡ жѡ артмѡ самѡвар вылас, сѡмын тешкодъджыка...* (Юхнин 1983: 117) 'Пышущий паром белый самовар, подобно зеркалу, дразнил пьющих чай. Что делает Прокопей, то же получается на самоваре, только смешнее...'; *Дзырыда на локтіс сылѡн [шондѡлѡн] кызсьыв югѡрыс, сѡмын инмана шоныдсѡ эз нин вай* (Юшков 1988: 3) 'Ярко еще сверкали его [солнца] лучи, только тепла уже не приносили'. Функционально и семантически близка (на первый взгляд даже кажется синонимична) союзу *но*, однако, говорить о семантической близости частицы *сѡмын* и союзу *но* не следует. Во-первых, если с союзом *но* решающим для описываемой ситуации является второй компонент, то с частицей *сѡмын* – наоборот: более значимым является первый компонент конструкции; во-вторых, конструкция с союзом *но* допускает (с соответствующим изменением в значении) перестановку частей, а конструкция с *сѡмын* – не допускает. Ср.:

Поводдяыс шоныд, но зэра 'Погода теплая, но дождливая'.

Поводдяыс шоныд, сѡмын зэра 'Погода теплая, только дождливая'.

Можно сказать: *Поводдяыс зэра, но шоныд* 'Погода дождливая, но теплая', и, видимо, нельзя сказать: *Поводдяыс зэра, сѡмын шоныд* 'Погода дождливая, только теплая'.

Основными факторами, способствующими выражать отношения противопоставления между синтаксическими единицами в сочинительных конструкциях, являются: 1) значение препятствующего ограничения, которое содержит частица *сѡмын*; 2) место в сочинительной конструкции: частица *сѡмын* должна занимать инициальную позицию.

Функцию показателей связи могут принимать и замещать союзные скрепы некоторые модальные частицы и сочетания, напр.: *зэв нин* 'особенно', *торйѡн нин* 'особенно', *медводз* 'в первую очередь', *сідзкѡ* 'значит' и др.. Каждый из этих аналогов модифицирует соединительное значение в соответствии со своей лексической семантикой. Сообщаемое во второй части подается в виде примечания к сказанному, служит уточняющим пояснением или поправкой к предшествующей части. Примеры: *Вѡлі сентябрь шѡр. Зэръяс бѡрын сувтіс мича поводдя. Бурети вотчан кад. Лѡсьыд татшѡм каднас вѡрын, торйѡн нин расьясын* (Лыжов 1988: 94) 'Была середина сентября. После дождей установилась хорошая погода. Как раз время собирать грибы и ягоды. Приятно в такую пору в лесу, особенно в рощах'; *Тайѡ кадсѡ [ужин бѡрса] медья ёна радейтлісны полевѡй госпитальса йѡз, торйѡн нин*

кокньыда ранитчӧмъяс (Там же: 132) ‘Это время [после ужина] больше всего нравился людям полевой госпитали, особенно легкораненым’.

Исследование подтверждает, что рассмотренные нами частицы способны выполнять союзную функцию, оформляя синтаксические отношения между однородными членами предложения, между частями предложения, между предикативными частями сложного предложения, между отдельными предложениями, а также выступать при этом в своей основной функции – в функции частицы, не теряя своих свойств. Нужно отметить, что связующая функция реализуется рассмотренными нами частицами в том случае, если они занимают инициальную позицию, а иногда постпозицию после прикрепляемой части. В постпозитивном положении они могут выражать только присоединительные отношения. В интерпозиции они теряют связующую функцию. В русском языке Е.А. Стародумова выделяет еще один фактор, способствующий выполнению частицами союзной функции: частицы должны употребляться самостоятельно, без союза (Стародумова 1980: 51–52).

Союзы слабо противопоставлены частицам, функционирующим как средство связи между синтаксическими единицами. Как оценить функцию таких слов в предложении?

А.Б. Шапиро их не рассматривает как союзы, а именует частицами по тем причинам, что: 1) они, служащие для выражения отношений между предложениями, выполняют лишь вспомогательную роль: усиливают, иногда уточняют то отношение между предложениями, которое в основном выражено другими средствами < > между тем как союзы служат основным средством выражения отношений между предложениями; 2) они отличаются значительной подвижностью и занимают в предложении место в зависимости от того, где стоит тот член предложения, к которому они примыкают по смыслу, между тем как союзы всегда помещаются в начале предложения; 3) они всегда неударяемы (проклитичны или энклитичны) (Шапиро 1953: 59–60).

А.Ф. Прияткина считает необходимым строго разграничивать союзы и частицы, которые, хотя и выступают в связующей, т. е. союзной функции, союзами при этом не становятся. Ссылка на А.Ф. Прияткину по (Черемисина, Колосова 1987: 99).

В данном случае перед нами показатели связи, функционально сближающиеся с союзами. Однако мы не должны отождествлять показатели связи с союзами, поскольку “отождествление показателей связи с союзами существенно искажает действительную картину. Союзы противопоставляются и союзным словам, и частицам, и соотносительным словам (коррелятам), и целому ряду других показателей связи” (Черемисина, Колосова 1987: 18).

Однако общепринятой теории по данной проблеме пока не существует. Одной из причин разногласий являются расхождения в интерпретации языковедами природы показателей связи.

4.2. Многокомпонентные показатели связи

При изучении составных союзов возникают трудности в установлении статуса сочетаний, выполняющих союзную функцию. В лингвистической литературе наметилась тенденция включать в состав союзов, часто неоправданно, любые относительно устойчивые сочетания, выступающие в функции союза.

4.2.1. Союзные соединения с конкретизаторами и квалификаторами

Часто в коми языке основные (“базовые”) союзы (*и, да, а, но, либб, кор, кӧть* и др.) образуют сочетания с местоимениями, наречиями и частицами, чаще с наречиями и частицами. Такими соединениями могут быть: *и сэсса* ‘и затем’, *и сы вӧсна* ‘и потому’, *и сійӧн* ‘и потому’, *и та вӧсна* ‘и поэтому’, *и весиг* ‘и даже’, *и век жӧ* ‘и все же’, *да сы вӧсна* ‘и поэтому’, *да весиг* ‘и даже’, *да сӧмын* ‘да (но) только’, *а сӧмын* ‘а только’, *а сэсса* ‘а затем’, *а вермас лоны* ‘а может быть’, *а сідзкӧ* ‘а значит’, *но ӧд* ‘но ведь’, *но сӧмын* ‘но только’, *но век жӧ* ‘но все же’, *кор весиг* ‘когда даже’, *кор ӧд* ‘когда ведь’, *кор эськӧ* ‘когда бы’, *кӧть весиг* ‘хоть даже’, *кӧть эськӧ* ‘хотя и’ и т. д. Примеры: *Ӧльбксанлӧн батъыс дӧвеч, мамыс кувсьылӧма водз, ӧтка пиыскӧд и оліс, эз весиг гӧтрасьлы выльысьсӧ, тыдалӧ, ёна радейтлӧма гӧтырсӧ, а сэсса сійӧ радейтӧмыс вуджӧма ӧтка пиыс вылӧ* (Льюров 1988: 42) ‘Отец у Олександы вдовец, мать умерла рано, с единственным сыном и жил, не женился даже по новой, видать, сильно любил жену, а затем эта любовь перешла на единственного сына’; *Но Гена эз кывзысь менсьым, нуӧдіс эз нӧльнан отделениесӧ, а сӧмын кыкӧс* (Там же: 159) ‘Но Гена не послушался меня, повел не все четыре отделения, а только два’; *Ачыс [Петров-Сидоров] том на, сӧстӧм шыльыд чужӧма, весиг кажитчӧ вӧлі, мый быттьӧкӧ мортъыс нӧйтчыдысь на абу и бритчывлӧма, кӧть эськӧ комын гӧгӧр арӧса нин* (Игнатов 1988: 15) ‘Сам [Петров-Сидоров] еще молодой, с чистым гладким лицом, даже казалось, что будто бы человек ни разу еще не брился, хотя и около тридцати лет уже возрастом’.

Вопрос о подобных сочетаниях в коми языке не рассматривался. Подобные сочетания авторами “Русской грамматики” (1980) характеризуются как *союзные соединения с конкретизаторами* и комментируются следующим образом: “По отношению к сочинительным союзам семантически дифференцирующую функцию часто выполняют специальные конкретизаторы, т. е. слова и словосочетания, которые подключаются к союзу и уточняют его значение”. Авторы “Русской грамматики” говорят о конкретизаторах и при подчинительных союзах: “Типичным способом конкретизации подчинительных союзов является их соединение с предложными сочетаниями: *после того как, ввиду того что, несмотря на то что, вопреки тому что, не в при-*

мер тому как, подобно тому как; в результате такого соединения образуется составной союз” (Т. I: 714). Однако М.И. Черемисина и Т.А. Колосова в подобных сочетаниях видят скрепы существенно иного типа – одноместные многокомпонентные, которые называют союзными единствами.

Термин “союзные соединения” с конкретизаторами М.И. Черемисина и Т.А. Колосова закрепили за теми одноместными скрепами, “структура которых определяется как относительно свободное соединение: простого союза (сочинительного: *и, а, но, да, или*) и уточнителя – конкретизатора либо квалификатора”. Далее исследователи приходят к выводу, что с конкретизаторами сочетаются и подчинительные союзы. “При этом конкретизатор может предшествовать союзу или компоненту союза” (Черемисина, Колосова 1987: 148–149; 153).

Какова роль конкретизаторов в составе союзных соединений, и следует ли считать подобные соединения целостными союзными средствами (скрепами)?

Для рассмотрения возьмем построения с сочетаниями *и та вѣсна* ‘и поэтому’, *да та вѣсна* ‘и поэтому’, *да сійѡн* ‘и потому’, *и век жѡ* ‘и все же’, *да век жѡ* ‘и все же’. В предложениях: *Тѡвру оз ыркнит, и та вѣсна бусыс зѡв дыр оз пуксы* (Тимин 1990: 52) ‘Ветерок не подует, и поэтому пыль очень долго не садится’, *Кадысь кадѡ вом дорьясѡдыс вуджѡртлѡ нюм, да та вѣсна думайтсѡ, мый сълѡн [Черныйлѡн] юрас пыр жуѡны скѡр мѡвпяс* (Игнатов 1988: 22) ‘Время от времени возле губ промелькает улыбка, и поэтому думается, что у него [Черного] в голове постоянно роятся злые мысли’, *Бѡшловзис [Ирина]: тѡв ылылн ѡні оз овлы, да сійѡн татшѡм чужѡмѡй* (Попов 1986: 51) ‘Вздохнула [Ирина]: на ветру теперь не бываю, и потому лицо такое’ можно элиминировать любой из контактирующих компонентов и оставшийся передает, несколько упрощенно, но те же отношения, поскольку в сочетании *и ‘и’* и *та вѣсна* ‘поэтому’, *да ‘и’* и *та вѣсна* ‘поэтому’, *да ‘и’* и *сійѡн* ‘потому’ компоненты находятя в отношениях семантического согласования: *Тѡвру оз ыркнит, и бусыс зѡв дыр оз пуксы / ... та вѣсна бусыс зѡв дыр оз пуксы* ‘Ветерок не подует, и пыль очень долго не садится / ... поэтому пыль очень долго не садится’, *Кадысь кадѡ вом дорьясѡдыс вуджѡртлѡ нюм, да думайтсѡ, мый сълѡн [Черныйлѡн] юрас пыр жуѡны скѡр мѡвпяс / ... та вѣсна думайтсѡ, мый сълѡн [Черныйлѡн] юрас пыр жуѡны скѡр мѡвпяс* ‘Время от времени возле губ промелькает улыбка, и думается, что у него [Черного] в голове постоянно роятся злые мысли / ... поэтому думается, что у него [Черного] в голове постоянно роятся злые мысли’, *Бѡшловзис [Ирина]: тѡв ылылн ѡні оз овлы, да татшѡм чужѡмѡй / ... сійѡн татшѡм чужѡмѡй* ‘Вздохнула [Ирина]: на ветру теперь не бываю, и такое лицо / ... потому такое лицо’.

В сочетаниях *и век жё* ‘и все же’, *да век жё* ‘и все же’ между сочинительным союзом и последующим компонентом-наполнителем семантического соответствия нет. Например, в построениях с сочетанием союза *и* ‘и’ с конкретизатором *век жё* ‘все же’, при устранении союза или конкретизатора получается иной результат. Например, в предложении *Уна фашистской танк лои жугодёма, и век жё ми этиа верним мунны водзё* (Осипов 1979: 7) ‘Много фашистских танков удалось уничтожить, и все же нам мало удалось продвинуться вперед’, устранив союз *и*, мы обедняем содержание мысли, но фраза остается осмысленной: *Уна фашистской танк лои жугодёма, век жё ми этиа верним мунны водзё* ‘Много фашистских танков удалось уничтожить, все же нам мало удалось продвинуться вперед’. Но если мы устраним компонент *век жё*, фраза становится ненормативной: *Уна фашистской танк лои жугодёма, и ми этиа верним мунны водзё* ‘Много фашистских танков удалось уничтожить, и нам мало удалось продвинуться вперед’.

Аналогичную ситуацию семантического несоответствия находим и в сочетании союза *да* ‘и’ с конкретизатором *век жё* ‘все же’: *А сэки буретии мыччысис шонді. Буракё, чайийис-косявліс кымёрьяссё да век жё мыччысис, но радлыны сы вылё, вёлёмкё, нинёмла* (Раевский 1988: 17) ‘А тогда как раз вышло солнце. Кажется, разрывало облака и все же вышло, но радоваться ему, оказывается, не за что’.

Анализ материала показывает, что скрепы подобного типа в структурном отношении целесообразно подразделять на *союзные соединения с конкретизаторами* и *союзные соединения с квалификаторами*. В случаях, если союз семантически согласуется с последующим регулярно контактирующим “конкретизатором”, то тесного сращения между ними не происходит. “Второй компонент действительно остается конкретизатором отношений, уже намеченных сочинительным союзом. В случаях же, когда между сочинительным союзом и наполнителем следующей позиции семантического соответствия нет, связь между ними оказывается более тесной, их сочетание приобретает идиоматичность, скрепа становится более целостной <> вторая ее составляющая выполняет уже не конкретизирующую, т.е. уточняющую, а квалифицирующую функцию. Устранение такого квалификатора может привести к заметному сдвигу в семантике высказывания” (Черемисина, Колосова 1987: 155). Таковыми, например, в коми языке будут соединения: *и век жё* ‘и все же’, *да век жё* ‘и все же’, *и сэсся* ‘и затем’, *а сэсся* ‘а затем’, *а сідзкё* ‘а значит’, *а вермас лоны* ‘а может быть’ и др.

Обычно союзное соединение в нашем понимании представляет последовательное контактное соединение, которое начинает союз, а за ним уже конкретизатор (или квалификатор). Однако последние могут следовать за союзом и дистантно.

Анализ материала показывает, что подобные соединения приобретают характер союзной скрепы, передавая в построениях более тонкие, точные оттенки отношений между соединяемыми компонентами и являются одними из источников в пополнении союзных средств в коми языке.

4.2.2. Составные союзы

Составные союзы, как мы уже отмечали, по своему строению представляют нецельнооформленные соединения двух или более элементов, каждый из которых одновременно существует в языке и как отдельное слово. “Составной союз должен отвечать требованиям идиоматичности, целостности, неразъемности” (Черемисина, Колосова 1987: 142). Главными признаками составных союзов, отличающими их от других типов сочетаний, будут следующие: во-первых, они не допускают изменения взаимного расположения компонентов; во-вторых, между компонентами составного союза нельзя вставить никаких отрезков текста. Сложившимися составными союзами в коми языке будут: *a sідзжō* ‘а также’, *кыздз быттѳō* ‘как будто’, *кыздз сōмын* ‘как только’, *мыйōн сōмын* ‘как только’, *муртса на* ‘едва, едва только, лишь только’, *сōмын на* ‘едва, только, едва только’, *сы вōсна мый* ‘потому что’, *сы понда мый* ‘потому что’.

Союз *мый* ‘что’ в придаточных изъяснительных может сочетаться с модальными словами *быттѳō* ‘будто’, *быттѳōкō* (*быттѳōкōнōсь*) ‘будто бы’: *мый быттѳō* ‘что будто’, *мый быттѳōкō* (*мый быттѳōкōнōсь*) ‘что будто бы’, которые часто встречаются в разговорной речи. Изъяснительный союз *мый* ‘что’ – носитель грамматического значения, основным значением которого является сообщение о факте, в достоверности которого сообщающий не сомневается. Носителем грамматического значения могут быть и *быттѳō* ‘будто’, *быттѳōкō* (*быттѳōкōнōсь*) ‘будто бы’, способные выражать в сложноподчиненных предложениях изъяснительные отношения с модальным характером. В отличие от собственно изъяснительного союза *мый* ‘что’, они вносят в придаточную часть добавочный смысловой оттенок: не только сообщается о факте, но и выражается сомнение в достоверности того, о чем сообщается в придаточной части. Сочетания *мый быттѳō* ‘что будто’, *мый быттѳōкō* (*мый быттѳōкōнōсь*) ‘что будто бы’ вводят такую придаточную часть, которая содержит в себе не только передачу чужой речи, но и оценку (со стороны говорящего) достоверности этой части. Как интерпретировать данные соединения: как составной союз, как сочетание двух союзов, как сочетание союза и модальной частицы?

Возьмем следующее построение: *Радио висьталіс, мый быттѳōкō поводдяйс мичаммас* ‘По радио сказали, что будто бы погода улучшится’. В сочетании *мый быттѳō* ‘что будто’ можно устранить любой из контактирующих компонентов, и оставшийся передаст те же отношения. Однако,

устранив компонент *быттьӧ* ‘будто’ мы обедняем содержание мысли: *Радио висьталіс, мый ... поводдяйс мичаммас / ... быттьӧкӧ поводдяйс мичаммас* ‘По радио сказали, что ... погода улучшится / ... будто бы погода улучшится’.

Сочетание *мый быттьӧкӧ* ‘что будто бы’ представляет “союзное соединение”, структура которого определяется как относительно свободное соединение двух компонентов: простого (изъяснительного) союза *мый* ‘что’ и конкретизатора *быттьӧкӧ* ‘будто бы’, что подтверждается возможностью их дистантного расположения и вхождения между ними фрагментов текста: *Радио висьталіс, мый пажын бӧрын быттьӧкӧ* поводдяйс мичаммас ‘По радио сказали, что после обеда будто бы погода улучшится’. Союзные соединения тем и отличаются от составных союзов, что отношения между их компонентами свободные: второй компонент может линейно отрываться от первого, а в составных союзах, как уже отмечали, нельзя вставить никаких отрезков текста, т. е. они лишены признака идиоматичности. Значит, в данном случае можем говорить о союзном соединении с конкретизатором.

Приведем некоторые выводы по главе.

1. Среди показателей связи в коми языке мы выделили прежде всего простые, “гибридные” слова, имеющие право называться частицами, функционально сближающиеся с союзами и в составе простых и сложносочиненных предложений, между отдельными предложениями выражающие отношения градации, присоединения, пояснения, противопоставления, исключения, иногда специфические синтаксические отношения, которые невозможно выразить с помощью союза.

2. Наряду с союзными образованиями, уже приобретшими структурную устойчивость, в языке используются различные по степени слияния компонентов сочетания.

Среди многокомпонентных показателей связи мы выделили такие скрепы (функтивы), которые обладают признаками сложившихся составных союзов. От составных союзов выделяются менее идиоматичные союзные единства – сочетания союзов с квалификаторами. Этим устойчивым многокомпонентным союзам противопоставляются союзные соединения – сочетания союзов с конкретизаторами, компоненты которых связаны относительно свободно.

Формирование новых показателей связи за счет втягивания в орбиту союзных средств частиц, взаимодействия союзов с местоимениями, наречиями, частицами ведут к увеличению корпуса связующих средств в коми языке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Категория союза в коми языке, как и в большинстве финно-угорских языков, является результатом позднего образования.

Союзы в коми языке восходят к древнезырянскому периоду. Некоторые местоименные союзы могут быть отнесены к прапермскому периоду, но это недоказуемо, поскольку фонетические и морфологические изменения, происходившие в период самостоятельной жизни отдельных языков, являются серьезным препятствием в реконструкции уральских / финно-угорских союзов.

Появление и развитие союзов в коми языке связано с созданием памятников древнекоми письменности во второй половине XIV в., в текстах которых встречаются бессоюзные и союзные сложные предложения. В союзных сложных предложениях использовались союзы, заимствованные из церковнославянского языка и исконного происхождения, в формировании которых заслуга вопросительно-относительных местоимений и местоименных наречий.

Источниками самых первых сведений о союзах явились грамматики коми-зырянского языка XIX в. На проблему изучения союзов в коми языке, как и в других российских финно-угорских языках, как отдельного разряда служебных слов сильное влияние оказала русская лингвистическая традиция, что отразилось в грамматиках, появившихся в 50–60-е гг. XX столетия. Особое внимание уделено классификации союзов по функциям и значениям, морфологическому составу.

По синтаксическим свойствам союзы в современном коми языке делятся на сочинительные и подчинительные. В зависимости от значения и грамматических особенностей сочинительные и подчинительные союзы подразделяются на семантические группы.

В развитии категории союза в коми языке первостепенную роль сыграл русский язык, начиная с древнепермского периода и до наших дней. Среди сочинительных союзов на базе собственного языка сформировался только союз *эсся* ‘и, и затем; да и’, остальные являются заимствованными из русского языка или представляют кальку с русского (*a sidsžö* ‘а также’, *кыдзи – сідзи и* ‘как – так и’, *не сідз – кыдз* ‘не так - как’, *не (эз) сōмын – но и* ‘не только – но и’ и др.).

Некоторые сочинительные союзы, хотя заимствованы из русского языка, сохранив свои значения, в языке-рецепторе имеют особенности в функционировании. Противительные и разделительные союзы каких-либо функциональных особенностей не проявляют. Особенности в функционировании имеют соединительные союзы: 1) союз *да* в коми языке может использоваться в случае следственной зависимости и временной последовательности; чаще бывает одиночным, но может и повторяться; 2) союз *ни...ни* может употребляться одиночно, на основе чего образовались устойчивые сочетания

фразеологического характера (*кыв ни джын* ‘ни слова, ни полслова’, *шы ни гу* ‘полная тишина’, *ис ни ру* ‘ни жару, ни пару (в бане)’ и т.д.); 3) союзы *да, дай, и, ни, и...и, ни...ни* в синтаксических конструкциях могут локализоваться как перед соединяемым компонентом, так и после, союз *да...да* употребляется только после соединяемого компонента.

Постпозитивное употребление соединительных союзов – явление, характерное также для севернорусских (а иногда некоторых сибирских говоров). Для современного русского литературного языка употребление соединительных союзов в постпозиции нехарактерно: они всегда локализируются перед соединяемой частью. Вопрос о причинах такого грамматического явления в коми языке и севернорусских говорах пока остается открытым. Не исключено, что могло иметь место субстратное влияние. Подтверждением тому могут быть тесные языковые контакты в течение продолжительного времени русских и финно-угорских народов, в данном случае коми-зырян.

Подчинительные союзы по значению делятся на семантические (точно и однозначно указывают своим лексическим значением на те отношения, которые выражаются в сложноподчиненных предложениях с этими союзами: *мыйӧн* ‘как только’, *кытчӧдз* ‘пока’, *мыйла* ‘потому что’, *лӛка* ‘потому что, так как’, *сы вӧсна мый* ‘потому что; ввиду того что’ и др.) и асемантические (или синтаксические, функциональные) (могут употребляться в различных по значению сложноподчиненных предложениях, указывая лишь на подчиненность придаточного предложения: *кор кӧдыр* ‘когда’, *мед, медым* ‘чтобы’, *мый* ‘что’, *да* ‘когда; потому что, так как’ и др.).

Среди подчинительных союзов, получивших развитие за счет внутренних ресурсов, наиболее многочисленна группа союзов местоименного происхождения. Структурной основой союзов этого типа может быть местоименное слово, превратившееся в союз (*кор* ‘когда’, *кыздз* ‘как’, *кытчӧдз* ‘пока’, *мый* ‘что’, *мыйӧн* ‘как только’, и др.), и уже в этом, новом качестве, выступающее в роли опорного элемента составных производных союзов (*кыздз быттьӧ* ‘как будто’, *кыздз сӧмын* ‘как только’, *мыйӧн сӧмын* ‘как только’, *сийӧн мый* ‘потому что’, *сы вӧсна мый* ‘потому что’, *сы понда мый* ‘ввиду того что’). Многие подчинительные союзы возводятся к застывшим падежным формам относительных или указательных местоимений (*кытчӧдз* ‘пока’, *мыйӧн* ‘как только’, *мыйла* ‘потому что’, *сийӧн* ‘поэтому’ и др.). В системе союзов подчинительного ряда в коми языке имеются союзы, сформировавшиеся на базе частиц: *а* ‘хотя’, *да* ‘когда; потому что, так как’, *мед* ‘чтобы’.

Обнаруживается много заимствованных союзов из русского языка, большинство из которых в процессе заимствования претерпели фонетическую адаптацию (*кӧть* ‘хотя’, *быттьӧ* ‘будто’, *ыштӧ* ‘что’ и др.), или представляющих кальку с русского (*сы вӧсна мый* ‘потому что’, *кыздз сӧмын* ‘как только’, *сы вылӧ видзӧдтӧг мый* ‘несмотря на то, что’ и др.). Происходит так-

же построение нового союза через комплекс: свое + чужое, напр.: *бытьёкё* ‘как будто, будто бы; словно’ (< рус. *бытьё* ‘будто, как будто; точно, словно; как’ + к. *кё* ‘если’), *ыштёкё* ‘будто, как будто; словно’ (< рус. *ыштё* ‘что’ + к. *кё* ‘если’) и др. Наблюдается проникновение некоторых подчинительных союзов из русских народных говоров и укрепившихся в коми-зырянских диалектах (*ежели, так (дак), коли*).

Функцию подчинительных союзов в сложноподчиненных предложениях могут выполнять *союзные слова*, в качестве которых способны выступать вопросительно-относительные местоимения (*кодй, код* ‘кто, который’, *мый* ‘что’, *кутийём* ‘какой’ и др.) и местоименные наречия (*кёни* ‘где’, *кыти* ‘где, откуда’, *кор* ‘когда’ и др.), проблема разграничения которых и на современном этапе составляет определенную трудность.

Широкое функционирование заимствованных союзов в системе коми языка, способность вступать в синонимические связи с исконными союзами, использование их в составе устойчивых фразеологических единиц, пословиц, поговорок являются свидетельством усвоенности их коми языком.

Исследование показало, что в коми языке есть немало показателей связи, функционально сближающихся с союзами. Таковыми являются частицы определенной семантики: усилительно-выделительные, выделительно-ограничительные, некоторые модальные частицы, способные реализовать различные грамматические отношения в синтаксических конструкциях между соединяемыми компонентами, иногда специфические грамматические отношения, которые невозможно выражать с помощью союза. Связующая функция реализуется рассмотренными нами частицами в том случае, если они занимают инициальную позицию. В постпозитивном положении они могут выражать только присоединительные отношения. В интерпозиции они теряют связующую функцию. Однако, хотя частицы и выполняют союзную функцию, выражая грамматические отношения между синтаксическими единицами, союзами не становятся, поскольку сохраняют свою основную функцию – функцию частицы, не теряя своих свойств. Связующую функцию они выполняют “попутно”, в силу своих свойств и значений. В данном случае перед нами показатели связи, функционально сближающиеся с союзами. Мы не должны отождествлять показатели связи с союзами.

Однако общепринятой теории по данной проблеме пока не существует. Одной из причин разногласий являются расхождения в интерпретации языковыми средствами природы показателей связи.

Среди многокомпонентных показателей связи в коми языке сосуществуют уже сформировавшиеся союзные единицы с устоявшимися значениями, функциями и такие образования, которые употребляются в союзной функции и имеют относительно устойчивое сочетание. При изучении составных союзов возникают трудности в установлении статуса сочетаний, выполня-

ющих союзную функцию. Главными признаками составных союзов, отличающими их от других типов сочетаний, будут следующие: во-первых, они не допускают изменения взаимного расположения компонентов; во-вторых, между компонентами составного союза нельзя вставить никаких отрезков текста. Сложившимися составными союзами в коми языке будут: *a sidžžö* ‘а также’, *дай сийö* ‘да и то’, *кыдз быттьö* ‘как будто’, *кыдз сöмын* ‘как только’, *мыйöн сöмын* ‘как только’, *муртса на* ‘едва, едва только, лишь только’, *сöмын на* ‘едва, только, едва только’ и др.

От составных союзов выделяются менее идиоматичные союзные единства – сочетания союзов с квалификаторами. Этим устойчивым многокомпонентным союзным единствам противопоставляются союзные соединения – сочетания союзов с конкретизаторами -, компоненты которых связаны относительно свободно. Подобные соединения приобретают характер союзной скрепы, передавая в синтаксических построениях более тонкие, точные оттенки значений между соединяемыми компонентами и являются одними из источников в пополнении союзных средств в коми языке.

Однако о составе показателей связи в синтаксических конструкциях в современном коми языке мы знаем пока еще очень мало.

Условные сокращения

Памятники древнепермской письменности: *ЛЕ* – Лепехинско-Евгеньевские тексты; *Сош.* – древнепермская надпись на иконе “Сошествие св. духа”.

Языки: *к.* – коми, *рус.* – русский, *ц.-сл.* – церковно-славянский.

Диалекты и говоры: 1) коми-зырянские диалекты: *вв.* – верхневычегодский диалект, *вс.* – верхнесысольский диалект, *вым.* – вымский диалект, *иж.* – ижемский диалект, *лл.* – лузско-летский диалект, *нв.* – нижневычегодский диалект, *скр.* – присыктывкарский диалект, *уд.* – удорский диалект;

2) говоры коми-зырянских диалектов: *Важ.* – говор с. Важгорт удорского диалекта, *Ваш.* – говор бассейна Вашки удорского диалекта, *Венд.* – говор дер. Венденга удорского диалекта, *верх. Мез., ниж. Мез.* – говоры бассейна Мезени удорского диалекта, *Гур.* – говор с. Гурьевка лузско-летского диалекта, *З.* – говор с. Занулье лузско-летского диалекта, *К.* – говор дер. Кони вымского диалекта, *Кб.* – говор с. Кобра верхнесысольского диалекта, *Крив.* – говор дер. Кривое удорского диалекта, *Лет.* – говор с. Летка лузско-летского диалекта, *М.* – говор с. Мыелдино верхневычегодского диалекта, *Н.* – говор с. Ношуль лузско-летского диалекта, *Онеж.* – говор с. Онежье вымского диалекта, *Пор.* – говор с. Поруб лузско-летского диалекта, *С.* – говор д. Синдор вымского диалекта, *Ч.* – говор с. Читаево лузско-летского диалекта.

ИСТОЧНИКИ

- Бабин В.* Мулӧн лов шы // Войвыв кодзув. 1993. 10-ӧд №. 36 л. б.
Безносиков В.И. Свӧякъяс. Сыктывкар, 1973.
Безносиков В.И. Ӧкуль тьӧтлӧн гӧсть // Войвыв кодзув. 1982. 7-ӧд №. 3–30 л. б.
Безносиков В.И. Кӧні менам шудӧй? Сыктывкар, 1985.
Безносиков В. Мый корсян, сійӧ и югдӧ // Войвыв кодзув. 1994. 9-ӧд №. 24–30 л. б.
Игнатов М.И. Юсьяс, донаяс, вай жӧ висьталӧй... Сыктывкар, 1988.
Изъюров И. Миян грездса нывъяс. Сыктывкар, 1984.
Коданев И. Талун оз зэр. Сыктывкар, 1979.
Куратов И.А. Менам муза. Сыктывкар, 1979.
Куратова Н.Н. Вӧр гормӧг. Сыктывкар, 1989.
Куратова Н.Н. Урӧдик кактус лӧдзӧма дзоридз // Войвыв кодзув. 1989. 10-ӧд №. 3–24 л. б.
Лыюров А.А. Вунӧдлытӧм серпасъяс. Сыктывкар, 1988.
Микушев А.К. Коми эпические песни и баллады. Л., 1969.
Напалков В.Е. Томъяс. Сыктывкар, 1988.
Напалков В. Вотӧса август // Войвыв кодзув. 1996. 6-ӧд №. 7–22 л. б.
Осинов В. Танкъяс пырӧны биӧ // Войвыв кодзув. 1979. 4-ӧд №. 6–24 л. б.
Плесовский Ф.М. Коми шусьӧгъяс да кывийӧзъяс. Сыктывкар, 1983.
Попов Н.П. Настя. Сыктывкар, 1986.
Пыстин И.И. Бушкола вояс. Сыктывкар, 1987.
Раевский С.С. Шоныд войвыв. Сыктывкар, 1988.
Рочев Е.В. Лӧз тундра. Сыктывкар, 1980.
Рочев Я.М. Кык друг. Сыктывкар, 1965.
Тимин В.В. Ракета видзӧдӧ енӧжӧ. Сыктывкар, 1990.
Тимушев С.Ф. Зумыш пармаын. Сыктывкар, 1986.
Торопов В. Арся войӧ // Войвыв кодзув. 1988. 11-ӧд №. 39–40 л. б.
Торопов И. Вошӧм гортӧ мунан туйыс // Войвыв кодзув. 1998. 8-ӧд №. 3–44 л. б.
Торопов И. Гымӧбтис керка шӧрын // Войвыв кодзув. 1989. 4-ӧд №. 9–28 л. б.
Торопов И.Г. Оштӧ эн лый кыкысь. Сыктывкар, 1995.
Фёдоров Г.А. Кыа петигӧн. Сыктывкар, 1981.
Фёдоров Г. Чужан мусянь ылын // Войвыв кодзув. 1988. 10-ӧд №. 11–24 л. б.
Фёдоров Г. А. Бӧрйӧм гижӧдъяс. Мӧд книга. Сыктывкар, 1994.
Шахов Б. Гӧрд дзоридзьяса сьӧд шаль // Войвыв кодзув. 1987. 9-ӧд №. 3–24 л. б.
Шахов Б. Овлісны-вывлісны. Лӧг (романлӧн мӧд юкӧн) // Войвыв кодзув. 1997. 5-ӧд №. 6–33 л. б.
Ширяев В. Ас сиктын // Войвыв кодзув. 1975. 7-ӧд №. 42–44 л. б.

- Юхнин В.* Алёй лента. Сыктывкар, 1981.
Юхнин В. Дінгъельса вөрпункт. Сыктывкар, 1983.
Юшков Г. А. Ловъя лов. Сыктывкар, 1979.
Юшков Г. А. Чугра. Сыктывкар, 1981.
Юшков Г. Рёдвуж пас // Войвыв кодзув. 1987. 3-өд №. 3–26 л.б.
Юшков Г. Рёдвуж пас // Войвыв кодзув. 1987. 5-өд №. 3–27 л.б.
Юшков Г. А. Рёдвуж пас. Сыктывкар, 1988.

ЛИТЕРАТУРА

- БАСРЯ – Большой академический словарь русского языка. М.; СПб., 2004. Т. 1.
БАСРЯ – Большой академический словарь русского языка. М.; СПб., 2007. Т. 7.
Белошапкина В. А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977.
Бубрих Д. В. Грамматика литературного коми языка. Л., 1949.
ВВД – *Сорвачева В. А., Сахарова М. А., Гуляев Е. С.* Верхневычегодский диалект коми языка // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1966.
ВД – *Жилина Т. И.* Вымский диалект коми языка. Сыктывкар, 1998.
Вежбицкая А. Из книги “Семантические примитивы”: Введение // Семиотика. М., 1983. С. 225–252.
Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947.
Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972.
ВСД – *Жилина Т. И.* Верхнесысольский диалект коми языка. М., 1975.
Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. М., 1961. Ч. I.
Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. Синтаксис. 4-е изд. М., 1973. Ч. II.
ГВЯ – *Зайцева М. И.* Грамматика вепсского языка. Л., 1981.
ГМЯ – Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Саранск, 1962. Ч. I: Фонетика и морфология.
ГМЯ – Грамматика мордовских языков. Фонетика, графика, орфография, морфология / Отв. ред. Д. В. Цыганкин. Саранск, 1980.
ГСРЛЯ – Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
ГСУЯ – Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск, 1974.
Ерина О. В. Частицы в мордовских языках. Тарту, 1997.
Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982.

Иванова З.К. Частицы между однородными членами в марийском языке // FU 11. 1984. С. 37–42.

ИД – Сахарова М. А. Сельков Н.Н. Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976.

Кадыров Ш.К. Семантика союзов *пока* и *пока не* в современном русском языке // Средства выражения синтаксических связей в сложном предложении. Калинин, 1987. С. 13–25.

Карелсон Р. Союзы в прибалтийско-финских языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1959.

Керт Г.М. Саамский язык. Л., 1971.

КПЯ – Коми-пермяцкий язык: Введение, фонетика, лексика и морфология / Под ред. и в соавт. проф. В.И. Лыткина. Кудымкар, 1962.

Кренделева Т.В. Сложноподчиненные предложения с придаточными времени и их эквиваленты в коми языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2010.

Кренделева Т.В. Семантика временных союзов *кытчӧдз* ‘пока’ и *кытчӧдз эг(ӧ) / эн(ӧ) / эз(ӧ)* ‘пока не’ в современном коми языке // Динамика структур финно-угорских языков. Сыктывкар, 2011. С. 139–143.

КРК – *Безносикова Л.М., Айбабина Е.А., Коснырева Р.И.* Коми-роч кывчукӧр / Кывкутысь ред. Л.М. Безносикова. Сыктывкар, 2000.

Крючков С.Е., Максимов Л.Ю. Современный русский язык: Синтаксис сложного предложения. 2-е изд. М., 1977.

Кузнецова Р.Д. О границах составных подчинительных союзов // Средства выражения синтаксических связей в сложном предложении. Калинин, 1987. С. 4–13.

Куратов И.А. Лингвистические работы. Сыктывкар, 1939.

КЭСК – *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка: Переиздание с дополнением. Сыктывкар, 1999.

КЯЭ – Коми язык. Энциклопедия. М., 1998.

Лейнонен М., Лудыкова В.М. Конечное слово *да* в коми языке с ареально-типологической точки зрения // Journal de la Société Finno-ougrienne. Helsinki, 2001. № 89. С. 127–165.

ЛЛД – *Жилина Т.И.* Лузско-летский диалект коми языка. М., 1985.

Лудыкова В.М. Коми кывйын сложной сёрникузя: Учебное пособие по спецкурсу. Сыктывкар, 1995.

Лыткин В.И. Древнепермский язык. М., 1952.

Лыткин В.И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. М., 1955. Ч. 1.

Лыткин В.И. Коми-язьвинский диалект. М., 1961.

Лыткин Г.С. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. СПб., 1889; 2-е изд. М., 1996.

- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Майтинская К.Е.* Венгерский язык. Ч. I: Введение. Фонетика. Морфология. М., 1955.
- Майтинская К.Е.* Служебные слова в финно-угорских языках. М., 1982.
- Манова Н.Д.* Сложноподчиненные предложения с союзами *кор, кодыр* в коми языке // Коми филология. Сыктывкар, 1975. С. 50–60. (Труды ИЯЛИ. № 18).
- Манова Н.Д.* Сложноподчиненные предложения в коми языке с союзами неместоименного происхождения // Советское финно-угроведение. Таллин, 1975. № 2. С. 90–95.
- Манова Н.Д.* Сложноподчиненные предложения в коми языке в историческом освещении (основные типы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976.
- Манова Н.Д.* Сложноподчиненные предложения с союзом *l'oka* в коми языке // Советское финно-угроведение. Таллин, 1976. № 2. С. 104–107.
- Манова Н.Д.* Об истории развития коми подчинительного союза *да* // Советское финно-угроведение. Таллин, 1978. № 3. С. 200–203.
- Манова Н.Д.* Из истории развития сложноподчиненных предложений с союзом *кõ* в коми языке // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков. Ижевск, 1987. С. 124–128.
- Манова Н.Д.* К происхождению подчинительных союзов в коми языке // Материалы VI МКФУ. М., 1990. Т. 2. С. 123–125.
- Мещанинов И.И.* Члены предложения и части речи. Л., 1978.
- Милославский И.Г.* Морфология // Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М., 1981. С. 240–362.
- Михайлов П.* Практическое руководство к изучению ижемско-зырянского языка. Архангельск, 1873.
- Мишина Г.Г.* Употребление союза *ли – ли* в сложноподчиненном предложении // Средства выражения синтаксических связей в сложном предложении. Калинин, 1987. С. 136–144.
- НВД – *Сорвачева В.А.* Нижневыхогдский диалект коми языка. М., 1978.
- Некрасова Г.А.* Инструменталь (творительный падеж) в пермских языках. Сыктывкар, 1997.
- ОФУЯ – Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М., 1976.
- ОКК – *Лудыкова В.М., Некрасова Г.А., Попова Э.Н., Федюнева Г.В., Цыпанов Е.А.* Ёня коми кыв. Морфология / Дасьтõма филологияса кандидат Г.В. Федюнева кипод улын. Сыктывкар, 2000.
- ПД – *Сахарова М.А., Сельков Н.Н., Колегова Н.А.* Печорский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976.
- Перетрухин В.Н.* Проблемы синтаксиса однородных членов предложения в современном русском языке. Воронеж, 1979.

- Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
- Подорова А.И.* Частицы в коми языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1954.
- Попова Э.Н.* Присоединение в современном коми языке // Пермистика 7: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Сыктывкар, 1999. С. 151–156.
- Попова Э.Н.* Значения и функции союза *и* в современном коми языке // Коми слово в грамматике и словаре. Сыктывкар, 2000. С. 58–65.
- Попова Э.Н.* Слово *кӧ* в коми языке (функционально-семантическая характеристика) // Пермистика XI: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Пермь, 2006.
- Попова Э.Н.* Союзы и частицы в северо-западных диалектах коми языка // Динамические процессы в системах пермских языков. Сыктывкар, 2011. С. 71–77.
- Попова Э.Н.* Частицы как показатели связи в коми языке // Пермистика 13: Вопросы пермского языкознания. Сыктывкар, 2012. С. 168–172.
- ПСД – Жилина Т.И., Бараксанов Г.Г.* Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. М., 1971.
- Редеи К.* Влияние церковнославянского языка на семантику и синтаксис древнезырянского. Сыктывкар, 1996.
- Редеи К.* Сочинительные и подчинительные союзы коми языка // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: Материалы III Всероссийской научной конференции финно-угроведов. Сыктывкар, 2005. С. 228–234.
- Русская грамматика. М., 1980. Т. I.
- Русская грамматика. М., 1980. Т. II.
- Рягоев В. Д.* Тихвинский говор карельского языка. Л., 1977.
- Савваитов П.И.* Грамматика зырянского языка. СПб., 1850.
- Санников В.З.* Русские сочинительные конструкции (Семантика. Прагматика. Синтаксис). М., 1989.
- Санников В.З.* Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М., 2008.
- Серебрянников Б.А.* Историческая морфология пермских языков. М., 1963.
- Серебрянников Б.А.* Историческая морфология мордовских языков. М., 1967.
- Сидоров А.С.* Влияние русского языка на грамматический строй коми языка // Избранные статьи по коми языку. Сыктывкар, 1992. С. 102–120.
- СКЯ I – Современный коми язык. Ч. I: Фонетика, лексика, морфология / Под ред. В.И. Лыткина. Сыктывкар, 1955.
- СКЯ II – Современный коми язык. Ч. II. Синтаксис / Под ред. Н.Н. Селькова. Сыктывкар, 1967.

СМЯМ – Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола, 1961.

Сорвачева В.А. Морфологические особенности верхневашского говора: Дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 1950 // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. СРНГ – Словарь русских народных говоров. М., 1986. Вып. 21.

СРЯ 1981 III – *Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю.* Современный русский язык. Учеб. пособ. для студ. в 3-х ч. Ч. III. Синтаксис. Пунктуация. М., 1981.

СРЯ – Словарь русского языка. 2-е изд. М., 1984. Т. IV.

СРЯ 2006 II – Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: Учебник для студ. высш. учеб. заведений в 2-х ч. М., 2006. Ч. 2: Морфология. Синтаксис.

ССД – *Колегова Н.А., Бараксанов Г.Г.* Среднесыольский диалект коми языка. М., 1980.

ССКЗД – *Жилина Т.И., Сахарова М.А., Сорвачева В.А.* Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Под ред. В.А. Сорвачевой. Сыктывкар, 1961.

Стародумова Е.А. Характер синтаксических частиц // Функциональный анализ единиц морфолого-синтаксического уровня. Иркутск, 1980. С. 41–55.

Тихомирова Е.А. Анафорические знаки подчинения как наиболее архаический тип связи в сложном предложении // Средства выражения синтаксических связей в сложном предложении. Калинин, 1987. С. 93–103.

УД – *Сорвачева В.А., Безносикова Л.М.* Удорский диалект коми языка. М., 1990.

Федюнева Г.В. Указательные местоимения и их производные в пермских языках. Сыктывкар, 2007.

Флеров А.Ф. Зырянская грамматика, изданная отъ главного правления училищ. Санктпетербург, 1813.

Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. М., 1953. Ч. I: Фонетика и морфология.

Хегай В.М. Разделительные отношения и средства их выражения в современном русском языке: Автореф. канд. дис. М., 1981.

Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987.

Черкасова Е.Т. Русские союзы неместоименного происхождения. М., 1973.

Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык. М., 1981. Ч. II: Словообразование. Морфология.

Шатино А.Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., 1953.

Wiedemann F.J. Versuch einer Grammatik der Tsheremissischen Sprache. Reval, 1847.

Wiedemann F.J. Grammatik der ersa-mordwinischen Sprache nebst einen kleinen mordwinische und deutschmordwinischen Wörterbuch. St.-Petersbourg, 1865.

Wiedemann F.J. Grammatik der ehstnischen Sprache, zunächst wie sie in Mittelehstland gesprochen wird, mit Berücksichtigung der anderen Dialekte. St.-Petersbourg, 1875.

Wiedemann F.J. Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen. St.-Petersbourg, 1884.

Gabelentz H.C. Grundzüge der syrjanischen Grammatik. Altenburg, 1841.

Kalima J.L. "Die russischen Lehnwörter im Syrjänischen". – Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia, 29. Helsinki, 1910.

Оглавление

Предисловие	3
Введение	
1. История изучения союзов в коми и других финно-угорских языках.....	4
2. Проблемы изучения союзов.....	11
Глава 1. Общие сведения о союзах коми языка	14
1.1. Памятники древнекоми письменности XIV–XVII вв. – важнейший этап в появлении и развитии союзов в коми языке.....	14
1.2. Классификация союзов.....	17
1.2.1. Классификация союзов по синтаксическому принципу.....	17
1.2.2. Классификация союзов по структурным особенностям.....	17
1.3. Союзы древнезырянского языка.....	19
Глава 2. Сочинительные союзы	21
2.1. Значение и семантическая классификация сочинительных союзов.....	21
2.1.1. Соединительные союзы.....	23
2.1.2. Противительные союзы.....	39
2.1.3. Разделительные союзы.....	44
2.1.4. Сопоставительные (или градационные) союзы.....	50
2.1.5. Присоединительные союзы.....	52
2.2. Особенности функционирования соединительных союзов.....	57
Глава 3. Подчинительные союзы и союзные слова	61
3.1. Значение и семантическая классификация подчинительных союзов.....	63
3.1.1. Союзы с временным значением.....	63
3.1.2. Союзы с причинным значением.....	69
3.1.3. Союзы с условным значением.....	71
3.1.4. Уступительные союзы.....	73
3.1.5. Сравнительные союзы.....	75
3.1.6. Целевые союзы.....	77
3.1.7. Изъяснительные союзы.....	78

3.2. Союзные слова.....	82
3.3. Разграничение подчинительных союзов и союзных слов.....	84
Глава 4. Частицы и союзные соединения как показатели связи	
в коми языке.....	87
4.1. Частицы как показатели связи в коми языке.....	88
4.2. Многокомпонентные показатели связи.....	94
4.2.1. Союзные соединения с конкретизаторами и квалификаторами.....	94
4.2.2. Составные союзы.....	97
Заключение.....	99
Условные сокращения.....	102
Источники.....	103
Литература.....	104

ISBN 978-5-906394-23-1

Научное издание

Элеонора Николаевна Попова

СОЮЗЫ И СОЮЗНЫЕ СРЕДСТВА В КОМИ ЯЗЫКЕ

Рекомендовано к печати
Ученым советом Института языка,
литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Оригинал-макет – Н.К. Забоева

Компьютерный набор. Подписано в печать 18.04.2015.
Формат 60 x 90 $\frac{1}{16}$. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 7,02. Тираж 300. Заказ № 67.

Редакционно-издательский отдел Коми научного центра УрО РАН
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.